

СЛОВО УПОЛНОМОЧЕННОГО

ПАВЕЛ МИКОВ. ЗНАЧЕНИЕ МЕДИАЦИИ В СФЕРЕ ЗАЩИТЫ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА 2

ЭКСПЕРТНОЕ МНЕНИЕ

АЛЕКСАНДР АСМОЛОВ. ВЕК ТИХОЙ ПЕРЕГОВОРНОЙ РЕВОЛЮЦИИ 8

ТАТЬЯНА МАРГОЛИНА. ВОЗНИКНОВЕНИЕ И РАЗВИТИИ МЕДИАЦИИ В ПЕРМСКОМ КРАЕ 12

ВЗГЛЯД СПЕЦИАЛИСТОВ

ВАЛЕРИЯ ЛЕДЕНЦОВА. РАЗМЫШЛЕНИЯ СЧАСТЛИВОГО МЕДИАТОРА..... 23

АННА ХАВКИНА. МОЙ ПУТЬ В МЕДИАЦИИ..... 30

МАРИЯ ШАПОШНИКОВА. МЕДИАЦИЯ – ДЕТЯМ: РИСКИ И ВОЗМОЖНОСТИ 33

ЮЛИЯ ЯКОВЛЕВА. МЕДИАЦИЯ И СОВРЕМЕННЫЙ БИЗНЕС..... 36

ГОСУДАРСТВО И МЕДИАЦИЯ

НИКИТА БУТАКОВ. КОМИССИЯ ПО ДЕЛАМ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ И ЗАЩИТЕ ИХ ПРАВ ПЕРМСКОГО КРАЯ НА СТРАЖЕ ИНТЕРЕСОВ ДЕТСТВА..... 46

ЕЛЕНА ЕРОХИНА. УРЕГУЛИРОВАНИЕ КОНФЛИКТОВ ОРГАНАМИ ЗАГС ПЕРМСКОГО КРАЯ..... 56

ТАТЬЯНА МЕЩЕРЯКОВА. МЕДИАЦИЯ В СУДЕ 57

ЮЛИЯ ЛЕПИХИНА. О КООРДИНИРУЮЩЕЙ РОЛИ КОМИССИИ ПО ДЕЛАМ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ И ЗАЩИТЕ ИХ ПРАВ ПРИ ПРИМЕНЕНИИ ВОССТАНОВИТЕЛЬНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ПРИ РАССМОТРЕНИИ ГРАЖДАНСКИХ ДЕЛ 59

ПОЛИНА СУРОВЯТКИНА. ПРАКТИКА ПРИМЕНЕНИЯ ПРОЦЕДУРЫ ПРИМИРЕНИЯ НА МЕСТНОМ УРОВНЕ 66

ЧАСТНОЕ МНЕНИЕ

СЕРГЕЙ ТРУТНЕВ. ПЯТОЕ КОЛЕСО В ТЕЛЕГЕ..... 77

АНДРЕЙ СУСЛОВ. О МЕДИАЦИИ В ОБРАЗОВАНИИ 79

ГЛАС НАРОДА

МЕДИАЦИЯ СЕГОДНЯ: МНЕНИЯ, СУЖДЕНИЯ, КОММЕНТАРИИ 81

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ

МАРИАННА ДЯЧУК. СОВРЕМЕННОЕ РАЗВИТИЕ ПРИМИРИТЕЛЬНЫХ ПРОЦЕДУР В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН 83

РЕГИОНАЛЬНЫЙ ОПЫТ

ЕЛЕНА ЖБАННИКОВА. ТРАНСФОРМАЦИЯ. ОТ БОРЬБЫ К СОТРУДНИЧЕСТВУ 86

УДК 342.7

ББК 67.400.3

ISBN 978-5-4465-2437-2

Журнал «Человеческое измерение»

Издается с апреля 2011 года.

Редакция, издатель: 614006, г. Пермь, ул. Ленина, 51, оф. 230, тел. (342) 217-76-70, e-mail: ombudsman@uprc.permkrai.ru

Над выпуском работали: Павел Миков, Мария Черемных, Лидия Ясырева, Канстанция Викуленко, Евгения Бродникова.

Главный редактор: Мария Черемных, тел. 8-902-79-77-821, e-mail: maria7400@mail.ru

Фото: архив Уполномоченного по правам человека в Пермском крае, личные архивы Марии Горбач, Елены Истоминой.

Тираж: 500 экз. Номер заказа 3094. Подписано в печать 05.12.2019 г.

Отпечатано в типографии ООО «Буки Веди», 117246, г. Москва, проезд Научный, д. 19, этаж 2, ком. 6Д, оф. 202

Павел Миков

Значение медиации в сфере защиты прав человека

Права человека и медиация – темы неразрывно связанные. Согласно Закону Пермского края «Об Уполномоченном по правам человека Пермского края», Уполномоченный имеет посредническую функцию в тех или иных конфликтах между гражданским обществом и властью, между гражданином и должностным лицом. Уполномоченный вправе проводить процедуру переговоров между конфликтующими сторонами. В практике деятельности всех уполномоченных по правам человека такой опыт есть. И я надеюсь, что и дальше так будет продолжаться.

Сегодня очень важно формировать понимание как у граждан, так и у представителей власти о неразрывности развития медиации как сферы общественно-значимой деятельности и защиты прав человека.

Одно из базовых прав человека – право на справедливый суд и справедливое разрешение конфликтов. Зачастую люди, которые обращаются в суд, остаются не удовлетворенными принятым решением. Как правило, одна из сторон, проиграв в судебном заседании, чувствует по отношению к себе несправедливость, некоторую ущемленность в чем-то и так далее. Поэтому развитие технологий примирения как в досудебном, так и в судебном порядке, на наш взгляд, неотъемлемая часть права на справедливый суд. К сожалению, не смотря на то, что с 2010 года в Российской Федерации действует специальный за-

кон, который определяет возможности заключения медиативного соглашения с помощью процедур медиации и разрешения конфликтов, практика показывает, что почти за десятилетие количество дел, рассмотренных с привлечением медиаторов и закончившихся медиативным соглашением, остается крайне и крайне малым. Если мы возьмем в целом РФ, то по данным Верховного суда РФ за 2018 год всего 0,007% дел рассмотренных судами России были рассмотрены с участием медиаторов и завершились медиативным соглашением. В Пермском крае ситуация, может быть, ненамного лучше.

В судах Пермского края с помощью процедуры медиации

в 2018 году было рассмотрено 465 дел. На стадии принятия искового заявления участники спора выразили желание встретиться с медиатором. После проведения информационной встречи по 198 делам из 465 участники процедуры пришли на медиацию и прошли процедуру медиации, заключили медиативное соглашение. Конечно, это неплохой показатель в Пермском крае, тем не менее, несмотря на значительно более развитую, в сравнении с другими субъектами страны, систему и большое количество профессиональных медиаторов, которые ведут практику с 2000-х годов, пока сами процедуры медиации не столь популярны среди наших сограждан. О чем свидетельствует общероссийская статистика.

Медиация – один из важнейших механизмов формирования здоровой моральной атмосферы в обществе. Благодаря медиативным практикам люди учатся ценить добрые отношения, решать сложные вопросы цивилизованным путем. То есть через переговоры, в диалоговом режиме.

Сегодня использование медиации в решении споров встречается множество препятствий. И дело не только в том, что люди мало осведомлены об альтернативном способе урегулирования споров с участием посредников. Пока сама процедура медиации, поскольку она оплачивается сторонами медиации, является менее доступной, чем просто подача искового заявления в суд. В сред-

нем от согласия на прохождение процедуры до достижения медиативного соглашения требуется три или более встречи. Каждая медиативная встреча для сторон обходится около 2500 рублей. То есть мы понимаем, что в среднем за процедуру медиации граждане могут заплатить по 10000 – 15000 рублей. В то время как государственная пошлина, в случае рассмотрения искового заявления в суде, составляет всего 300 рублей. И в этом отношении, конечно, сдерживающим фактором для многих является необходимость самостоятельной оплаты процедуры медиации. На Совете по развитию медиации при Пермском краевом суде я внес предложение о необходимости внесения изменений в краевой закон

«О бесплатной юридической помощи в Пермском крае», с целью включения процедуры медиации как вида бесплатной юридической помощи. Могу отметить, что эта инициатива была поддержана Советом по развитию медиации в Пермском крае при Пермском региональном отделении общероссийской общественной организации «Российское объединение судей». В настоящее время в администрации губернатора Пермского края создана рабочая группа по подготовке нормативных актов, которые позволили бы закрепить в качестве бесплатного вида юридической помощи процедуры медиации для граждан, которые имеют право на бесплатную юридическую помощь. Мы уже встречались рабочей группой

Уполномоченный имеет посредническую функцию в тех или иных конфликтах между гражданским обществом и властью, между гражданином и должностным лицом. Уполномоченный вправе проводить процедуру переговоров между конфликтующими сторонами.

и понимаем, какие изменения необходимо внести в краевой закон. Понимаем формат постановления правительства Пермского края, который как раз и определит порядок и условия, при которых граждане, имеющие право на бесплатную юридическую помощь, могли бы обратиться к медиаторам для того, чтобы им помогли разрешить конфликт и в досудебном порядке достичь медиативного соглашения. Очень важно, что есть политическая воля губернатора Пермского края Максима Решетникова и его поддержка в дальнейшем развитии медиации в крае.

Для того, чтобы осознанно пользоваться медиацией для решения разнообразных конфликтов, важно понимать суть этого явления. Существует два вида медиации.

Если мы берем классическую медиацию, которая закреплена в Федеральном законе (далее ФЗ – ред.) № 193 от 27 июля 2010 года «Об альтернативной процедуре урегулирования конфликтов с участием посредника (процедуре медиации)», то это схема более соответствует как

раз медиации судебной. И здесь есть определенные ограничения как для самих медиаторов в виде требований к их профессионализму, так и ограничения по самим видам споров, которые возникают, и четко прописаны процедурные моменты, которые необходимо соблюдать при проведении медиации для того, чтобы затем медиативное соглашение было закреплено определением суда. Это классическая судебная медиация, когда гражданин подает исковое заявление и на стадии искового заявления суд определяет медиабильность этого искового заявления и предлагает гражданам – конфликтующим сторонам – не входить в судебный процесс, а обратиться к медиаторам. И есть другая ветвь медиации, которую всё-таки было бы правильнее называть восстановительными технологиями, нежели медиацией в смысле ФЗ-193. В этом отношении, конечно, в Пермском крае с 2002 года применение восстановительных технологий в разрешении конфликтов продолжает активно применяться и развиваться. Иногда это еще называют «медиацией в социальной сфере» или

«восстановительные технологии в социальной сфере». Здесь мы должны понимать, что возможностей применения восстановительных технологий, технологий посредничества в разрешении конфликтов много. Например, у нас в крае развиты технологии, связанные с разрешением конфликтов между подростками, обучающимися в школе.

Говоря о перспективах развития медиации в Пермском крае, необходимо отметить несколько моментов, которые сейчас препятствуют широкому распространению восстановительных технологий. Первое – осознанное отношение граждан к общению и стремление разрешать конфликты мирным способом. В том числе и готовность искать, формулировать, а затем идти на компромиссы.

Если мы говорим о процедуре медиации, то стороны, которые готовы вступать в переговоры с помощью посредника-медиатора должны понимать, что нужно идти на определенные компромиссы. При этом у сторон при всей противоположности их интересов необходимо с помощью медиатора найти общий интерес и в чем-то своим интересом поступиться ради достижения компромисса. Если одна из сторон не готова, или обе стороны не готовы менять свои позиции, а настаивают исключительно на необходимости реализации своего интереса без понимания интереса другой стороны, какой бы профессиональный медиатор не был, достичь компромисса и снять напряжение в такой ситуации будет очень сложно. Во всех публичных конфликтах, особенно в массовых, присутствует повышенная эмоциональность и сложность – именно в управлении эмоциональными отношениями. В массовом конфликте, не может быть как единого стабильного

эмоционального фона, так не может быть единства во взглядах на конкретную сложившуюся ситуацию. В этом и сложность, когда проводятся переговоры и процедуры примирения массового характера.

Второй важный момент – нехватка профессиональных переговорщиков. Я очень хочу обратить внимание на эту проблему! К сожалению, профессиональных переговорщиков в ситуациях массового протеста у нас, по большому счету, нет ни в крае, ни в России. И опросы граждан с целью выявления тех, кому бы они доверили выступить переговорщиком между разными группами, как правило, говорят о тех людях, которых уже с нами нет. Например, эффективным переговорщиком в свое время был Иосиф Кобзон. В очень непростых ситуациях – в «Норд-осте», в Беслане – он попытался сделать что-то, поскольку ему доверяли и те, и другие стороны, но, к сожалению, ни там, ни там переговоры не увенчались успехом. Но это особые переговоры. Сегодня то же самое происходит в социально-политической сфере. Попытка побудить тех, кто конфликтует по тому или иному вопросу, внять голосу разума, пока не приводят к тому, что люди идут на какие-то компромиссы, жертвуя своими интересами, пытаясь найти общий интерес.

У проблемы отсутствия переговорщиков, людей, чье мнение значимо для разных социальных групп, есть еще одна особенность. Она еще и в том, что радикальным настроениям, как правило, подвержены люди в возрасте молодом, когда идет гражданское становление. И все протестные акции об этом наглядно свидетельствуют. В основном это наши граждане в возрасте 16–35 лет. Максимум – до 40 лет. Хотя об-

щая масса, по нашим оценкам, от 25 до 30 лет. Для них такие люди как Геннадий Игумнов, Игорь Тернавский, Александр Калих, Татьяна Марголина уже не являются авторитетом. Они могут быть их и не знают. В то время как для людей 40+ эти люди во многом значимы, к их мнению прислушиваются. А вот для молодых активных граждан, проживающих сегодня в Пермском крае, таких значимых людей, к чьему мнению они могли бы прислушаться и возможно изменить свою позицию, сейчас нет.

Таким образом, говоря на страницах нашего журнала о возможностях медиации и о трудностях, которые препятствуют развитию данной сферы, мы хотим побудить читателей познакомиться с этим многоплановым и очень интересным явлением. Надеюсь, что этот номер поможет гражданам познакомиться с людьми, которые развивают медиацию, узнать о разных технологиях и методиках, задуматься о ценности отношений, не отравленных враждебностью и недоговоренностью. И пусть у людей появится больше вариантов договариваться друг с другом!

ПЕРМСКИЕ ПЕРЕГОВОРНЫЕ ИСТОРИИ

История 1. О прозрачных процедурах приема в детские сады

В 2015 году был конфликт между департаментом образования города Перми и общественной организацией «За право на дошкольное образование детей» по поводу мест в детских садах и самой процедуры зачисления детей в детские сады Перми. Процедура была для родителей непонятна, непрозрачна. В условиях общего дефицита мест поступало много жалоб в адрес Уполномоченного о возможности реализации права на дошкольное образование детей на территории города Перми. Для того, чтобы вывести конфликт из противостояния в конструктивное русло, Татьяной Марголиной было предложено представителям департамента образования города и представителям родительской общественности сесть за стол переговоров. В результате нескольких таких медиативных встреч были достигнуты принципиальные договоренности, которые, с одной стороны, удовлетворили интересы родительской общественности, а с другой – побудили

Если школьная служба примирения способствует созданию доброжелательной среды, учит вести себя в ситуациях конфликтов, позволяет осваивать цивилизованные способы разрешения конфликтов, то комиссия – структура административно-управленческая, куда жалобы подаются официально и рассматривают их тоже официально

сделать более понятными и прозрачными процедуры получения мест в детских садах, описать процедуру обмена местами и так далее.

История 2. О развитии Школьных служб примирения в Пермском крае

С 2002 года в крае активно развиваются школьные службы примирения. Вначале они были только в Индустриальном районе Перми и в городе Лысьва. Там в рамках эксперимента были созданы первые службы примирения. Сегодня во всех муниципалитетах и более чем в 500 школах края есть такие службы. Новый этап в развитии как школьных, так и муниципальных служб примирения дал 2008 год, когда в рамках программы «Семья и дети Пермского края» мы начали проводить ежегодные краевые конференции Школьных служб примирения и ежегодный конкурс на лучшую службу примирения. С 2011 года в рамках этой программы у нас проводится краевой профильный лагерь активистов школьных служб примирения «Страна мира». Кроме того, в отдельных муниципалитетах проводятся свои муниципальные, межмуниципальные фестивали, слеты и другие мероприятия. Инфраструктура, институты, нормативно-правовая база, методическое и ресурсное сопровождение школьных служб примирения в крае на сегодняшний день есть. И это движение про-

должает очень активно развиваться. Конечно, не все школьные службы примирения с одинаковой степенью эффективности работают. Есть определенный мониторинг деятельности школьных служб примирения. Например в школах, где есть психологи или социальные педагоги, которые горят этим и заинтересованы в работе, там они, конечно, постоянно вовлекают в эту деятельность новых ребят и школьные службы примирения работают эффективно при разрешении конфликтов между учениками. И наоборот, есть школы, где подход абсолютно формален, где эта служба создана на бумаге, но фактически деятельность свою не осуществляет. Неэффективность школьных служб примирения – всегда вопрос к взрослым, которые сопровождают эту деятельность. Но помимо служб примирения, в соответствии с законом об образовании, в каждой школе должны быть созданы комиссии по урегулированию споров между участниками образовательных отношений. Участники образовательных отношений – это обучающиеся, их родители, работники и сама образовательная организация. В отличие от школьных служб примирения, это уже не часть воспитательной системы школы, а часть административно-управленческой системы конкретного образовательного учреждения. И если достигнутое с помощью школьной службы примирения соглашение исполняется добровольно, то ре-

шение комиссии по урегулированию споров среди участников образовательных отношений процессуально должно быть оформлено. Соответственно, решение этой комиссии должно исполняться сторонами конфликта в обязательном порядке и более того, оно может быть оспорено вплоть до судебных инстанций. В этом смысле природа школьной службы примирения и природа данной комиссии изначально разная. Если школьная служба примирения способствует созданию доброжелательной среды, учит вести себя в ситуациях конфликтов, позволяет осваивать цивилизованные способы разрешения конфликтов, то комиссия – структура административно-управленческая, куда жалобы подаются официально и рассматривают их тоже официально. Хотя, конечно, комиссия тоже может применять восстановительные технологии в своей работе.

История 3. Трудности переговоров о строительстве религиозных объектов

В Перми показательной является ситуация, связанная со строительством в городе нового здания синагоги. Мы все прекрасно понимаем, что каждый человек имеет право исповедовать ту или иную религию, и создавать препятствия для строительства культовых сооружений органы власти не могут. Если религиозное объединение обращается к органам власти с просьбой выделить участок земли, дать разрешение на постройку храмового заведения, то власть должна положительно отреагировать на это заявление, если религиозное объединение является законным, легитимным, не признано экстремистским. В таком случае препятствий создавать не должно. Ситуация со строительством синагоги показала, что в данном случае у власти, у адми-

нистрации города Перми не было никакого желания сопротивляться. То есть они готовы предоставить эту возможность. Но здесь мы столкнулись с другой ситуацией: поскольку это здание, его строительство задевает общественные интересы, и решение должно пройти процедуру публичных слушаний и обсуждений. И вот здесь уже не власть, а общество не смогло прийти к общему знаменателю. И та часть, которая, к слову, меньшая, но более громкая, создает фон, что все пермяки против строительства синагоги. И в результате получается, что чувства верующих и их право отправлять культ в соответствующем храмовом заведении не реализовано до сих пор. Аналогичная ситуация со строительством мечети. Был конфликт,

созданный на фоне общественных фобий, когда предполагалось, что в микрорайоне Данилиха будет построена мечеть. Но люди, которые проживали в этом микрорайоне, выступили против. И когда Татьяна Марголина приехала для общения с гражданами, как сторонниками, так и противниками строительства мечети, то оказалось, что с одной стороны фобии, а с другой не реализованные социальные потребности жителей микрорайона и привели к этому конфликту. На мой взгляд, это самые сложные общественные конфликты, в которых сталкиваются интересы, основанные на религиозных или на национальных чувствах. И чтобы быть посредником в таких конфликтах, нужно обладать, во-первых, высочайшей ква-

лификацией не только в умении улаживать конфликты, но и в понимании основ религиозных учений, светских взглядов и умение эти разные интересы объединить. Во-вторых, обладать каким-то духовным авторитетом для того, чтобы выступать посредником в таких конфликтах. К сожалению, я могу прогнозировать, что на очередных общественных слушаниях, которые сейчас будут по выбору нового места для строительства синагоги, мы вновь столкнемся с тем, что будет очередной виток социального напряжения и протеста против строительства синагоги. Точно так же может произойти, когда будет вынесен вопрос о строительстве ещё одной мечети на территории города Перми. Мы получим аналогичную ситуацию.

Александр Асмолов

заведующий кафедрой психологии личности
Московского государственного университета,
академик Российской академии образования,
председатель постоянной Комиссии
по образованию и науке Совета
при Президенте РФ по развитию
гражданского общества и правам человека.

Век тихой переговорной революции

В этом году пятьдесят лет как я преподаю в Московском университете, а за это время уже есть стереотипы, из которых не хочется «выпрыгивать», поскольку в них уютно. Общаясь с вами, поделюсь некоторыми, на мой взгляд, важными моментами. Что приходит в сознании? Я не знаю другого такого города, где бы Законодательное Собрание собиралось в филармонии. Это потрясающе! А один из символов филармонии – это развлечение. Я не играю словами. Я играю смыслами. И филармония, и власть – это риск и развлечение,

в мире полифонии мотивов, когда существует многомерность культур, поликультурных, мультикультурных и какофонии, когда есть внесение разнообразия и погашение разнообразия, низведения другого в буквальном смысле. С самого начала конференции «Медиация как культура согласия» мы все думаем об очень важных вещах. Что первое мы с вами сегодня обсуждаем? Вы помните такую замечательную вещь, как фильм «Берегись автомобиля»? Там есть эпизод, когда герои спорят друг с другом и говорят: «А не замах-

нуться ли нам на Вильяма нашего Шекспира?!».

Сегодня мы говорим о медиации, мы говорим о посредничестве! Как любил говорить Станиславский, начиная общение с коллегами: «Чем вы меня удивите, коллеги?». Вы меня, в наше достаточно сложное время (а ведь простых не бывает!), удивили тем, что вновь решили при всех движениях маятника культуры замахнуться на идеологию гражданского общества. Это идеология толерантности!

Идеология гражданского общества – это идеология толерантности. Идеология полифонии – это одна из идеологий, в которых отступают границы «мой–чужой». Это идеология, за которой стоит совершенно особое понимание пульсов нашего времени, нашего века.

«Глупый осудит, а умный рассудит». Вот формула толерантности, вот формула посредничества. Глупый всегда имеет один вариант.

В чем отличие неумного человека от умного человека?

Отличие заключается в том, что у не очень умного человека не бывает сомнений. А для умного человека существует формула: «Я сомневаюсь, значит, я существую».

Идеология гражданского общества – это идеология толерантности. Идеология полифонии – это одна из идеологий, в которых отступают границы «мой–чужой». Это идеология, за которой стоит совершенно особое понимание пульсов нашего времени, нашего века. Скажите, пожалуйста, как называется наше время? Я часто задаю этот вопрос, и буду благодарен, если коллеги смогут поделиться именем времени, именем корабля, а время – это корабль, на который мы с вами сели и плывем.

Как называется время, в котором мы живем? Одного названия не бывает. Поэтому вынимайте названия из самых разных уголков и комнат вашего сознания. Кто рискнет назвать? Что такое гражданское общество? Это симфония, в которой оркестр играет без дирижера. Так как называется наше время, коллеги? Время вариантов. Многомерное время. Все обычно говорят – постиндустриальная эпоха, эпоха информатизации, цифровизации и так далее. Но вместе с тем, в наше время аналитики привели следующий конструкт: «Двадцать первый век - век тихой переговорной революции». Вот это формулировка, которую целый ряд аналитиков, в том числе один из руководителей Гарвардского центра переговоров, вбросили в наше сознание – век тихой переговорной революции. Когда вместо так называемой жесткой силы мягкая сила коммуникации вы-

ходит на первый план. Именно от этой стратегии зависит очень и очень многое. И в этой ситуации я хочу обратиться к некоторым вещам. Вчера, когда мы оказались в атмосфере уникального путешествия по путям сознания Пермского края (иммерсивный спектакль «Зона голоса»), когда мы шли с Егошихинского кладбища от Мемориала памяти жертв политических репрессий до центра города, мы обратили внимание на колокол, в котором не было языка. Безъязычный колокол. Но когда я думаю о сегодняшнем нашем общении, я все время вспоминаю слова Джона Дона: «Нет человека, который был бы как остров, сам по себе. Каждый человек – есть часть материка, часть суши; и если волной снесет в море береговой утес, меньше станет Европа. И так же, если смочит край мыса или разрушится замок твой или друга твоего. Смерть каждого человека уменьшает и меня, ибо я един со всем человечеством, а потому не спрашивай, по ком звонит колокол: он звонит по тебе». Вам всем известны эти уже классические хрестоматийные слова. Вместе с тем, вчера у нас в Перми родилась уникальная формула – «По ком молчит колокол». И когда мы шли, когда были потоки ценностных личностных смыслов, когда мы погружались в историю, которая снимает боль, я еще и еще раз думал, сколько нам нужно пройти, чтобы прийти до особой культуры, какие травмы пережить, пострадать, чтобы прийти до куль-

турой многообразия, до культуры толерантности?

Несколько банальных вещей я вбрасываю в ваше сознание. Что такое культура толерантности? Первое – это культура жизни с непохожими людьми. Это искусство жизни с непохожими людьми. Второе – большой риск понимать банально толерантность как терпимость. Толерантность не редуцируется к терпимости. Толерантность – это эволюционная норма поддержки разнообразия. В Декларации ЮНЕСКО, в Декларации толерантности, ключевая ценность толерантности – право быть разными. Вот это право быть разными – потрясающее право! И в этом смысле слова, мы с вами очень четко говорим о толерантности как особом обществе, обществе разнообразия. Толерантность так же – это полифония смыслов, это всегда полифония мотивов, ценностей и смыслов. В этом ключевое отличие толерантного поликультурного, полимотивационного общества от фанатичного общества, от общества фундаменталистского.

Кто такой фанатик? Фанатик – это раб одного мотива. Фанатик – человек, который ничего не видит. Фанатик, о котором сказано: «Не бойся тюрьмы, не бойся сумы, не бойся мора и глада, а больше всего бойся того, кто скажет: «Я знаю, как надо!». Эти строки хорошо вам известны. Строки одного из мастеров понимания культуры мира толерантности –

Мы с вами сегодня, говоря о медиации и вводя особую реальность, идя к технологии общества толерантности, все проходим особый тест в мире, в Европе, в России. Тест на разнообразие и тест на человечность. Вот по сути дела, пойдём мы по пути разнообразия – одна дорога, пойдём по пути погашения разнообразия – другая дорога.

Александра Галича, как нельзя более актуальны сегодня. Далее, говоря о толерантности, я должен особо подчеркнуть, что по большому счёту в западной традиции толерантность – это открытое сознание, в традиции России толерантность имеет другое измерение, другое, сопряжённое с этим измерением, это широта души. И в этом смысле слова, когда мы говорим о толерантности, для нас близки категории великодушия. Искусство толерантности – это искусство великодушия.

В словаре Владимира Даля, одном из лучших словарей говорится, что толерантность ассоциируется не с терпимостью, а с терпением. И приводятся слова, которые могли бы быть супер-важными для каждого переговорщика. Они очень простые. «Глупый осудит, а умный рассудит». Вот формула толерантности, вот формула посредничества. Глупый всегда имеет один вариант. В чем отличие неумного человека от умного человека? Отличие заключается в том, что у не очень умного человека не бывает сомнений. А для умного человека существует формула: «Я сомневаюсь, значит, я существую». Как вы догадываетесь, я перефразирую небезызвестного мастера понимания смыслов Декарта: «Я сомневаюсь, значит, я существую». Поскольку мой поток сознания мог бы идти дальше, я лишь не-

которые штрихи хочу сказать. Когда мы, начиная с двухтысячного года, написали записку о необходимости создания Федеральной программы по толерантности в России, на нас смотрели как на сумасшедших, да и сейчас смотрят тем же «нежным взором». Сейчас в обществе неоднозначное отношение к толерантности и культуре согласия. Мы идем по очень сложному пути. Найти путь посредничества между конфликтующими реальностями – это наша уникальная задача. Но в этом смысле слова, есть две совершенно разные ориентации в культуре. Ориентация на конфликт – одна ориентация. И когда мы готовим конфликтологов, то тем самым занимаемся радикальным обозрением альтернатив. Ориентация на поиск баланса, компромисса, согласия, понимания различия другого – другая ценностная установка и ценностная ориентация. Сегодня перед нами возникает веер совершенно новых профессий, профессий толерантологов, профессий, связанных культурой медиации и толерантности.

Медиатор – посредник. Вспомним посредников. У нас с вами были хорошие предшественники. Один посредник кое-кого выводил из плена египетского. И его звали Моисей. Он искал, был медиатором между египетской культурой и другими культурами. Другой герой, как медиатор, тоже вам зна-

ком. Что бы ни происходило, какие бы ему подножки не ставили Боги, хитроумный, мудрый Одиссей шёл на Родину и добивался, как посредник, во всех конфликтах решений и разрешения очень многих вопросов. Фигура толмача, как интерпретатора смыслов, как транслятора смыслов, как переводчика с одного языка культуры на другой, также крайне необходима. И в этом смысле для нас она как никогда сегодня важна. В свое время мы с Николаем Сванидзе опросили разные ведомства: «Как они относятся к введению медиаторов, посредников, специалистов по толерантности в своих ведомствах?» В одних ведомствах сказали: «Когда конфликт, зачем переговариваться? Стрелять надо». В других ведомствах, ответили, что непонятно, как это делать.

А теперь я говорю совершенно странную вещь фактически впервые: сейчас появляются новые профессии. Я предлагаю деление новых профессий на два типа. Они делятся на полигамные и моногамные профессии. Полигамные профессии – медиатор, тьютор, фасилитатор. Всё это профессии посредничества. Сейчас появляются профессии под названием визионер – специалист по конструированию будущего. То есть появляется пучок профессий. И когда мы говорим, зачем нам *hardskills* (жесткие навыки), нам нужны только коллаборация – сотрудничество. Нужны те или иные разработки по эмоциональному интеллекту. Что такой эмоциональный интеллект? Это орган распознавания смысла другого человека. Вот что такое эмоциональный интеллект.

Сегодня куча профессий, которых раньше никогда не было. И все они связаны с искусством поиска согласия. Мы с вами сегодня, говоря о медиации и вводя особую

реальность, идя к технологии общества толерантности, все проходим особый тест в мире, в Европе, в России. Тест на разнообразие и тест на человечность. Вот по сути дела, пойдём мы по пути разнообразия – одна дорога, пойдём по пути погашения разнообразия – другая дорога. Отсюда следует невероятно сложная задача. Она сложна потому, что в нашем сознании, как главный конструктор коммуникации, всегда торжествует конфликт. У нас три великих конфликтолога, которых мы знаем, любим – не любим, но они были всегда. Они задали парадигму, оптику понимания реальности. Первый конфликтолог Чарльз Дарвин. Его замечательная концепция: «Конфликты как двигатели эволюции», которую злой Карл Поппер с иронией обозвал: «Вся формула Дарвина сводится к идеологии: выживают выжившие». Другой конфликтолог, не менее известный, который нам подарил конфликт как основу понимания мира, это Карл Маркс. И этот конфликт был всегда как двигатель общества. И третий конфликтолог, замечательный, мой любимый доктор Зигмунд Фрейд, как конфликт между супер-Я и Оно.

Всё это конфликтологи. Я всегда говорю: «Другой такой страны не знаю, которая бы так любила свой конфликт». Мы любим конфликт. Мы нежим его. Мы говорим, «мы на горе всем буржуям...», а после обращаемся: «мировой пожар в крови, Господи!». И ещё ищем благословения. Благослови! А какая самая конфликтологическая песня на земле? Как она называется? Интернационал.

Весь мир – проклятье. Что мы с ним сделаем? Разрушим. И разрушаем.

И когда вы занимаетесь культурой толерантности, услышьте это. Вы идёте особым путем, не отрицая конфликт. Он нужен. В том числе, конфликт с самим собой. Но это другой путь, по нему шли Вернадский и Кропоткин. Гениальная книга Кропоткина «Взаимопомощь как фактор эволюции в мире людей и животных» говорит – симбиотическая эволюция. Эволюция через конфликт. В разных идеях у Кропоткина, у Вернадского, у Бахтина, у Бубера основа движения – диалог. Через диалог, через сотрудничество мы двигаемся, и эволюция двигает-

ся. Мы здесь, чтоб понять все эти смыслы.

Многие из вас видели замечательные фильмы о переговорах. У нас, когда нужны переговоры, некоторые говорят гордо: мы с террористами не переговариваемся. Когда возникают острые ситуации, кто идет на переговоры? Идут аскакалы культуры, уважаемые люди. Так было и в Беслане, и на Дубровке, и в других местах. А где профессионалы?! Есть фильм, где герои – старый полицейский, молодой полицейский и еще один коллега, его Эдди Мерфи играет. Он идет на переговоры с террористом, захватившим банк, а старый полицейский и молодой остаются и видят, как он идет по площади. Он медленно движется туда, где террористы. И молодой полицейский спрашивает у старшего: «Скажите, там же террористы, а он посредник, он медиатор, он переговорщик. Откуда они знают, что он переговорщик? А он знает, что в него не выстрелят?» И следует лаконичный, падающий в сознание ответ: «А он этого не знает!..».

Удачи!

Татьяна Марголина

профессор Пермского государственного национального исследовательского университета, член Совета при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека.

Одной из важных личных и профессиональных реализаций Татьяны Ивановны стало развитие и продвижение медиации в Пермском крае и на территории Российской Федерации.

Возникновение и развитие медиации в Пермском крае

– Как все начиналось? Откуда появилась идея развития медиации как сферы деятельности в Пермском крае?

– Однажды мы реализовывали проект Уполномоченного по правам человека с четырьмя муниципалитетами, поддержанный Всемирным банком реконструкции и развития о новом качестве органов местного самоуправления. Суть проекта была в том, что районные библиотеки как учреждения культуры могут стать коммуникативными площадками и центрами гражданской активности. Идея гражданской активности на местном уровне была привлекательна как для Уполномоченного, так и для представителей некоммерческих организаций. Естественно, предполагалось, что всё будет реализовываться при поддержке этого движения муниципалитетом, определения места

некой лаборатории, где могут рождаться гражданские инициативы. Нам виделись библиотеки в качестве неких коммуникативных площадок, где могут организовываться встречи власти и населения, как инициативных граждан, которые выходят с предложениями, так и протестных граждан. Нужны были такие площадки, которые могли бы стать местом взаимодействия реального или перспективного. Самое главное, как результат, что из этого, на наш взгляд очень одухотворенного места, могут быть очень конструктивные и перспективные инициативы. И вот когда этот проект реализовывался, мы увидели, что практика работы уполномоченного, когда к нему приходит много разных людей со своими проблемами разного уровня, может быть гораздо шире. Мы увидели, что традиционные формы работы с обращениями граждан: принял обращение, увез

его в Пермь, написал обращение к главе – не срабатывает. Мы увидели, что многое из того, что говорят люди – с претензиями, жалобами, предложениями – уже прямо тут может разрешаться, даже если есть высокий градус недовольства граждан. И разрешаться теми, кто за это непосредственно отвечает! Тогда родилась идея отработать на взрослых людях, проживающих в разных территориях нашего края, уже существующую практику восстановительных программ. До этого восстановительные технологии использовались в работе с несовершеннолетними, которые находятся в конфликте со школой, в конфликте с семьей, иногда в конфликте с законом. Проект был дополнен. То есть мы попросили дополнительные возможности на расширение проекта, потому что увидели, что нельзя просто принимать и фиксировать информацию или проблемы на местном

Мы увидели, что многое из того, что говорят люди – претензии, жалобы, предложения – уже прямо тут могут разрешаться, даже если есть высокий градус недовольства граждан.

уровне. Нельзя их даже просто об- суждать. А очень важно эти про- блемы реализовывать на пони- мании. Вот тогда родилась идея отработать технологию примири- тельных процедур или медиации. У нас ещё тогда не было ни людей, которые называют себя медиато- рами, ни программ их подготовки, ни практики. Хотя восстановитель- ная работа с несовершеннолет- ними уже существовала. В про- екте мы ставили небольшую, но серьёзную задачу: подготовить первых медиаторов. Кстати, тогда в России не было ни программ по медиации, ни закона. Это была по- требность. Когда мы стали искать учреждения, где можно реализо- вать подобные задачи на местном уровне, мы выбрали библиотеки. А могли взять школу или учрежде-

ние культуры какое-нибудь, могли взять просто административное здание муниципалитета, пото- му что на самом деле сам муни- ципалитет предназначен для ре- шения проблем граждан. Жизнь как бы сама подсказала нам, что нельзя на местном уровне, чтобы все шло по формально-юридиче- ским канонам. На местном уровне все должны договариваться. Как? И мы увидели, что сегодня техно- логии у нас отсутствуют. Мы уви- дели, что людей, которые могли бы это делать, у нас тоже нет. И мы поняли, что необходимо разраба- тывать программу обучения, уви- деть эти практики в других стра- нах. С середины XX века данные технологии уже развивались в раз- ных странах. И у нас был уже Питер с его переговорными процедура-

ми. С 90-х годов они (петербурж- цы) начали работать с ассоциа- цией медиаторов США, создали программы подготовки специали- стов, более называясь конфлик- тологами, а не медиаторами. Но практика разрешения конфлик- тов в переговорном процессе уже была создана в Питере. Ещё наверное можно назвать Крас- ноярск. Международный Банк организовал нам контакты с ассо- циацией медиаторов США. А мы посмотрели наших медиаторов – это был «Центр судебно-правовой реформы» г. Москва, руководи- тель господин Максудов. Это было НКО. Он начинал и продолжает работать по восстановительным программам и примирительным процедурам с несовершеннолет- ними. Но главное, что у него есть

Назначение медиатора – создать условия для того, чтобы люди сами решили проблему, которая их разделила. Не только, чтобы они решили саму проблему, например, как нам разделить это имущество, но и смогли восстановить отношения.

технологии работы и ассоциация медиаторов. Активными участниками этого процесса стали психологи, работающие на кафедре университета (ПГНИУ – ред.). Создавалась экспериментальная программа. В отличие от программ, которые потом были рекомендованы по федеральному закону, мы всегда рассматривали возможность создания программ, которые будут применимы на местном уровне. Наша программа была ориентирована на подготовку специалистов по урегулированию споров и конфликтов на местном уровне. Вот с этого всё и начиналось в Пермском крае.

Мы разработали программу, которая стала собственностью банка, но в завершение проекта мы

с банком договорились, что эту программу мы дарим нашему классическому университету. Программу передали в университет для возможности дальнейшей работы. И были подготовлены первые группы медиаторов, причем они были из разных сфер. Первые медиаторы были с кафедры социальной работы госуниверситета. Были медиаторы с местного уровня. Например, из Оханского района обучалась депутат. Она же была учительницей и заведующая библиотекой. Они получили медиативное образование. Был специалист крайсфопрофа, занимавшийся трудовыми спорами. Он тоже медиативные навыки решения проблем получил. Мы старались, чтобы были люди из разных сфер, потому что рассчитывали,

что медиация должна в разных областях прорасти. Результатом программы стали первые подготовленные люди и практики разрешения конфликтов в районах, которые были участниками проекта. Наиболее результативно получилось в Оханском районе, особенно в Беляевском поселении, где депутат стала медиатором. К депутатам же часто идут с жалобами на неправомерность действий властей. Вот она организовывала эти переговоры. А потом выяснилось, что не самая большая часть обращений была с жалобами на администрацию. В основном это были соседские споры. И утвердить в поселении другую культуру разрешения их, не обращаться к арбитру – к главе поселения или администрации, чтобы кого-то он, извините, прищучил или обращаться в суд с соседскими спорами, а пытаться создать там, где люди живут, такой тип переговоров, которые не только разрешат проблему, но и восстановят отношения, оказалось очень важным. Потому что если сосед получил решение суда, где не его признали правым относительно

спорного метра, который определяет, где ставить забор того и другого огорода, то решение принято, а человек с ним не согласится. И не исключено, что будет еще один иск, потому что он считает себя правым.

– То есть формальными методами не решаются такие ситуации?

– Нет. Очень важно на местном уровне не просто разрешение спора. Очень важно восстановление отношений. Люди, долгое время живущие вместе, семья ли это, соседи ли это, сотрудники ли одного коллектива – для них очень важно не сказать кто прав, кто виноват, а важно ликвидировать ту трещину, которая возникла в их отношениях. Это самотерапия. Ведь суть медиации не в том, что я пришла и вас примирила. Это иллюзия. Почему иногда представители власти не хотят, чтобы были меди-

ативные технологии? Потому что без них люди договариваются. Назначение медиатора – создать условия для того, чтобы люди сами решили проблему, которая их разделила. Не только, чтобы они решили саму проблему, например, как нам разделить это имущество, но и смогли восстановить отношения. Чаще всего власть при разрешении споров и конфликтов традиционно использует модель арбитража – третьего, по сути, судьи.

– Который как сказал, так и будет?

– Да. Причем модель арбитража это нормальная модель разрешения конфликта. Только при этом важно соблюсти некоторые правила: когда ты слушаешь одну сторону, потом вторую сторону. Когда ты не торопишься только по информации одной сторо-

ны принять решение по предмету спора. Очень часто от этого страдают родители. К примеру, прибежал младший ребенок и сказал, что старший его обижает. Очень часто родители, выступая в роли арбитра, встают на защиту младшего, абсолютно не выслушав старшего, который постоянно в ситуации обиженного. Во-первых, потому что его просто никто не выслушал. Во-вторых, очень часто бывает, что младший – провокатор некоторых деструктивных отношений между ними. Независимо от того, семья это или целый район, которым управляет глава или заместитель главы, очень важно при модели арбитража выслушать обе стороны, получить информацию и только после этого принимать решение. И решение принимает не та или другая сторона. Решение принимает арбитр, представитель власти.

– А медиатор – не арбитр?

– Медиатор – не арбитр. Он отличается позицией, потому что арбитр, как правило, компетентен в сути проблемы. То есть он владеет пространством, в котором

... самая эффективная работа посредника, когда стороны считают, что они обо всем договорились сами.

Очень важно на местном уровне не просто разрешение спора. Очень важно восстановление отношений. Люди, долгое время живущие вместе, семья ли это, соседи ли это, сотрудники ли одного коллектива – для них очень важно не сказать кто прав, кто виноват, а важно ликвидировать ту трещину, которая возникла в их отношениях. Это самотерапия.

произошел спор или конфликт. Он облечен каким-то полномочиями, у него есть власть, опыт, практика, авторитет. То есть он по статусу выше людей, которые обратились с проблемой. И поэтому обращающиеся люди доверяют этому человеку. И человек принимает решение. Но при всем доверии к человеку, который это решение принял, рада будет одна сторона, вторая обиду явную или скрытую в себе унесет. И абсолютно не восстанавливаются отношения с той стороной, которая в данном случае выиграла. Мы говорим о том, чем отличается медиатор. Медиатор может даже не знать сути проблемы. Он организатор процесса

переговоров. Он – мастер создания условий для того, чтобы два человека, две стороны, находящиеся в такой ситуации отношений, что иногда видеть друг друга не могут, поняли друг друга. Он должен создать такие условия, чтобы они могли войти в процесс переговоров и договориться. И решить проблему в результате этой новой для них деятельности – поиска вариантов решений, который удовлетворял бы ту и другую сторону. Они вступают в новую для себя деятельность. Эта деятельность их объединяет и восстанавливает их отношения. Они входят в комнату переговоров, иногда пряча глаза друг от друга, а выходят из ком-

наты переговоров, порой думая про себя: «А зачем нам нужен был посредник?!». И вот это самая эффективная работа посредника, когда стороны считают, что они обо всем договорились сами. Медиатор – это посредник в урегулировании спора, создающий условия для того, чтобы люди договорились сами. Хотя варианты медиации, конечно, разные. Я сейчас говорю о самой эффективной, на мой взгляд, медиации – восстанавливающей медиации. Бывает медиация, когда просто в переговорах решается предмет спора. И так тоже отношения частично восстанавливаются в процессе. Они обречены на то, чтобы

совместно в процедуре переговоров искать варианты решений. Это хорошо работает, например, в деловых спорах. А вот в спорах семейных, где есть личностная эмоциональная сфера, где целый пласт личных отношений, там конечно, восстановление этой части разрушенного, может быть только примирительными процедурами, только восстановительной медиацией. Хотя если уже совсем отношения разрушены, и мы начинаем своего собственного ребенка использовать как объект, и мы не видим друг друга и сами договоренности по поводу графика воспитания ребенка – это тоже решение в интересах ребенка. То есть они обязаны будут что-то сделать. Но вот очень важно, чтобы разорванные отношения в интересах детей были восстановлены. Ребенок ведь чувствует, как мама отводит его к отцу. Доводит до подъезда и говорит: «Иди!», не желая общаться с бывшим супругом, или приводит в квартиру и может общаться с бывшим мужем, здороваясь, желая хорошего дня. Согласитесь, это разные отношения. А ребенок это чувствует. Вроде бы предмет спора решен. Выяснили как ребенок будет общаться с папой и мамой, а отношения не восстановились. Важно восстанавливать разрушенные отношения.

– Как коррелируют права человека и медиация?

– Фундаментальной основой примирительных технологий являются права человека. Я имею в виду признание достоинства другого человека. Мы ведь очень часто в споре несем только себя. Мы не видим человека. Мы не можем признать, что у него может быть какое-то другое мнение. Ведь очень часто конфликты подростков с родителями проявляются в том, что взрослый негодует: «он, видите ли, что-то посмел мне сказать в ответ!» В основе этих проце-

дур понимание и признание права человека быть другим. Мне очень нравится международный стандарт отношения человека к человеку в духе братства. Представьте, какой высоченный стандарт? Брат это тот, кто принимается по определению. На мой взгляд, чуть позже, когда была принята Декларация принципов толерантности, планка стандарта чуть снизилась. Хотя Александр Асмолов считает, что тот буквальный перевод, который у нас есть «толерантность как терпимость» это абсолютный не синонимический ряд. Он даже рассуждал так: «Это не терпимость! Это не просто я тебя терплю. Это терпеливость». Я всегда вспоминаю, когда маленький ребенок в силу разных причин что-то не понял или в силу физиологических причин более медлителен, мы ведь сразу хотим, чтобы он был как все. Такой же быстрый как все. А он инакий. И поэтому мы должны быть терпеливы к этой его инакости. Вот в этом мне кажется само признание разности другого человека. Он по определению может быть другим. И я его должен как разного принимать. А если я мировоззренчески принимаю эту разность другого человека, может, я буду слышать то, что он говорит. А не только заставлять его действовать и слышать только

меня. Мне кажется, что права человека и их принятие они позволяют повысить слышимость друг друга. Мы начинаем слышать друг друга, даже если мы разные. Да даже и одинаковые в эмоциональных оттенках мы когда-то можем быть другими, и это может кого-то раздражать. Поэтому, конечно, эти технологии базово опираются именно на принятие другого человека как имеющего право на свою точку зрения. Когда мы говорим с будущими конфликтологами и медиаторами, мы говорим: «Вы в работе с конфликтом, а значит, с интересами и позицией разных людей. Вы не должны проявлять свои симпатии, свои пристрастия. Например, Вы должны понимать, что интересы того и другого равноположны. Вы – мамочка. И мамочка беспокоится за то, что ее девочка-старшеклассница поздно пришла с дискотеки. И вы ловите себя на том, что вы как медиатор мамочке симпатизируете. Но Вы не имеете права в своей профессиональной работе считать, что ее интерес выше, чем интерес девочки. А у девочки, извините, может в этот момент появилась первая симпатия и для нее эти эмоции нахождения в компании, где есть этот молодой человек, для нее это лично важно. И если бы мама интересовалась этим интересом,

а не работала только в поле своего интереса «Ты должна быть дома вовремя! На улице опасно!»... Это был бы правильный интерес. Но и у девочки правильный. И вот как их соотнести? И как жить дальше маме и дочке, чтобы мама знала и слышала, и чтоб они вместе договаривались о том, как ей быть на дискотеке, обеспечивая свою безопасность». В этом, наверно, суть отношения человека к человеку на платформе признания достоинства другого. Независимо от того какого ты возраста, статуса – мы равноположны! Мы принимаем тебя как человека со своими интересами и пытаемся решить этот спор так, чтобы в идеале максимально или компромиссом, чтобы мы договорились. Договориться можно если ты принимаешь,

если идешь на переговоры. А если есть установка «я все равно тебя обману» или «я все равно своего добьюсь» – не сработает переговорный процесс. Тогда спор нужно разрешать в другом формате – через арбитра. Выбор всегда за участниками конфликта. И не все случаи медиабельны!

– Медиаторы, если я правильно понимаю, не все истории берут?

– Они не должны быть всеядны. В целом в нашем обществе по разным причинам медиация плохо приживается. Она очень мало известна. На самом деле это совершенно новый стиль, чтобы люди между собой договаривались сами. Для меня было совершенно потрясением, когда я увиде-

ла, как принимают эту систему некоторые судьи. Судья по природе своей арбитр. Но сегодня это произошло. Вы посмотрите как за десять лет, правда не в каждом регионе, изменилась ситуация. В Пермском крае в массе своей судебское сообщество понимает, что примирение сторон, мировые соглашения – это более эффективно и перспективно. Это надежда, что следующих исков не будет. Удивительные вещи происходят.

– А в чем понимание судей заключается?

– Например, в том, что сегодня в судах появились комнаты примирения. Конечно, можно создать комнату, но не выстроить контакты с профессиональными

Сама культура и сама практика использования медиации – путь к культуре согласия. И я вижу потенциал Пермского края, чтобы мы могли говорить: «Пермский край – регион согласия! Регион, где умеют договариваться».

медиаторами. Сегодня при Краевом суде работает Общественный совет по развитию медиации. Я член этого Совета. И я вижу, как он работает. Например, на сайте всех судов для информации проходящих людей вывесили списки медиаторов, к которым можно обратиться. Они договорились, где может проходить медиация – в самом суде или в ином месте. Но, что самое главное, они принимают состоявшиеся результаты примирительных процедур медиации (это мировое соглашение) в работу. Они учитывают это. Вот это – самое главное! Получается, еще до судебного заседания происходит примирительная процедура медиативная, когда люди предмет спора решают, с которым пришли. А судья просто придает статус официальный этому соглашению. Это же очень важно. То есть это стало практикой. И это уже новое. Это результат действия ФЗ «Об альтернативных способах урегулирования конфликтов и медиации». Но вот, например, когда мы были в Ингушетии, я поразились тому, что там испокон веков существовали традиции примире-

Мне кажется, что недооценка использования медиативных технологий переговоров и разрешения разного рода споров это очевидно сегодня большая беда и минус современного управления.

ния, способные остановить даже кровную месть. Получается, что процедуры примирения работали в уголовных делах. Как мне говорили старейшины одного рода, с которыми мы встречались, зачастую у них на место аварии первыми приезжают не представители ГИБДД, а родственники того, кто совершил аварию. Когда рассказывали, мы поймали себя на стереотипе: «Вот сейчас они приедут и договорятся, как защищаться». А они приезжают туда, чтобы принести извинения, чтобы попросить прощения, чтобы понять, как можно загладить этот вред. И они идут в семью. Как нам говорил старейший уважаемый человек: «Я иду, а меня не пускают. Но я все равно иду. И мы договариваемся, как можно загладить этот вред.

Мы всем родом соболезнаем». И главное – вот это было для меня главным потрясением – когда председатель Верховного суда республики сказал: «Мы учитываем эти состоявшиеся соглашения». На наши вопросы о том, что убийство всё равно состоялось, ответили, что может быть наказание в 8 лет, а может в 15.

– То есть граждане солидарными действиям способны влиять на гуманитарный потенциал правосудия?

– Да! Если он убил, то по традициям кровной мести другая сторона тоже должна нанести такой же ущерб. И эту цепочку будет сложно остановить. Получается, что у них традиция повлияла

на традицию. Они увидели, что традиция примирения более гуманна. Она останавливает уничтожение друг друга. И стали формировать другую культуру. У них и примирительные комиссии работают. У них значение рода до сих пор очень важно. Мы общались с молодыми людьми в отелях, спрашивая, насколько страшно осуждение рода. Оказалось, что презрение и изгнание для человека с ценностями очень страшное наказание. Мы говорили о правах человека. Это тоже ценности. В основе технологий может лежать ценность традиций примирения. Раньше, по мнению Рустема Максудова, в центральной России в роли примирителей выступали сельские сходы. То есть у нас была традиция общественного участия в примирении жителей конкретных территорий. Я видела презентацию в рамках общегражданского форума как разрешаются споры между соседями, живущими в одной деревне. И это ведь устанавливает новую культуру.

– Мы опять возвращаемся к органам местного самоуправления?

– Сегодня создается впечатление, что они просто встроены в вертикаль. Им не надо договариваться с людьми – им надо получить

разрешение и указание свыше. К сожалению, для многих это так. И очень жаль, потому что суть самоуправления горизонтальная – это органы местного самоуправления и общественность. Вот она – местная власть! А теперь органы местного самоуправления стали как бы органами государственной власти. Потому что их нагрузили, передав им много государственных полномочий, и они волей-неволей выстроились в вертикаль.

– Какие самые важные качества для медиатора?

– На сегодня сложилась иллюзия, что медиатором может работать только человек с юридическим образованием, работающий при судах. Это неоднозначно. Может работать и человек без юридического образования, но, безусловно, при широкой гуманитарной подготовке, хорошо знающий саму процедуру проведения переговоров, сам процесс понимающий. Но еще раньше в Пермском крае и в Питере выстраивалась система восстановительной медиации и восстановительного правосудия, где ключевой была психологическая подготовка. Базовая психологическая подготовка. Но и работают они с другими

типами конфликтов. Здесь переговоры не только по сути, по предмету спора. Здесь важно еще восстановление отношений. Мне кажется, что независимо от того, какое у человека базовое образование, обязательна основа психологических знаний, обязательна некоторая личностная предрасположенность к этой деятельности. Понятно, что должны быть обязательно навыки аналитические и навыки ритора. Я всегда оговариваюсь – не человека хорошо говорящего. Мы говорим про человека, который профессионально смыслы слышит и сам умеет формулировать свои мысли очень лаконично, четко и понятно. Навыки ритора очень важны, так же как чувство эмпатии. Умение встать на место другого человека, почувствовать его. Здесь можно говорить об эмпатии на уровне психологической подготовки, но я выделяю это отдельно. Понимание мотивации сторон должно быть у медиатора не на уровне эмоций, а на уровне понимания сути. Это очень важно. Ты работаешь с интересами. В данном случае это особые навыки следования принципам: профессиональной отстраненности, слушания и слушания, навыки этапов – именно организации. Это очень особенный навык – навык организации переговоров. На первый взгляд кажется, что здесь сложного: одного в одно место посадил, другого в другое. А есть масса всяких подводных течений, которые важно учитывать. А иначе поговорить-то можно, договориться нельзя. Сама культура и сама практика использования медиации – путь к культуре согласия. И я вижу потенциал Пермского края, чтобы мы могли говорить: «Пермский край – регион согласия! Регион, где умеют договариваться».

– Какие усилия необходимо предпринять, чтобы медиация

заработала в разных сферах нашей жизни?

– Если говорить о базовых основах, то я считаю, что в регионе с молодежью очень важно восстановление работы по гражданско-правовому воспитанию, по обучению правам человека. В том контексте, как я говорила в интервью в предыдущем номере (журнал «Человеческое измерение», №13 – ред.). Я считаю, что сегодня очень важно вернуть в школы психологическую составляющую. Психологи в школе должны быть центром обучения детей коммуникации, общению, в том числе, умению вести себя в конфликте. Умение конфликтовать – это навыки, которые должна дать школа. И это не только психолог. Есть ещё конфликтологи, медиаторы. Эти три единицы, которые могли бы быть сегодня в школах вместе с классными руководителями и стать центром культуры общения. Потому что если мы посмотрим сегодня стандарт, то умение

уважать других там прописано. То есть эти ценности-то есть. Но автоматически они с неба не упадут. Для этого нужно образование и особая среда. В нынешней ситуации вроде бы в 70% школ психологи есть. Но когда спросишь, кто работает полностью на ставку – в аудитории всегда раздается смех. А психологизация образования важна сегодня. Мы должны понять, что все очень серьезно: разобщенность наша, всех нас, будет только увеличиваться. Не факт, что идеология нас скрепит. А общаемся мы всегда! Коммуникация – наше извечное состояние. И оно должно быть освещено культурой. Культурой согласия. Это про то, что профилактически.

Я считаю, что без всяких рисков для себя власть может способствовать внедрению медиации в учреждениях социальной сферы, в образовании. В образовании само Министерство ввело, внедряя школьные службы примирения, комиссии по решению

конфликтов. А пока эти службы не работают. Если есть среда в школе, то и службы эти заработают. А если для галочки – то ничего не получится. Есть опыт реакции на внедрение медиации разных министерств. Первым в 2012 году откликнулось Министерство социального развития, когда министром была Татьяна Абдуллина. Почему? Да потому что жалоб от проживающих в интернатах было много. Необходимо было создавать институты, чтобы люди могли на местах договариваться. Там была интересная работа. Где-то отдельных специалистов обучали, а где-то целые коллективы были обучены в отдельных интернатах. И прекратились жалобы. Комиссионно они ещё создали Ответственный совет по работе с жалобами. То есть получилась целая система.

Абсолютно индифферентно к этим вопросам всегда было Министерство культуры. Очень конфликтное по сути своей, где потребность

в уважении каждого просто зашкаливает.

А вот когда пошли массовые недовольства здравоохранением, тогда Министерство здравоохранения вышло на то, что должна быть система обучения специалистов. Сказать о том, что было всё подхвачено, я не могу. Но потребность в работе со специалистами поликлиник, больниц и других медицинских учреждений они ощутили. Сказать, что у них созданы какие-то системы не могу, но когда проблемы или потребности осознаются, это уже полшага к решению.

Мне очень горько, что в Пермском крае утрачена культура работы органов местного самоуправления по урегулированию протестных споров. А она была! В 1990-е годы была практика работы именно с протестными группами, с митингующими. Администрация города выходила к людям на переговоры, выясняли проблему и урегулировали. И это нормальная реакция была! Конечно, лучше не запускать проблему, но и уметь действовать в таких ситуациях очень важно. Это у нас было. А сейчас даже если конфликт социального плана, к сожалению, это переводится в политическую плоскость и почему-то считается, что здесь процедур переговоров не будет. Но вспомним попытку перекрыть дорогу в Ляды граждан, у кото-

рых был риск сноса их домов, потому что они находятся вблизи газопровода. Мы же видели, какая была позитивная реакция людей, подвергшихся очевидной несправедливости, на то, что к ним на переговоры вышел глава города Перми. Они поняли, что их слышат и их принимают. И они понимали, что не он решает эти вопросы. Но это статусный человек, первый, кто вышел, чтобы их послушать и понять, что можно сделать в этой ситуации. Мне кажется, что недооценка использования медиативных технологий переговоров и разрешения разного рода споров – это очевидно сегодня большая беда и минус современного управления.

– Какие возможности улучшения социальной жизни есть в Пермском крае сегодня?

– У нас есть много социальных технологий. Удел политический – всё-таки удел узкого круга граждан. А вот жизнь людей проходит в разных социальных сферах. И я вижу перспективы. Просто не нужно дожидаться обострений. Вот даже в урегулировании трудовых споров. Раньше у нас было Управление труда в структуре региональной власти, где была система трудовых арбитров. Это должности были. Это обученные люди, которые выходили и решали трудовые споры согласно Трудовому кодексу.

В отличие от других регионов, у нас ещё есть задел, который говорит, что есть ресурсы в Пермском крае – это созданная новая гражданская институция. Это Ассоциация медиаторов, работающая с несовершеннолетними и семьями, находящимися в группе риска. Это АНО «Медиация», которое работает с бизнес-спорами. Это Лига медиаторов. Филиал федеральной структуры, которая у нас тоже присутствует. Они разные споры решают – и на местном уровне, и бизнес-споры. У нас есть Ассоциация медиаторов Оханского района. Вот тот остаточек с первого проекта.

Есть странные вещи. Например, комиссии по делам несовершеннолетних работают в медиативных технологиях. А в нормативных документах их нет. В образовании сегодня необходимы медиаторы, но в списке профессий, в штатных расписаниях их нет. Конечно, это задачи отраслевого министерства и этого необходимо добиваться сегодня. Нормативное регулирование процедур, о которых я говорю, не в судах, а во внесудебном порядке – это то, что тоже является перспективой.

Сегодня в Пермском крае есть организации, специалисты, программы. Хочется верить, что эти ресурсы будут реализованы разнообразными министерствами во благо жителей края.

Валерия Леденцова

Размышления счастливого медиатора

Медиатор, руководитель медиативной клиники при юридическом факультете Пермского государственного национального исследовательского университета, ассистент кафедры социальной работы и конфликтологии Пермского государственного национального исследовательского университета, руководитель лаборатории изучения конфликтов ПГНИУ – и это далеко не полный список профессиональных реализаций нашей собеседницы Валерии Леденцовой. Наука, просвещение, преподавание и работа медиатора – сферы ее деятельности. Наш сегодняшний разговор о медиации.

– С чего началась история медиации? Когда появилась актуальность создания этих служб?

– Актуальность медиации была всегда. Не было инструмента. Люди вступают во взаимодей-

ствии, возникают разногласия, возникают конфликты, точки зрения надо как-то согласовывать, а мирный инструмент не всегда можно найти. Мы устали, у нас нет сил, и желания. В таких ситуациях часто получается, что сило-

вой способ решения конфликтов самый быстрый. Может реализовываться такой способ по-разному: через физическую силу, через административные рычаги, через какое-то давление. В общем, разные способы есть. Необходим

был какой-то гуманный инструмент, который был бы актуален в настоящее время. И важно, чтобы он был не психологический, глубинно-психологический, чтобы он был исполнимым сам по себе, чтобы он был реализуемый, и чтобы люди разных профессий могли им работать. Так появилась медиация – гуманный способ решения конфликтов.

– То есть медиатор – не обязательно психолог?

– Да! Здесь логика в том, что в зависимости от профиля разрешаемых конфликтов, какие-то профильные знания будут требоваться. Если мы работаем, например, в арбитраже, то понимание того, как это происходит, было бы важным. И вряд ли психолог здесь будет уместен. А собственно в кризисе, семейные кризисные состояния, когда эмоциональная составляющая в конфликте очень велика, наверное, психологические знания могут быть полезны. В принципе, даже питерская школа конфликтологов, одна из самых взрослых в нашей стране, исходит из того, что медиатор – надотраслевая деятельность. То есть это компетенция, которая не может быть отнесена к какой-то действующей профессиональной отрасли. Она над не в смысле превалирования, а в смысле интегрирования разных систем.

Стартовала медиация в работе с несовершеннолетним, совершившим правонарушение. Так развивалась сеть служб примирения, которая имела свою структуру, логику и функционал. Был проект «Дружественное детям правосудие», реализованный Пермским краевым судом и другими субъектами как раз по развитию данной практики. Научно-методическое руководство осуществлял центр «Судебно-правовая рефор-

ма», которым руководит Рустем Максудов. И так в нашем регионе технология «послеспоровой» работы, в моей терминологии, когда нет вообще спора, зашагала. У меня есть собственная классификация. Я долго анализировала как вообще структурировать то, что происходит с медиацией. По сути, одну и ту же медиацию все по-разному называют: судебная, досудебная, внесудебная. То есть понятий много. Медиация делится для меня на две группы. Первая – это медиация, ориентированная на разрешение споров. И вторая – медиация, ориентированная на разрешение конфликтов в целом.

– Медиация – способ разрешения любого вида споров? То есть она работает даже в ситуации, когда спора пока нет, но мы уже друг друга не любим?

– То, о чём вы говорите, это социальная напряженность. По конфликтологической терминологии это конфликтная ситуация. То есть мы в ней можем находиться, но противоборства не возникает. Противоборство возникает в том случае, когда есть, говоря терминами конфликтологии, какой-то инцидент или конфликтоген, когда есть некий триггер, после чего запускается наше неконструктивное взаимодействие. До этого есть напряжение и это конфликтная ситуация, а самого конфликта еще нет.

Как развести понятия спор и конфликт? Споры – это составляющая конфликта, имеющая социально-правовую и юридическую компоненту. Если конфликты мы решаем между собой, и это никак не регулируется действующим законодательством, мы не обращаемся к третьим ведомственным лицам, то это по-прежнему конфликт. Если наш конфликт ушел в суд, мы понимаем, что это спор, и он будет разрешен в любом слу-

чае. Он может разрешиться судом. Возможно, мы как-то мирно договоримся, и суд будет принимать наше мировое соглашение, утвердит его. Спор – это сегмент, часть конфликта. Например, мы решим вопрос по недвижимости при расторжении брака. Обратились в суд. Получили решение о разделении имущества так, как хотели или как-то иначе, но решение есть. Остается ещё очень много вопросов, которые требуется решить. Если это семья с детьми, то возникают вопросы, как и с кем будут жить дети, как они будут воспитываться. По образованию много вопросов возникает, по различным религиозным аспектам. Ну, и так далее, и тому подобное. То есть суд это не урегулировал, потому что в основе исковых заявлений такого нет и не может быть. Но, тем не менее, это интересует стороны, от этого зависит как будет функционировать их семья. Отмечу, что для ребенка родители – это всегда семья. Это взрослые считают, что развелись и семья закончилась. Для детей это все равно семья. Это всегда папа и мама. Даже если кто-то из родителей живет где-то далеко. У взрослых несколько иная интерпретация. Взрослые состоят в новых отношениях и для них прошлая семья – уже где-то там. Когда задаешь вопрос, как выглядит семья для ребенка, взрослые удивляются, потому что ребенок-то совсем иначе всё видит. Не так, как взрослые это воспринимают. И получается, что судебное решение по сути есть решение спора, но не разрешение конфликта. Требуется решение бытового конфликта. Частично конфликт снимается наличием решения, но всё равно ситуация требует дополнительного участия специалистов, необходима внесудебная составляющая, когда нет юридической компоненты в конфликте, но тем не менее это является предметом разногласия и противоборства семей. Если

брать семейные споры, то они часто не лежат в рамках семейного права, но являются основанием для существенных «боданий» между людьми.

– То есть, по сути, для простых граждан медиация – это о лучшем качестве жизни? Зачем обращаться к медиатору до того как у него что-то случилось?

– Конечно, лучше обращаться до кризиса. Осознаем ли мы эту потребность до того как у нас что-то случилось? Чаще всего нет!

– Какими вопросами должен задаться обыватель, чтобы понять: «да, мне пора к медиатору» или «нет, мне ещё не пора к медиатору»?

– Здесь надо будет предложить критерии. Мы для специалистов некоммерческих организаций, для организаций, работающих с семьей, предложили критерии, предназначенные для определения понимания какой кейс отправлять медиатору. Важно понимать, когда мы входим в партнерство с любой организацией, нам начинают отправлять самые разные случаи. Порой нам даже на медиацию отправляют кейсы, где нет стороны. Так бывает из-за недопонимания процедурных особенностей.

Зачем нужна медиация? Если в целом с точки зрения миссии говорить, медиация нужна людям, чтобы сохранить лицо, сохранить коммуникацию друг с другом. Я – счастливый медиатор, работающий с семьями. У меня всегда очень сложные кейсы. Это всегда связано с серьезным кризисом семьи. Но у меня не было нелюбящих папочек и мамочек. Есть те, кто очень устали от конфликта. И они устают бороться, сдают свои позиции. Как это выглядит в глазах другой стороны? Выглядит как от-

ступление. Но никогда не было таких, кто не хотел бы, чтобы было всё было в порядке. Просто у человека есть некий ресурс, который на борьбу очень расходуется сильно. И вот это понимание того, что борьба заберет больше, чем попытка мирно договориться, она очень часто помогает людям прийти именно к медиации, к такой процедуре, чтобы всё решить. Сохранить лицо в человеческом измерении, говоря в ваших терминах.

С начала этого года в рамках моей «Лаборатории изучения конфликтов», у нас есть медиативная клиника. Студенты конфликтологи, выходя из стен вузов, должны понимать и уметь работать с клиентами. С первого января 2019 года мы активно начали работать. До этого прошла подготовка клиницистов (специалистов, работающих в клинике – ред.) для работы с гражданами. На сегодняшний день проведена 31 медиация (в период с января по август). И это очень много. Обращаю внимание, что студенты не одни сидят в процедуре, потому что есть действующие нормативы, которые не позволяют это делать. Они состоят в ко-медиации, где я тоже нахожусь. Будь мои ресурсы больше или несколько меня (как персо-

ны, специалиста – ред.), то наверное было бы и больше, потому что запрос очень велик. В основном у нас услуги медиаторов предоставляются в варианте проектной инициативы. То есть, если есть какой-то проект, услуги могут предоставляться гражданам бесплатно. Есть ассоциации медиаторов, которые для меня по непонятным механизмам тоже могут предоставлять эти услуги на безвозмездной основе. Но преимущественно это услуги по расторжению брака, по порядку общения, по месту жительства – эти услуги предоставляются на коммерческой основе. Идея создания клиники была связана с тем, что много семей в социально-опасном положении, семей в состоянии нуждаемости. Эти люди не могут фактически оплатить услуги медиатора, потому что ориентированы, прежде всего, удовлетворить витальные потребности. Даже если есть понимание, что это важно, материальные условия реализовать потребность не позволяют.

– Что входит в условный пакет, который называется «услуга медиатора»?

– Это очень длительный спор в среде медиаторов. Что является – что не является медиацией?

Что входит в пакет услуг – что не входит? Как осуществляется эта процедура? Есть первая информационная встреча, когда как раз определяется, действительно может ли быть реализована процедура медиации, подходит ли случай для процедуры и процедура для случая – это называется понятием «медиабельность». После этого проходит встреча со сторонами и собственно процедура медиации, где происходит ещё более подробное информирование людей о процедуре, чтобы они представляли, где они находятся. Происходит представление людьми своего видения ситуации. То есть каждая сторона уважительно и безопасно может высказаться о том, что случилось, как они видят ситуацию. После этого происходит обсуждение тех вопросов, которые они обсуждают сегодня. Не всегда за одну встречу можно решить все вопросы. Приходится делить на несколько встреч. Всегда важно определить о чем мы будем говорить сегодня. Например, невозможно сразу обсудить вопросы по имуществу, как и с кем будут жить дети и как будет осуществляться опека. По времени процедура также ограничена – два-три часа. Более длительная процедура не целесообразна. Дольше стороны уже не будут способны к конструктивному обсуждению. Поэтому структурируем вопросы, выбираем приоритет, который обсуждаем сегодня и планируем дальнейшие встречи. После того, как тема определена, у нас это повесткой называется, мы проводим обсуждения возможных вариантов решения. Часто требуется индивидуальная встреча со стороной, то есть когда процедура имеет формат индивидуальной встречи. Мы прерываемся. Обсуждаем вопросы с одной стороной, потом обсуждаем вопрос с другой стороной. Наедине. Конфиденциально. Это эффективно, потому что часто есть

вещи, которые участники не готовы сказать другой стороне. Например, в семейных вопросах это наличие других отношений, какие-то имущественные моменты (к примеру, «хочу дачу – и всё!»). То есть у всех есть свои представления о важном. И вот данная встреча ориентирована на то, чтобы понять, что для человека важно. Это бывают очень разные вещи. У меня был папа, которому важно было поить ребенка козьим молоком. У меня были стороны, которым важно было, чтобы ребенок ездил из дома в дом. И вот эти вот нюансы, кажущиеся на первый взгляд такими малозначительными, если их не учитывать, то это оценивается сторонами как неприятие их точки зрения другой стороной. И это как раз почва, основание для недоверия. И когда этот вопрос решается, остальное идет легче и быстрее. Далее, мы обсуждаем со сторонами варианты решения. Главное, чтобы этих вариантов было много, потому что часто стороны видят только свой вариант и никакого другого признавать не хотят. Часто как решение принимается вариант, о котором стороны даже не подозревали. Мы проводим мозговой штурм, в процессе которого стороны накидывают разные варианты. Мы просим стороны

это делать. Затем берутся части из каждого варианта, и получается то решение, которое действительно взаимоприемлемо для сторон. Выбираем решение лучшее в тех условиях, исходя из тех факторов, в которых мы воздействуем на ситуацию здесь и сейчас. В процессе наша задача организовать коммуникацию. Медиатор часто выступает в функции переводчика с эмоционального языка на русский. Я так для себя определяю этот процесс. В семейных ситуациях часто бывает, что люди вообще говорят об одном и том же, но эмоциональная настроенность негативная, убеждение, что напротив антагонист, противостоящая сторона, что не позволяет услышать слова другого. Очень интересно быть медиатором! Сидишь, смотришь: два человека, имеющих действительно счастливую общую жизнь, в какой-то момент видят друг в друге врагов. При этом они говорят об одном и том же! Еще умудряются об этом спорить и ссориться. И когда даже небольшие резюме по сказанному произносишь, люди часто удивляются. А мы повторяем только фактически сказанную ими же информацию. Мы оценочную информацию, интерпретации, отношения людей не воспроизводим. Медиатор держит свою

позицию. И порой стороны даже такую паузу выдерживают, потому что они удивлены, что именно об этом и говорили. Знакомство с другой стороной порой происходит через медиатора. И, когда стороны начинают слышать друг друга, мы ищем варианты. Поиск вариантов – это тоже совместная творческая деятельность. На этом этапе уже нет антагонистов, уже сложилась команда – команда по отношению к проблеме, к поиску вариантов. Мы вместе придумываем, как можно реализовать выбранный вариант? И на этом этапе очень важно разобрать проблему до «косточек», максимально детально и подробно, до мелких деталей, чтобы независимо от восприятия каждой из сторон, алгоритм дальнейших действий был прозрачен, понятен и воспринимался однозначно. То есть, чтобы не было у формулировок какой-то коннотации, каких-то оттенков, которые каждый может трактовать по-своему. Важно, чтобы все формулировки были точными и проясненными. Мы должны удостовериться, что стороны их понимают именно таким образом, что более реализуемо будет то соглашение, которое они заключат.

– Что является итогом работы медиатора?

– В случае обсуждения всех вопросов повестки, появляется медиативное соглашение. По неизменно важным вопросам решение может быть в устной форме. По важным преимущественно в письменной форме, потому что, на нашей практике, все, что после 10000 рублей – всё в письменной форме фиксируется. Если у нас прошла одна сессия, то в зависимости от ассоциации, которой принадлежит медиатор (у всех разный документооборот) это может быть меморандум о взаимопонимании. Такой документ, где написано, что мы слышим друг

друга и готовы работать над проблемой. Есть другой вариант – когда мы заключаем по каждому вопросу отдельное медиативное соглашение. Такое тоже может быть. Или может быть промежуточное соглашение, которое будет частью итогового.

– С какими трудностями встречаются медиаторы в своей работе?

– Преимущественно процентов 70–80 обращений на первом этапе формулируется как потребность в манипуляции: «вы ему скажите», «вы на него надавите». В моем опыте были такие ситуации, когда медиацию пытались использовать как оттягивание времени, ожидая прихода документов из другого региона, важных для суда. Бывают такие моменты, но очень редко. В таких случаях мы с коллегами отказываемся. Институт медиации занимается только восстановительными процедурами и спекуляции не уместны ни сейчас, ни потом. Никогда! Но представление о медиации как о некоем ресурсе, чтобы надавить на вторую сторону, есть. На информационную встречу иногда с такой установкой приходят. Но когда уже садятся в процедуру, задача медиатора разъяснить содержание этой процедуры: на что она ориентирована, в каких условиях она будет эффективно работать. Медиация эффективна, если стороны хотят решить вопрос. Если люди не хотят решить проблему, то медиация в таких случаях может не помочь. Мы проясняем проблему. Когда человек говорит: «Нет. Я не готов сотрудничать и решать проблему не готов» – порой это форма сопротивления на этапе установления контакта. С эмоционального языка это можно перевести так: «Я вам пока ещё не доверяю, почему я должен говорить с вами о личном?». Бывает установка, что человек приходит собирать информацию. Но это видно еще на

информационной встрече. То есть свой интерес человек всё равно демонстрирует. Люди в ситуации проблемы всё-таки где-то бессознательно ориентированы на то, чтобы эту проблему решить и идут за этим. Очень в разных формах это выражается. У меня был клиент, который долго пытался нивелировать меня как человека, как специалиста, как профессию. Звучало это так: «Да я вообще не знаю зачем?», «Да вы тут ничего не делаете?», «Да я вообще считаю, что женщина не может что-либо сделать». Такие реплики он проносил постоянно. Молодость, мягкость и неавторитарность общения тоже работали «против» меня в глазах этого человека. Я его выслушала. И спросила: «Тогда вы здесь зачем?» Он подумал некоторое время и решил на вопрос ответить. Сказал: «Вот у меня проблема ...» С этого начался диалог, потому что человек привык, видимо в силу своей профессиональной деятельности, жизненного опыта, опыта социальных взаимодействий, привык таким образом себя вести в ближайшей стратегии. Ёжик такой! А когда он понял, что мне в принципе не важно ёжик он или нет, и моя задача совершенно в другом – предметно работать с его проблемой – работа сразу пошла. Клиенты очень разные. Индивидуальные особенности у всех есть. Кто-то готов очень много говорить о своей проблеме, но не сказать о ней ничего: многословны, но очень деликатно относятся к личному. Это одна стратегия. Некоторые идут через сопротивление. Изначально говорят: «Нет, я не хочу ни о чем договариваться», при этом сидят и не уходят. Мы понимаем, что если человеку это не нужно и не комфортно, наверно, он бы встал и ушел. Это доказывает, что на самом деле для него важно.

– Возможна ли деятельность медиативной службы при какой-то

государственной структуре? Или медиаторы должны быть принципиально независимыми?

– В Санкт-Петербурге в центре «Контакт» есть служба медиации. Недавно им исполнилось три года. Они провели 2645 медиаций. Но у них очень большой штат. Это государственная служба. У них есть зарплата. Работает только молодежь. Сам центр в рамках ведомства по молодежной политике довольно эффективно работает как с несовершеннолетними, так и с людьми с 14 до 35 лет. Здесь важен вопрос отношения учредителя к данной организации. В данном случае у них есть возможность быть самостоятельными и независимыми. И никаких конфликтов интересов в этом плане не происходит. Главное, чтобы был результат, то есть решались проблемы.

– Какие риски в достижении результатов есть у медиаторов?

– Вопрос о рисках для меня ещё не до конца осмыслен. Но видение есть. На мой взгляд, медиация – это очень благодарная деятельность, потому что она не интервенционна: ты не входишь ни в голову, ни в конкретную ситуацию по большому счету. В этом плане ты понимаешь, что не внедряясь, помогаешь людям не за счет передачи конкретного ресурса, передал – взял. То есть ты помогаешь людям через технологию. То есть они вербализуют, они сами осознают, они сами принимают решения. То есть ответственность остается на человеке. Это очень благодарная работа, поскольку люди действительно делают всё сами и как они хотят. Для меня основные смыслы медиации заключаются в двух понятиях «это важно» и «я хочу». Вот медиация это то, что хочет сторона и то, что для каждой стороны важно. Есть такое заблуждение, что желание

двоих очень трудно реализовать, особенно если они противоположные. Зачастую не так оказывается. Они редко бывают противоположными. Они выглядят как противоположные, а фактически они только в части отличаются, а эта часть может быть совершенно не значимой для второй стороны к реализации. У конфликтологов есть такой анекдот или кейс про апельсин. Две девочки хотели что-то приготовить из апельсина и сражались за владение им. Оказалось, что одной нужна цедра, а другой мякоть. И часто так бывает, что «пазлы» вполне благоприятно складываются, потому что одни одну детальку нужно, другим – другую. Про эффекты, которые отражаются на медиаторе. Конечно, когда ты встречаешься с ситуациями, которые вне поля твоих ценностей, они другие – это непросто. Ты не должен продемонстрировать свое «я». Ты должен сохранить свою нейтральность. Сохранить свою позицию медиатора. Это требует определенных усилий. Но трудно это лишь на первом этапе профессионального становления. С опытом это дается просто. Например, когда я выходила в работу с семьей, непосредственно в медиации, мне казалось, что семья всегда имеет определенный формат: два родителя, ребенок или дети, например. Сейчас я понимаю, что семьи – это то, что считает семьей сама семья. Они бывают очень разными. У меня есть пример очень счастливой, прекрасно коммуницирующей семьи, где несколько браков у мужчины до, несколько браков у женщины до. При этом у них куча детей от всех предыдущих браков, уже есть последующие отношения. И вот они все вместе, такой большой, расширенной семьей отдыхают. У них чудные отношения. Например, когда они пришли на медиацию, ребенок находился у второй жены бывшего мужа. Тог-

да мне это несколько странным показалось с точки зрения моих ценностей. А у них чудеснейшие отношения – очень добрые, подерживающие. У них дети братьями и сестрами друг друга называют. Вот такая семья. На первый взгляд, кажется, что женщины и мужчины должны соперничать за внимание и прочее. А им так хорошо. И это визуально видно. Их картина мира такая.

– Что важно понимать о медиации?

– Важно отметить, что медиация – это о конвенциях. То есть всё взаимодействие людей строится на определенных договорах, конвенциях. А там, где этих конвенций нет, возникают конфликты и разногласия. Если говорить о семье, то я всю свою профессиональную деятельность ищу те средства, которыми хочу работать с семьей. Я считаю, что нашла. Посмотрим с годами. Время лучше диагнозы ставит. Часто семейные кризисы возникают, когда семья трансформируется. Жизнь же динамична и меняет некие вводные, а конвенции, вот эти договоренности, не обновляются. Не скажу, что медиация ориентирована на сохранение семьи и так далее. Она ориентирована на сохранение добрых, порядочных, честных, открытых и эмоционально позитивных отношений. Приведу пример, так понять проще. Медиатор по семейным вопросам редко когда сразу получает «спасибо», потому что люди измотаны ситуацией, им нужно всё осмыслить, понять. Обычно благодарности в отношении медиаторов начинаются где-то через полгода, год, когда люди видят, что договоренность, достигнутая конвенция, реально действует. Знаете, это очень дорогая благодарность! С одной стороны приятно, что ты – молодец, а с другой – люди меняются. Понятно,

что людям нужно не просто понять, что случилось, но и время, чтобы доверять этому результату, понять, что эта договоренность работает. Медиация – процедура конфиденциальная. Не все семьи после этого здороваются на улицах города и прочее. И это их право. Но даже когда идут отдельно проживающие родители с ребенком за ручку и находят в себе силы в кафе города Перми отпраздновать день рождения ребенка сообща – это очень греет.

– Что «несет» домой медиатор?

– Первое, наверное, это удовлетворенность своей деятельностью, потому что ты всегда видишь результат. Даже если стороны просто начали взаимодействовать, это уже результат и поворот в их истории. Во-вторых, если медиации много, медиатор несет большую нагрузку, от которой нужно высвобождаться. Для этого коллеги проводят супервизии, на которых мы обсуждаем как сами процедуры, так и наши «профессиональные затыки». Это важно, потому что медиация как сфера деятельности еще на этапе становления. На таких встречах мы не просто работаем над кейсами или помогаем конкретному человеку, идет установление границ, складываются договоренности о том, как работать. Сфера развивается таким образом.

– Есть ли у медиаторов этический кодекс?

– Многое определено уже самой процедурой и зафиксировано в 193-ФЗ, который регулирует ме-

диацию по спорам. Важно еще, что если ты не реализуешь базовые четыре принципа медиации, сама процедура в принципе невозможна. Один из важных принципов – принцип добровольности. То есть если кейс превышает какие-то наши ресурсы, то медиатор так же добровольно может выйти из него. У медиатора две задачи: организовать коммуникацию и соблюсти безопасность, обеспечить безопасность для сторон. У каждого медиатора есть личные границы, ограничения. Для меня, например, это ситуации насилия. То есть я выхожу из кейсов, где насилие имеет место. И важно понимать, что это не самосохранение медиатора – это обеспечение безопасности для сторон. То есть в ситуации, где есть насилие, я не смогу удерживать нейтральную позицию, потому что, хоть я и допускаю вариатив семей, что они могут быть разными, но насилие для меня неприемлемо.

У меня есть любимый термин, обозначающий навык «конфликтоспособность». Многие воспринимают это понятие достаточно

враждебно. О чем оно? О том, что сегодня люди более или менее знают как дружить, но не знают как быть, когда у нас разные точки зрения. И вот эта культура согласования разных точек зрения лежит в основе дальнейших возможных разногласий. Большинство конфликтов протекает латентно, что создает различную социальную напряженность. То есть вскрыть конфликт, когда он вышел в состояние противостояния с точки зрения конфликтологии верно. Тогда конфликт будет иметь свое разрешение или урегулирование всё равно. Важно понимание того, что ситуацию необходимо решать здесь и сейчас, а не копить напряжение, которое потом в самый напряженный момент, в самый неподходящий момент, в самой неподходящей форме будет реализовано вовне. Часто бывает, что субъектами конфликта, сторонами становятся не те люди, которые привели к причине. Эта ситуация как раз происходит из того, что мы не умеем говорить о разных точках зрения. Предпочитаем промолчать и жить в латентном конфликте.

Анна Хавкина

сертифицированный медиатор,
председатель общественной организации
«Ассоциация медиаторов Пермского края»,
психолог МБОУ «Центр психолого-медико-
социального сопровождения» города Перми

Мой путь в медиации

Если не вдаваться в профессиональную терминологию, медиация – это специальным образом организованный процесс общения, в котором люди могут договориться и принять решения, устраивающие их обоих, при этом сохраняя или восстанавливая отношения друг с другом. А еще медиация – это моя любимая деятельность.

Я психолог по образованию. Работая в психологическом центре, видела, как начинала развиваться эта сфера деятельности, как медиацией начали заниматься мои коллеги. Однажды по настоянию своего руководителя прошла курсы по восстановительному подходу. Важно отметить, что термин медиация тогда не был в ходу. В рамках программы курсов нам предстояло провести несколько восстановительных программ, то есть разрешить несколько конфликтных ситуаций. Работая с одной из них, я увидела, каким может быть результат работы специалиста в этой сфере. Ну, а далее я начала работать в этой сфере. Жизнь сложи-

лась так, что и по сей день занимаюсь разрешением конфликтных ситуаций.

Сегодня я сертифицированный медиатор, являюсь председателем общественной организации «Ассоциация медиаторов Пермского края», работаю психологом в МБОУ «Центр психолого-медико-социального сопровождения» города Перми.

Ассоциация медиаторов Пермского края появилась в 2009 году как результат осознания того, что одна голова хорошо, а две лучше. Тогда уже в Пермском крае было разработано и реализовано множество разных восстановительных программ, была создана определенная организационная иерархия служб примирения. Медиация развивалась в Пермском крае при поддержке общественного центра «Судебно-правовая реформа» города Москвы. Эта организация занимается продвижением восстановительного подхода на территории РФ. Благодаря эффективному сотрудничеству и в нашем

крае начали развиваться восстановительные технологии. Мы обсуждали вопросы, связанные с развитием медиативных технологий, рассуждали о роли профессионального сообщества в развитии и усовершенствовании деятельности медиаторов. Так появилась идея создания организации.

В 2011 году наша Ассоциация получила статус юридического лица. Важно отметить, что большую моральную поддержку на этом этапе нам оказала Татьяна Ивановна Марголина (в то время работавшая Уполномоченным по правам человека в Пермском крае), пригласив к участию в международном проекте «Расширение сферы прозрачности и гражданской активности на местном уровне». Одной из линий этого проекта являлась актуальная для нас тема «Посредничество» (разрешение конфликтов между представителями органов власти и гражданами). Тогда и сейчас Татьяна Марголина много трудилась, повышая интерес к теме медиации, урегулированию конфликтов,

привлекая нас к ситуациям разрешения конфликтов, вышедших за пределы отдельных учреждений и переговоров, к обучению различных категорий специалистов методам урегулирования конфликтов.

На сегодняшний день костяк Ассоциации составляют специалисты, работающие ведущими восстановительных программ в среде несовершеннолетних (представители школьных и муниципальных служб примирения), преподаватели ВУЗов.

Сегодня в нашем крае действуют несколько организаций медиаторов, Федеральный закон № 193-ФЗ не ставит никаких ограничений по профессиональной линии. Чаще всего профессию медиатора осваивают и работают юристы, специалисты системы образования (работающие в рамках модели восстановительной медиации), преподаватели ВУЗов, теперь эту профессию осваивают судьи

в отставке (судебные примирители).

Я бы здесь говорила не столько о профессии, сколько о качестве обучения специалистов в данной сфере.

В данное время мы реализуем социальный проект «Внедрение примирительных технологий в решение актуальных социальных проблем в территориях Пермского края», поддержанный субсидией Администрации губернатора Пермского края.

В рамках этого проекта мы уже провели выездные информационно-аналитические семинары в территориях Пермского края и сейчас готовимся к проведению всероссийской научно-методической конференции «Медиация как культура согласия: ответ на актуальные социальные вызовы» в городе Перми. В рамках этого проекта мы анализируем вместе со специалистами территорий

Пермского края возможности внедрения и примирительных технологий (мы специально расширили название, говорим не только о медиации) в различные сферы деятельности, модели внедрения примирительных технологий. По итогам проекта нами будут сформированы рекомендации для Администрации Пермского края.

Большую часть нашей работы занимает методическая поддержка ведущих восстановительных программ (специалистов муниципальных и школьных служб примирения). И в этом плане мы сотрудничаем с Комиссией по делам несовершеннолетних и защите их прав Пермского края, министерствами социального развития и образования Пермского края.

Важным направлением в работе мы считаем семейную медиацию. Активно в данном направлении работает участник нашей ассоциации – Леденцова Валерия Андреевна, она сама проводит

семейные медиации и является автором многих проектов, которые мы подаем в гранты в данном направлении.

Работу медиатора легче всего представить через разнообразные конфликтные ситуации, которые решаются в ходе работы медиатора. Конечно, всегда интересны примеры. Сложно говорить про необычные истории в журнале, соблюдая принцип конфиденциальности. Приведу несколько примеров типичных историй.

История 1

Мальчики в школе играли после уроков, баловались, толкались, завязалась драка. Одноклассники разняли их и привели в школьную службу примирения. Сначала

ведущий встретился с каждым из них по отдельности, обсудил произошедшее и получил их согласие на общую встречу. В ходе общей встречи мальчики в спокойной обстановке проговорили о причинах своего поведения, своих потребностях, принесли извинения и договорились о правилах взаимодействия в будущем.

История 2

В службу примирения обратилась классный руководитель, которая видела, что несколько ребят в ее классе поддевают, обижают одного из учеников. Ее беседы с учениками не приводили к результату. Она опасалась, что это может привести к более тяжелым последствиям. Руководитель и волонтеры школьной службы примирения

провели в этом классе восстановительную программу «Круг сообщества», в которой принял участие весь класс. Все ученики смогли высказаться по поводу отношений и атмосферы в их классе, поддержали ученика, которого обижали и выработали совместный план действий для того, чтобы в их классе всем было комфортно общаться и учиться.

Это очень типичные истории из жизни школьных служб примирения (ШСП). Скептики скажут, что эти службы не решают какие-то глобальные, масштабные конфликты. Но сегодня очень важно, что они работают на предупреждение дальнейших последствий, не дают развиваться конфликту. Неизвестно, чем могли бы закончиться описанные ситуации, если бы все осталось так как есть.

Завершая свои размышления о медиации сегодня, я бы хотела обратиться к читателям.

Безусловно, ругаться и воевать намного проще, но если вы хотите сохранить добрые, человеческие отношения, уважение к себе и другим людям, думаете об общении в будущем – то лучше выбрать путь цивилизованного разрешения конфликтов. Медиатор – это тот специалист, который сможет помочь вам начать общаться в сложной ситуации, поможет договориться в спорных вопросах. Не бойтесь попробовать! Обращайтесь за помощью!

Мария Шапошникова

Медиация – детям: риски и возможности

Базовое образование Марии Шапошниковой – педиатр. Тот счастливый случай, когда базовое медицинское образование плюс психологическое позволило сформироваться тонкому, чуткому и эффективному специалисту, работающему с детьми и взрослыми, помогающему преодолевать разнообразные жизненные трудности, разбираться в отношениях с собой и окружающим миром. Мы говорим с Марией о возможностях медиации в образовательных организациях.

– **Каково ваше отношение к медиации? Как вы думаете, какие возможности открывает использование медиации в образовании?**

– Медиацию в школе я, прежде всего, рассматриваю, как ресурс для повышения коммуникативной культуры среди детей. Ведь что такое медиация? Это способ решения конфликта, это возможность каждому в безопасной обстановке высказать своё мнение и быть услышанным, это повод задуматься: «А что же чувствует другой человек?»

Грамотные медиаторы не только решают конфликт. Они дают конфликтующим опыт переговоров.

К сожалению, в современной школе мало уделяется внимания куль-

туре взаимодействия. Разве что хороший учитель литературы перейдёт от анализа художественного произведения к обсуждению реальной жизни, да чуткий классный руководитель уделит внимание психологическому климату в классе. В целом же, мы больше учим детей устройству мира, а не устройству человеческой психики и человеческих отношений. В последнем большой дефицит.

Я рассматриваю медиацию, как реальную практику, которая позволяет нашим детям обучаться поведению в конфликте.

Это сильная сторона медиации.

– **В чем, на ваш взгляд, слабость медиации в школе?**

– Первое – ограниченность. Медиаторы хорошо решают конфликты, то есть регулируют противостояние равных сторон: ученик-ученик, учитель-родитель, родитель-родитель. Но медиация не в силах решать более сложные проблемы: школьная травля, конфликт учитель – ученик, учитель – класс.

Это проблемы совсем другого уровня. Здесь нет равенства конфликтующих сторон. В случае школьной травли здесь нет и самих конфликтующих сторон. Есть люди, применяющие эмоциональное насилие и люди, подвергающиеся эмоциональному насилию. Это проблема группы в целом. В случае конфликта «учитель-ученик», это проблема либо профессионализма учителя, либо правовой уязвимости учителя.

Наши дети, как и наше общество, привыкли, что за поиском справедливости последует дальнейшее насилие: назначат виноватых и всех накажут. «Кто виноват?» – мы решаем легко. А «Что с этим делать?» – вызывает затруднение и бессилие.

На деле же, случаи буллинга нередко переводят в категорию конфликта, и пытаются решить его с помощью школьной службы примирения. Если таковая в школе есть, конечно. Но это не работает. Так же, как нельзя решить проблему буллинга только силами школьного психолога.

Второе – низкая востребованность. Восстановительная медиация работает, если дети готовы выносить конфликты за пределы своих отношений. Часто ли это случается? Как правило, не очень. Дети предпочитают решать конфликты по своим законам. И чем старше они становятся, тем меньше у них желания обращаться к третьему лицу. Если одна из конфликтующих сторон чувствует себя жертвой, она может обратиться за помощью в школьную службу примирения. Но в групповом восприятии очень тонка грань между поиском справедливости и ябедничеством. А к ябедам отношение известное. Инициатором восстановительной медиации может выступить и наблюдатель, но и он может восприниматься, как доносчик или как человек, сующий нос не в свои дела.

Почему так происходит? Наши дети, как и наше общество, привыкли, что за поиском справедливости последует дальнейшее насилие:

назначат виноватых и всех накажут. «Кто виноват?» – мы решаем легко. А «Что с этим делать?» – вызывает затруднение и бессилие.

Одна из важных задач восстановительной медиации – дать понять, что в конфликте не существует абсолютного «обидчика» и абсолютной «жертвы». Каждая сторона преследует свои интересы и попеременно играет обе роли. Суть медиации в соглашении, а не в наказании.

Мы же привыкли по-другому. Решать конфликт силовыми методами – наша национальная идея. Чего ждать от детей?

Возможно, в этом одна из причин, почему школьные службы применения оказались невостребованными.

– С какого возраста возможна медиация в образовании? Кто может быть участником медиативных процессов?

– Именно для того, чтобы дети воспринимали восстановительную медиацию как само собой разумеющееся, начинать работу необходимо с первых дней формирования детской группы, то есть с момента формирования класса. Начинать не с разбора конфликтов, а с профилактики кон-

фликтов. Действовать, «не дожидаясь перитонита».

Но речь идёт не о запрете на конфликты как таковые. Это невозможно. Агрессия – неотъемлемая часть нашей психики. Запрет на агрессию, как правило, приводит к трансформации агрессии в более извращённые формы.

Речь идёт о формировании групповой культуры, о формировании групповых ценностей, негласных правил поведения. Так, чтобы дети знали: вот такое проявление агрессии приемлемо, а такое уже нет, вот здесь конфликт интересен, а здесь уже травля. В этом случае хороши все методы первичной профилактики, «круги ответственности», например.

Служба медиации со своей просветительской деятельностью может играть огромную профилактическую роль.

Но, как ни крути, ведущую роль в формировании групповой культуры в начальной школе играет педагог. Именно он является лидером класса, он во многом закладывает групповую атмосферу, которая потом проявляет себя долгие годы. Если в начальной школе складывается хорошо функционирующая группа, то эта группа не допустит травли, эта группа примет техники восстановительной медиации, как часть коммуникативной культуры. Если группа дисфункциональна, разрозненна, в ней будут царить свои законы: травля, групповые конфликты, постоянная борьба за лидерство. «Повелитель мух» Уильяма Голдинга тому классический пример.

Основная проблема – это школьные неврозы. Дети перегружены. Дети страдают от завышенных ожиданий со стороны учителей, родителей и всей школьной системы в целом. Во главу отношения к ребёнку ставится факт, сколько информации он смог «запихнуть» себе в голову.

– Кто, на ваш взгляд, может быть примирителем в современной школе? Какие качества необходимы этому специалисту?

– Я считаю, что примирителем (медиатором) обязательно должен выступать взрослый человек со знаниями конфликтологии и психологии. Среди качеств личности важны его собственная эмоциональная стабильность, гибкость, психическая выносливость. Быть примирителем – это очень энергозатратная работа. Годится только зрелый человек. Ребёнок-подросток – другой. Он идеалист. Он категоричен и эмоционален. В силу возраста он не может обладать достаточной гибкостью, безоценочностью, беспристрастностью. Но я не исключаю, что подросток или юноша может быть эффективным медиатором для детей младших классов, а возможно и в среде сверстников. Быть причастным к школьной службе примирения – хорошая профориентационная практика, да и просто возможность для личностного роста.

– Есть ли какие-то проблемы, связанные с современным образованием, с которыми к вам обращаются?

– Основная проблема – это школьные неврозы. Дети перегружены. Дети страдают от завышенных ожиданий со стороны учителей, родителей и всей школьной системы в целом. Во главу отношения к ребёнку ставится факт, сколько информации он смог «запихнуть» себе в голову. Успешность для взрослых имеет прямую связь с оценкой. Будущее счастье напрямую связывается с баллами ЕГЭ.

Дети интуитивно чувствуют противоречие между установками взрослых и реальной жизнью, но в силу возраста не всегда могут критично к этому отнестись. Вот и зарабатывают эмоциональные про-

блемы: от ненависти к школе до ненависти к себе.

Вторая по частоте проблема – страх перед конкретным учителем. Страх, доводящий до невроза и психосоматических заболеваний. Стиль преподавания некоторых учителей оказывается слишком травматичным для наших детей. Если о буллинге со стороны сверстников мы, общество, уже говорим, то об эмоциональном насилии со стороны педагогов ещё неохотно. Есть педагоги, имена которых часто звучат в моем кабинете. Можно составить богатый каталог неврозов, причиной которых стала всего лишь одна определённая учительница.

И третья проблема – это ситуации травли. Приходят не только «жертвы», но и «агрессоры». Жертвы буллинга приходят сами. А «агрессоров» направляет к психологу школа, предварительно снимая с себя ответственность за решение проблемы в классе. Иногда родители сами проявляют инициативу: «Школа просит нас уйти, что нам делать?».

– Что сегодня важно изменить в системе образования (в школах, вузах, а может даже в детских садах), чтобы снизить конфликтность, враждебность?

– Наблюдая за своими клиентами, своими собственными детьми, коллективами, где учатся дети, я не вижу, чтобы групповая конфликтность и враждебность как-то сильно отличалась от того, что было десять, двадцать, тридцать лет назад. Дети все те же, групповые законы все те же. Поколение от поколения в этом смысле качественно не отличается. Но здорово отличаются разные коллективы между собой. Там, где работа с коллективом пущена на самотёк, группа самоорганизуется по своим природным, первобытным за-

Можно составить богатый каталог неврозов, причиной которых стала всего лишь одна определённая учительница.

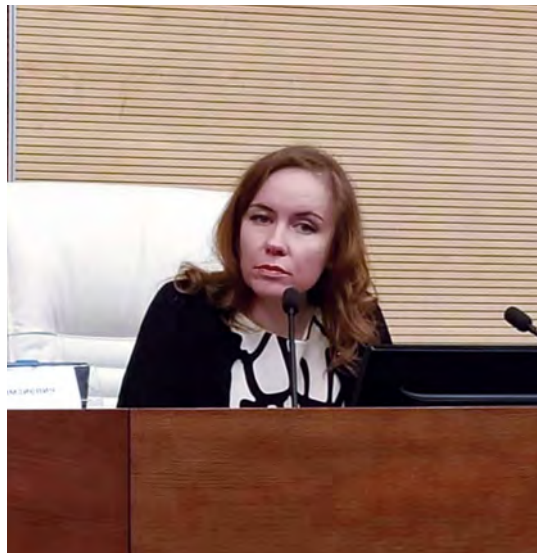
конам. Например, когда в группе нет конструктивной объединяющей идеи, группа ради собственного сплочения начинает дружить против кого-то. Возникают затяжные конфликты или травля.

Там же, где педагог использует свою власть для заботы, а не для эмоционального насилия, где педагог уделяет время внутригрупповым ценностям, сплочению коллектива, разговору на актуальные для группы темы, класс отличается высокой функциональностью. Дети чувствуют себя в безопасности, вместе они действительно сильнее и эффективнее. Только, как правило, вся эта работа – собственная инициатива педагога. Не секрет, что хороший классный руководитель вынужден использовать свои собственные энергетические ресурсы без существенной поддержки системы. Сколько там у нас платят за классное руководство?

Я думаю, решение в постановке приоритетов на каждом уровне образовательной системы. И классный руководитель, и предметник, и министр образования вправе ставить перед собой такие вопросы. Что важнее, человек или показатель? Психологическое благополучие или рейтинг школы? Обучение детей отвлеченным знаниям или обучение жизненным навыкам, в том числе коммуникативным? А уж дети, честное слово, охотно будут говорить и слушать о себе, об отношениях с людьми, о дружбе, о любви, о сотрудничестве, о справедливости.

Юлия Яковлева

медиатор, председатель «Ассоциации профессиональных медиаторов», г. Пермь, председатель Коллегии посредников по проведению примирительных процедур при Пермской торгово-промышленной палате Пермского края.

Медиация и современный бизнес

– **Каковы особенности использования медиации в бизнес-структурах?**

– В сфере бизнеса следует выделить два направления, где применима медиация. Прежде всего, это межкорпоративные споры, где достаточно широкий спектр вопросов, которые можно регулировать с помощью процедуры медиации. Многие конфликты здесь имеют условно два слоя: юридический или договорной, когда нарушаются либо действующее законодательство либо условия договора; и пласт, который составляет межличностные взаимоотношения в конфликте. Следует помнить, что все мы люди и многие наши действия, в том числе, в бизнесе обусловлены нашими человеческими возможностями, чувствами, качествами. Достаточно показательным примером может служить спор между двумя крупными компаниями, где были заявлены требования о возмещении убытков, причиненных несвоевременным исполнением обязательств по договору. В этом же деле были и встречные требования. В ходе медиации выяснилось, что требо-

вание о возмещении убытков основано на том, что ранее между сторонами уже был спор, где было вынесено решение об уплате определенной суммы, которое обязанная сторона считала несправедливым. В жизни бизнес очень условно отделен от реальных людей.

Второе направление споров – внутрикорпоративные споры. Это могут быть конфликты между учредителями, а также конфликты в трудовом коллективе. И те и другие влияют на производительность и эффективность бизнеса. Что касается споров между учредителями, часто приходится сталкиваться с тем, что на стадии зарождения или открытия бизнеса компаньоны, будущее соучредители, не думают о том какие вопросы им предстоит решать в будущем. Очень часто предприятия учреждаются в равных долях, чтобы никому не было обидно, то есть 50 на 50. Впоследствии возникает ситуация, когда у одного учредителя возникает чувство, что «я работаю больше, а получаю меньше», «второй ничего не делает», и, соответственно, возникает во-

прос дележа прибыли или обязательств. Причиной проблемы становятся обманутые ожидания. И это тема для медиации. А наиболее эффективный вариант – это прибегнуть к медиации еще до «брака», когда компаньоны договариваются на берегу, распределяют зоны ответственности. Это соглашение о партнерстве, где мы обсуждаем около 20 вопросов, на которые есть смысл ответить еще на стадии возникновения идеи организовать совместный бизнес, чтобы дальше эти вопросы не привели к болезненным для компании последствиям, когда полностью парализуется работа компании.

Что касается спора в трудовом коллективе, это направление мы сейчас развиваем. Здесь мы можем работать в формате конфликтологического сопровождения, когда специалисты – медиаторы, конфликтологи – выходят в коллективы, где у администрации есть понимание, что существует определенное напряжение. Мы выявляем так называемые точки повышенной конфликтности, разрабатываем рекомендации, как

снизить конфликтность внутри коллектива, в том числе с помощью проведения процедуры медиации между сотрудниками. Не секрет, что бизнес до 60% прибыли теряет как раз на конфликтах внутри коллектива. Крупные компании, в основном международные, вводят должность корпоративного медиатора, который урегулирует конфликты между сотрудниками, выстраивает взаимодействие между структурными подразделениями, филиалами, разрешает споры в случаях реорганизации или слияния компаний. Это то, что принято в международном бизнесе и то, что было бы интересно увидеть у нас.

– Изменяется ли бизнес-сообщество под влиянием опыта медиативных практик?

– Пока рано говорить, насколько бизнес-сообщество меняется, потому что сравнительно мало времени прошло с того момента, как у нас появилась медиация. Очень сложно в одночасье привить культуру переговоров и самостоятельного решения своих проблем. Медиация предполагает, что участники спора самостоятельно принимают решение и несут ответственность за него, не ждут, когда это сделает суд. Традиционно для нашего бизнеса выход из любой ситуации в том, как суд решит. Нужно время и ряд структурных изменений, чтобы медиация стала ежедневной практикой в бизнесе. Впереди большая дорога.

– Какие ситуации чаще всего встречаются при медиации в сфере бизнеса?

– Чаще всего люди приходят тогда, когда уже не раз пробовали решить вопрос через суд, но не получилось, либо в тех случаях, когда закон не регулирует спор однозначно, либо когда большое

значение имеет человеческий фактор. Например, споры о выходе из состава участников. Возникает вопрос выплаты доли. Здесь много нюансов: сколько, каким образом, когда и прочее. Если в счет выплаты передается имущество, то какое и тому подобное.

Есть практика по спорам об интеллектуальных правах – патенты, товарные знаки, авторские права на произведения.

Конечно, договорные споры – исполнение обязательств по договорам подряда, например, когда наряду с документальным оформлением есть вопросы качества.

В свете последних изменений, надеюсь, будут чаще прибегать к медиации по спорам из договоров, заключенных по результатам тендеров, в том числе с бюджетными учреждениями.

Очень показательный пример, для чего нужен медиатор: две организации длительное время судились, сделали несколько экспертиз и только у медиатора узнали, что и та, и другая, очень хотят отремонтировать крышу пристроя к жилому дому. Одни считали, что реконструкция проведена не законно, в результате этой реконструкции снег и сосульки падают на тротуар и требовали привести ее в первоначальное положение. Другие очень хотели продать пристрой, для этого надо было отремонтировать крышу, на что нужно было получить согласие первой стороны. Этот пример лишний раз доказывает, что в конфликте участвуют люди, которые объективно не могут друг друга слышать в ситуации эмоционального напряжения. Работая с человеческим фактором, медиатор может урегулировать бизнес-конфликт.

– Каковы возможности медиации для международного сотрудничества?

– По моему мнению, это становится все более актуальным. Стираются границы, миграционные процессы становятся все более активными. Много появляется компаний с иностранным участием, больше и больше совместных проектов и еще больше становится семей, где супруги из разных стран. Медиация здесь единственный инструмент, способный наладить коммуникацию между сторонами. Во многих государствах медиация активно поддерживается государством, поэтому знакома населению. В ситуациях же споров или конфликтов она становится единственным понятным и прогнозируемым способом урегулирования разногласий.

– Есть ли отличия запросов на медиацию в разных странах? Может быть есть какие-то особенности, связанные с образом жизни, традициями, государственной политикой?

– Отличия обусловлены позицией государства по отношению к медиации. Во многих странах медиация становится обязательной, государство предоставляет налоговые льготы, регулирует и контролирует деятельность медиаторов. В Европе очень дорогое и долгое правосудие, поэтому медиация здесь востребована в большей степени, чем, например, в России. В Австрии государство оплачивает работу медиаторов в ряде случаев, в том числе, если гражданин не может оплатить медиацию.

По-разному законодательство европейских государств подходит к вопросам расторжения брака. При этом документ о расторжении брака является итоговым документом, его можно получить

тогда, когда решены вопросы раздела имущества, содержания и воспитания детей. Даже в тех странах, где медиация по семейным спорам не является обязательной, судебные процедуры выстроены таким образом, что без медиатора не обойтись. У нас же свидетельство о расторжении брака – это только начало.

Многие страны идут по пути обязательной медиации по некоторым категориям споров. Например, в Греции первоначально это была добровольная процедура. С июля этого года по некоторым спорам она стала обязательной.

Очевидно то, что там, где медиация активно поддерживается государством, она развивается как востребованный и эффективный институт работы с конфликтами.

– Чему российским медиаторам можно поучиться у зарубежных коллег?

– Российским медиаторам нужно гордиться собой. В тех условиях, в которых медиация развивается в России, наши специалисты становятся очень ресурсными и эффективными профессионалами. Мы работаем в тех направлениях,

где в других странах еще нет практики. Потому что наши медиаторы вынуждены искать ниши для применения своих навыков, практика во многом завязана на людей, поддерживающих медиацию и готовых брать на себя ответственность. Такие люди могут оказаться, например, среди конкурсных управляющих, тогда будет практика медиации в банкротстве; среди чиновников – тогда будет практика медиации в сфере государственного и муниципального управления. Мы вынуждены искать площадки для работы, это заставляет работать над собой, повышать квалификацию.

Важным моментом, чему нам надо поучиться, я бы назвала умение консолидировать усилия. Опыт становления медиации в европейских государствах говорит о решающей роли медиаторского сообщества при создании и изменении правового регулирования этого института. Умение медиаторов объединиться и формулировать то, что им нужно, вести диалог с точки зрения тех, кто влияет на ситуацию, донести преимущества медиации для государства – вот над чем сообществу надо работать. У нас большая территория, медиация в регионах развивается неравномерно, по-

этому и усилий от нас требуется больше.

– Отличаются ли медиаторы разных стран? Чем, в чем?

– Медиация – это способ мышления. Он не зависит от территории проживания. Те, кто понимают, что они делают и что могут делать, кто воспринимает медиацию как часть культуры, а не как внесудебную процедуру по поиску компромисса, они говорят на одном языке.

– В чем выражается польза (условная прибыль) от медиации? Многие говорят как это хорошо, но доводов, понятных гражданам, не приводят. Какие доводы в пользу медиации будут убедительны для граждан?

– А какие доводы сегодня будут понятны гражданам? Медиация – это быстрее. В среднем, один месяц. В случае нотариального удостоверения медиативного соглашения, через месяц можно получить документ, имеющий силу исполнительного листа. Иными словами, в этом случае заменяется весь судебный процесс. В ряде случаев, медиация дешевле. Сейчас, когда в судебном процессе могут участвовать только юристы, думаю, стоимость юридических услуг возрастет. Тогда медиация, очевидно, будет экономичнее для сторон. Все остальное, к сожалению, лежит вне рамок нашего сложившегося стереотипа. Репутация, отношения, конфиденциальность, исполнимость соглашений – это то, что нельзя потрогать и то, что лежит в нашем самосознании. До этого надо дозреть, научиться брать на себя ответственность, не ждать, когда кто-то решит, думать на два шага вперед. Нам есть к чему стремиться и над чем работать.

Медиация поможет бизнесу решить ряд споров без суда

5 июня 2019 года на заседании Правления Пермской ТПП было принято решение о создании на площадке Палаты Коллегии посредников по проведению примирительных процедур. Медиация при Пермской ТПП – это необходимая процедура в портфеле услуг для предпринимателей. Она решает не предмет спора, как в суде, а сам конфликт. К тому же имеет ряд неоспоримых преимуществ для бизнеса, в том числе и конфиденциальность.

Система ТПП РФ на протяжении многих десятилетий предлагает бизнесу альтернативные способы разрешения споров. Раньше это была сеть третейских судов, теперь медиация, Международный коммерческий арбитражный суд, Морская арбитражная комиссия, спортивный арбитраж. Коллегия посредников по проведению примирительных процедур создана при Торгово-промышленной палате Российской Федерации в мае 2006 года. Пермская ТПП внимательно следила за деятельностью Коллегии, оценивала возможность открытия такого органа и в Пермском крае. На сегодняшний день уровень загрузки судов не всегда позволяет выносить качественные решения, которые впоследствии бы исполнялись. Медиация в этом плане позволяет подходить к спору более гибко и выходить за пределы заявленных требований. Одной процедурой медиации могут сниматься пять, шесть, семь исков. Рекорд ТПП РФ – прекращение дел по 46 искам в результате только одной процедуры медиации. Большой потенциал у деятельности Коллегии посредников для междуна-

родного сотрудничества. У зарубежных коллег возникает много вопросов по прозрачности процедуры регулирования споров, потому что наша судебная система, к сожалению, представляется сложной с возможностью использования административного ресурса. Помимо этого, в России начинается практика урегулирования конфликтов в рамках исполнения государственных контрактов и споров по интеллектуальным правам.

Председателем Коллегии посредников по проведению примирительных процедур при Пермской ТПП была утверждена Юлия Яковлева, член Правления Ассоциации медиаторов Пермского края, член международной сертификационной комиссии программ медиации и переговоров с российской стороны, председатель Ассоциации профессиональных медиаторов. Также в Коллегию входят четыре профессиональных медиатора: Елена Логиш, юрист, основатель Финансово-правового агентства «Стратегия», Ирина Фадеева, адвокат «Пермской объединенной краевой коллегии адвокатов», Андрей Сачихин, адвокат Адвокатского бюро «Сачихин и Партнеры» Пермского края. Секретарь Коллегии – вице-президент Пермской ТПП Вячеслав Белов.

15 июля состоялось первое заседание Коллегии. «Если мы объединяем усилия, то шансы на положительный результат работы возрастают», – обозначил на встрече президент Пермской ТПП Олег Жданов, пояснив это интеграцией доверия к многолетней истории Палаты и ее репутации,

и квалифицированным трудом опытных специалистов, хорошо знающих тему медиации.

Важным шагом в применении медиативных процедур бизнес-сообществом Пермского края является формирование правовой культуры между экономическими сообществами, юридическими лицами и индивидуальными предпринимателями на территории региона – это одна из целей, которую преследует сообщество медиаторов при Пермской ТПП. Среди ключевых препятствий на пути популяризации процедуры эксперты Палаты особо выделяют проблемы слабой информированности бизнеса об институте медиации, отсутствие культуры переговоров, а также неверное понимание сути процедуры медиации. Информирование о возможностях процедуры медиации позволит во многих случаях не довести конфликтную ситуацию до суда, решить ее мирным путем. Необходимо делать акцент на важности развития применения медиации как формы наиболее безболезненного разрешения конфликта и необходимости создания в предпринимательском сообществе атмосферы доверия к этой форме урегулирования конфликтов. Следует создавать положительную практику работы, транслировать ее в общество, показывая ситуации, при которых медиация – наиболее эффективный способ разрешения споров.

Для бизнеса процедура медиации имеет очень серьезное преимущество. В отличие от судебного разбирательства, участники процесса могут рассчитывать

на конфиденциальность не только в отношении самого факта спора, но и в отношении достигнутых договоренностей. Любой конфликт в бизнес-среде – это серьезный репутационный риск с точки зрения построения дальнейших партнерских отношений, участия в процедурах закупок и масштабных проектах. И реальное решение как избежать огласки спора – обращение к профессиональным медиаторам. При этом Коллегия посредников при Пермской ТПП может рассматривать споры любого характера: экономические, трудовые, социальные. И не стоит забывать, что медиаторы применяют индивидуальный подход к ситуации каждого участника спора.

С 25 октября 2019 года вступили в силу поправки в Федеральный закон от 26.07.2019 №197-ФЗ. Теперь, если стороны удостоверят медиативное соглашение у нотариуса, то в случае его неисполнения оно автоматически получает

силу исполнительного документа, который можно передать судебным приставам. Подавать иск в суд уже не надо. Цель изменений законодательства – развитие институт медиации и снизить нагрузку на судей. В связи с этим, тема включения в договоры медиативной оговорки обретает еще большую актуальность.

Накануне нового года в Пермской ТПП завершилась первая процедура медиации. Стороны подписали медиативное соглашение и удостоверили его у нотариуса. Целью медиации был поиск приемлемого для обеих сторон решения спора о возмещении материального и морального вреда в результате ДТП.

Пермская ТПП делает уверенные шаги в развитии услуги по проведению медиативных процедур: включение медиативной оговорки в договоры, заключаемые клиентами Палаты со своими контрагентами; расширение направлений

взаимодействия в рамках Соглашения о сотрудничестве между Пермской ТПП и Арбитражным судом Пермского края; проведение специальных мероприятий по повышению знаний бизнеса об альтернативных способах разрешения споров.

Эксперты области примирительных процедур выражают уверенную позицию, что торгово-промышленная палата, объединяя субъекты предпринимательства и обладая необходимым спектром инструментов, необходимым для досудебного урегулирования спора (проведение экспертиз; организация для бизнеса мероприятий разъяснительного характера; наличие коллегии посредников, профессионализм членов которого признан как юридическим, так и предпринимательским сообществом), способна оказать значительное влияние на формирование правовой культуры примирения среди предпринимательского сообщества.

Медиация как культура согласия

БИЗНЕС И МЕДИАЦИЯ: НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ДЛЯ СОГЛАСИЯ

Наши собеседники – Лилия Ширяева, директор АНО «СОЮЗ-ЭКСПЕРТИЗА-Пермь» и Вячеслав Белов, вице-президент Пермской торгово-промышленной палаты. Мы ведем беседу о роли медиации в жизни и деятельности представителей бизнеса. Мы много говорим о трудностях внедрения процедур медиации в нашей современной жизни. В разных сферах человеческой деятельности возникают потребности решить те или иные споры, сформулировав противоречия, показав сторонам реальную картину происходящего. В традиционном сознании, суд – место решения всех проблем и противоречий. Сегодня это не совсем так. Именно о том, какие варианты, позволяющие эффективно выйти из спорных, конфликтных ситуаций предлагают специалисты бизнесменам и гражданам, мы и поговорим.

ТОРГОВО-ПРОМЫШЛЕННАЯ ПАЛАТА И МЕДИАЦИЯ

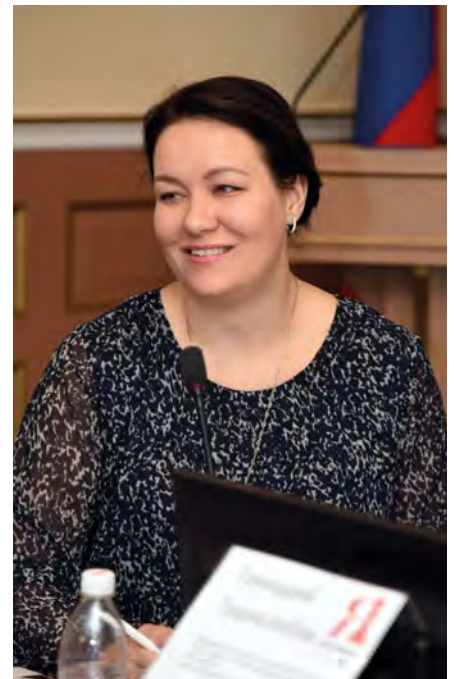
– Что связывает такую организацию как Торгово-промышленная палата с медиацией?

Вячеслав Белов: На мой взгляд, связь прямая. Торгово-промышленная палата отличается от большинства общественных организаций тем, что не только представляет интересы бизнеса в отношениях с властными структурами, но и выполняет огромное количество услуг для бизнеса и для граждан: от оспаривания кадастровой стоимости объекта, проведения любой сложной экономической,

юридической, строительной экспертизы, и до экспертизы по частной заявке гражданина, которому некачественно починили обувь. Большой плюс Торгово-промышленной палаты в том, что мы можем обеспечить очень широкий спектр экспертов и специалистов высокой квалификации для оказания разноплановых услуг. И, соответственно, когда у организации есть навык ведения правовой работы, экспертной работы, оценочной работы, то она приходит к применению наработанных инструментов и в форме процедуры медиации. То есть мы приветствуем не доведение спора до рассмотрения его судом, хотя и умеем организовать его судебное сопровождение, а как раз разрешение ситуации сторонами самостоятельно, так сказать, еще «внутри себя», до суда.

Лилия Ширяева: То есть медиация – это одна из опций оказания услуг. Дополнительно к остальным. И применяться она может тогда, когда есть, к примеру, юридические услуги – и это хорошо, оценочные услуги – это хорошо, но при этом очевидно, что чего-то не хватает, посредством этих видов услуг решить проблему между сторонами не получается. И тогда – вот вам ещё и медиация.

Вячеслав Белов: На сегодня у нас много показательных примеров необходимости медиации как услуги. Кому-то в начале нашего сотрудничества требуется сделать анализ рынка, кому-то – экспертизу времени и причин, по которым у них вдруг перестало работать оборудование. И это может сде-

лать Торгово-промышленная палата или «Союзэкспертиза-Пермь» – дочерняя компания Торгово-промышленной палаты. Но потом, на наш взгляд, партнерам необходимо как-то договариваться и вместе решать проблемы, которые у них возникли. Здесь мы предлагаем медиацию.

Лилия Ширяева: Часто стороны в договорах пишут, что любые споры решаются путем переговоров или в суде. Медиация, по сути своей, это одна из форм переговоров. Получается так: к нам пришли получить какую-то услугу. У того, кто обратился, может быть при этом своя какая-то логика развития спорной ситуации. Заказанную услугу мы, конечно, окажем.

Вячеслав Белов: И при этом услугу по проведению медиации мы предложим сами, если увидим, что она необходима, и оценим ситуацию как медиабельную. Возможен и вариант, когда стороны могут прийти к нам с запросом на проведение этой процедуры. Порой до процедуры медиации необходимо проведение экспертизы, если, например, сторона пока не готова допустить невиновность

партнера. Случается и так, что мы со сторонами очень долго обсуждаем различные варианты разрешения ситуации. После этого спорящие лица «уходят подумать», и если не возвращаются и мы узнаём, что благодаря нашему общению удалось договориться, что называется, «полюбовно», – то это лучшая награда нашей деятельности. То есть объем помощи, который можно получить от специалистов Торгово-промышленной палаты, стороны выбирают сами.

Лилия Ширяева: Важно отметить, что в суд идет одна сторона. И вторая сторона автоматически оказывается в ситуации, когда уже получено исковое заявление. То есть судебный процесс уже начался, независимо от желания второй стороны. Отличие процедуры медиации в том, что обе стороны должны решиться и зайти в процедуру вместе. То есть необходимо проводить какую-то предварительную работу с каждой из сторон, чтобы они поняли все плюсы этой процедуры и согласились на ее проведение.

Вячеслав Белов: Наши клиенты часто говорят, что опасаются разглашения ситуации. Если задуматься о данном нюансе, то оказывается, что наличие судебного процесса позволяет узнать огромный объем информации о споре. Мы набираем номер дела, и видим в полном объеме: и стороны спора, и их представителей, и суммы, и предмет спора, и прочие подробности, и даже судебное решение целиком. А есть еще журналисты, которые следят за судебными процессами, получают и публикуют комментарии. В медиации уровень конфиденциальности значительно выше. И отмечу первый плюс медиации – конфиденциальность! Такой принцип закреплен законодательно и заключается в том, что ни медиатор, ни нотари-

ус, ни стороны не вправе разглашать кому бы то ни было (вплоть до контролирующих и правоохранительных органов) информацию о проведенной процедуре, о ее нюансах, о достигнутых договоренностях.

Лилия Ширяева: Второй важный момент медиации – в том, что рассматривается не только конкретный предмет иска (как в суде, и это предусмотрено процессуальными кодексами), а разрешается при медиации весь спор по существу. То есть, разрешая спор по существу, медиатор одновременно решает огромное количество попутных споров, ведь по факту у сторон целый «клубок» претензий друг к другу. К сожалению, очень часто в бизнесе вокруг какого-нибудь маленького спора «живет» много историй, много всяких мелких претензий сторон друг к другу. Они накапливаются в период взаимодействия сторон. И эти моменты стороны не могут облечь в форму требования в суде. И с этим комом требований стороны сами по себе точно не разберутся. Даже если в суде разрешится основной спор – отношения сторон не восстановятся, удовлетворенности от общения не добавится. Медиация помогает собрать все эти мелкие претензии, противоречия (порой не осознаваемые самими сторонами), обсудить их и договориться обо всём!

КТО ЗАПЛАТИТ ЗА МЕДИАЦИЮ?

– **Какие особенности в развитии «медиации» вы видите сегодня?**

Вячеслав Белов: На мой взгляд, важно, чтобы процедура медиации была обязательной. Если описать эту идею глобально, то она заключается в следующем. Во-первых, любой спор в суде должен рассматриваться в сопровождении профессиональных

юристов. Во-вторых, профессиональный юрист должен исходить из того, что если есть необходимость и возможность к примирению сторон, то привлечь медиатора как специалиста по примирению. Ведь и сейчас юрист наделен правом привлечь специалистов, экспертов любого профиля, если рассмотрение дела этого требует. То есть, теоретически, юрист может привлечь к делу хоть специалиста по оценке имущества, хоть психолога, хоть специалиста по примирению. Тогда бы, по этой моей теории, у медиатора возник бы заказчик в лице профессиональных юристов, которые привлекают его по мере необходимости. Оплачиваться медиация должна либо сторонами, что сейчас по закону положено, либо государством. Лучше – сторонами! Но сейчас еще трудность: никто за это платить не хочет. И это, наверное, российская черта. У нас очень часто люди не хотят платить за профессиональную помощь. Медиация здесь – не исключение.

Лилия Ширяева: Сейчас – законодательно определенного места в споре у медиатора нет. Во-первых, о медиаторах мало кто знает! Во-вторых, нет понимания спорящих сторон, что им вообще нужен медиатор. Нужно объяснять людям, что для них это более выгодно. При медиации для сторон нет затрат на уплату госпошлины, оплата медиатору составляет меньшую сумму, а в итоге каждый остается «осчастливленным», если удастся провести медиацию правильно, достигнуть результата. Идеально в таком случае: сделать медиацию в ряде ситуаций обязательной, как и предлагает Вячеслав Артурович. Процедура рассмотрения спора в суде при этом удлинится, но всего на месяц. Это, на наш взгляд, не критично. Логика может быть такая: подается иск с конкретным предметом.

каты, которые оплачиваются государством. Кто сказал, что они всё отработают так, как надо? Там ещё сложнее. Например, в уголовном процессе – больше ответственности.

– Я правильно понимаю, что вы всё-таки разделяете технологии, которыми владеют медиаторы, и профессиональные знания?

Вячеслав Белов: Для меня очевидно, что человек, обладающий знаниями медиативных технологий, имея в базе своей психологию, психиатрию или юриспруденцию, может из любой ситуации вытащить то, что надо, а на уровне юриспруденции это всё завершить. А когда говорят, что медиатором может быть любое лицо, которое просто научили, да еще и за короткий срок, я понимаю, что, скорее всего, есть риски, что это может быть профанация. Но у нас же есть обученный специалист, который прошел это обучение (*Лилия Ширяева – ред.*). Мне вот очень интересно её мнение. Я просто представляю, как надо готовить специалиста, чтобы он был готов решать ЛЮБОЙ конфликт.

Лилия Ширяева: Недавно я обучилась на медиатора. Я уже являлась юристом. Учиться на медиатора было, с одной стороны, легко, с другой стороны – трудно. Почему? Легко, потому что я понимаю все технологические моменты действий медиатора с правовой точки зрения: как легитимно зайти в медиацию, как правильно выйти из медиации, как написать медиативное соглашение, чтобы оно прошло потом все утверждения. Трудно, потому что в момент проведения самой процедуры необходимо «выключить» в себе юриста. То есть в момент проведения процедуры ты юристом быть не можешь! Потому что у юриста сразу в голове возникает ряд

Суд говорит: «Вот вам медиатор. Идите и попытайтесь договориться». Для малообеспеченных это – бесплатно, для других – платно. Положительный эффект будет при любом исходе медиативной процедуры. Или стороны договорятся без суда. Но даже если они всё равно пойдут в суд, то в суде уже будет разрешаться ситуация, отработанная медиатором. В целях уменьшения объема судебного делопроизводства, медиация должна быть введена в обязательном досудебном порядке, как сейчас обязателен претензионный порядок. То есть: претензионный порядок – раз, медиативный – два, и только после этого вы можете заходить в суд с иском.

Вячеслав Белов: Логично предположить, что социально-значимая медиация должна оплачиваться государством. Ведь государство не заинтересовано, чтобы были конфликты. Государство заинтересовано в эффективном решении определенной разновидности конфликтных ситуаций. Разумно, что, определив и назвав эти случаи, государство оплачивает работу медиатора по ним. А для этого нужно, чтобы в суде были бесплат-

ные судебные примирители. Их задача: разрешить конфликт взаимовыгодно для обеих сторон и зафиксировать это юридически.

БАЗОВЫЕ НАВЫКИ МЕДИАТОРА

Вячеслав Белов: Я вижу серьезные риски в том, что сегодня медиаторы – это фактически психологи, психиатры, «психотехники», «психологотехники». На мой взгляд, юридическая ситуация при таких обстоятельствах может «ускользнуть». И идеально, если такой примиритель будет юристом, который обучен специальным медиативным техникам и технологиям.

В чем минусы и чего бояться, как я понимаю, в том числе, и законодатели? Медиацию можно превратить в формальную обязательную процедуру, где будут брать деньги и не отработывать. Да, есть такой риск! А если это будет происходить еще за государственные деньги – тогда вообще обидно!

Лилия Ширяева: Пospoрю с вами. Такой же риск мы имеем с адвокатами. Разница-то в чем? Есть адво-

решений, «звучащих» следующим образом: «Я бы вот это сделал так!», «Этому надо посоветовать вот это», «На самом деле вы что не понимаете, что с правовой точки зрения всё легко!» И вот это-то как раз делать нельзя! Задача медиатора – не советы «бывалого» раздавать направо и налево, а применять соответствующие медиативные техники, которым тебя обучили. Но я согласна с Вячеславом Артуровичем, что без юридических знаний в этой сфере работать трудно. Не скажу, что вообще невозможно – медиатор может при подготовке к процедуре почитать нужные статьи, изучить примеры, как правильно оформлять медиативное соглашение. Но это непросто. Соответственно, и на мой взгляд, идеальная конструкция – это юрист с медиативными знаниями.

РИСКИ ДЛЯ САМОГО МЕДИАТОРА

Лилия Ширяева: Рисков много в ходе процедуры для самого медиатора. Его обвинить можно в чём угодно. По тому же принципу беспристрастности: можно упрекнуть как раз в «пристрастности», в несоблюдении принципа. Вплоть до того, что с одной стороны медиатор говорил восемь минут, а с другой – семь минут тридцать секунд. Или одного называл по имени-отчеству, а другого – просто по имени. Это значит, что медиатор должен быть очень внимателен и аккуратен! Он не защищен.

ПРИМЕРЫ ИЗ ОПЫТА РАБОТЫ

Лилия Ширяева: Вот интересный пример на обсуждаемую тему, произошедший буквально на днях. Два физических лица. Спор на уровне взаимоотношений. У каждой стороны – претензии к другой. Там уже огромный перечень этих самых претензий! Стороны в ситуации, когда они

уже сами не знают, что делать. Налицо – просто «обозленность». Предлагаю медиацию одной из сторон – сразу отторжение. Объясняю, что в их случае – это самый эффективный способ. Ведь идти в суд – это и нервов много уйдет, и сил, а результат, к сожалению будет не в пользу этой стороны, и это сразу понятно профессиональному юристу. Что мне отвечает «пострадавший»? Что если он другой стороне это предложит, то тот «сразу прекратит со мной всякие отношения, потому что я навязываю кого-то третьего и хочу, чтобы о наших проблемах узнал кто-то ещё». Вот такое странное восприятие ситуации!

Вячеслав Белов: Абсолютно типичная ситуация!

Лилия Ширяева: А вот – сегодняшняя ситуация. Две крупных компании заключили договор. Потом было множество встреч, где они постоянно меняли его условия. Ни протоколов, ни дополнительных соглашений не составляли. Ни одного! В итоге одна сторона выполнила договор по своему представлению, а вторая отказывается принимать оказанные услуги. Вот и получается, что мы не умеем жить ни по договору, ни по устной договоренности. В суд в такой ситуации идти бесполезно. Экспертизу проводить бесполезно. Мы, конечно, экспертизу провести можем. Она подтвердит, что сделано то, что сделано. Но есть один очень важный момент: это не заказывалось! То есть то, что сделано и в том объеме, который сделан, по документам никто не заказывал! Сторона негодует: «были же совещания», «были же договоренности» (*устные – ред.*), «наши же первые лица с их первыми лицами встречались»... На мой взгляд, вот это как раз случай для медиации, когда обе стороны садятся, «сваливают» все свои претензии «в кучку» и потом на-

чинают «раскладывать их по полочкам». В суде не будет результата, который обе стороны будут считать справедливым, потому что суд основывает свои решения на документах (договор, техническое задание). А в ходе медиации разобраться возможно.

Вячеслав Белов: Да, здесь получается, что стороны необходимо «затащить» в переговоры, чтобы понять, можно ли принять работу, которая выполнена, как можно компенсировать то, что выполнено не так, или переделать. Примирительные процедуры возможны и хороши. Мы разбираем сейчас вот такую ситуацию. Покупатель приобрёл оборудование. Продавец, соответственно, это оборудование ему продал. Покупатель после установки использовал его один раз и, как считает продавец, полностью его «запорол», неправильно используя. Теперь – конфликт, и каждая сторона убеждена, что виновна другая сторона, ни одна из сторон не готова даже допустить мысль о своей виновности. Все очень категоричны. И что в этом случае может сделать суд? Хорошо, что стороны на этой стадии стороны задумались о том, чтобы зайти в медиацию. Но договариваться здесь будет непросто...

Лилия Ширяева: Медиация допускает приглашение любого уровня специалистов на любом этапе: хоть психологи, хоть эксперты. В данном случае – правильно было бы провести экспертизу оборудования. А задача медиатора – так применить техники, которым его обучили, чтобы ни одна из сторон не почувствовала себя проигравшей и признавшей свои ошибки. И это ведь тоже – отдельное умение.

Вячеслав Белов: Был еще один потенциально медиативный спор. Это спор между арендодателем

и арендатором. Но стороны так и не пришли к заключению соглашения о проведении медиации. И спор не разрешили. В итоге – оба в проигрыше. Арендатор потерял место, которое ему было очень нужно и важно для продолжения бизнеса. Арендодатель потратит год или полтора на поиски нового арендатора, т.к. помещение большое и специфическое. А при помощи медиации возможно было бы, на наш взгляд, найти

взаимовыгодные условия сотрудничества.

Лилия Ширяева: Медиатор в этой истории – тот, кто, будучи независимой третьей стороной, объективно покажет плюсы и минусы каждого шага каждой стороны. Часто бывает так: какое-то решение кажется сильным, а вот если посмотреть дальше, то может быть и проигрыш. И эти нюансы медиатор должен увидеть.

ИТОГО...

По мнению наших собеседников, активному внедрению и реализации медиации в современных российских реалиях мешают следующие моменты:

– Непонятен заказчик на медиацию. Где-то это государство, где-то частные лица, которые осознанно и добровольно выбирают данную технологию для решения своих проблем. Тогда возникает резонный вопрос: кто платит за процедуру? В каких обстоятельствах заказчик – государство, когда – граждане?

– Низкая информированность граждан и юридических лиц о возможностях медиации: уровень расходов, риски, существенные отличия от других процедур. Как мы видим из беседы: да, медиация стоит денег, но не стоит забывать и о судебных издержках.

– Не всем понятный образ самого медиатора как специалиста. Каким должен быть идеальный медиатор?

В этом интервью представлены мнения специалистов, имеющих богатый профессиональный опыт решения разнообразных конфликтных ситуаций. И если в вашей жизни случаются серьезные конфликты – в Перми есть люди, которые помогут. Обращайтесь!

Никита Бутаков

начальник отдела по обеспечению
деятельности Комиссии по делам
несовершеннолетних и защите их прав
Пермского края

КДН Пермского края на страже интересов детства

Комиссия по делам несовершеннолетних – один из самых противоречиво воспринимаемых органов. Как правило, шаловливых школьников этой комиссией пугают, а те, кто не ссорится с образовательными организациями, зачастую не знает о том, как расшифровывается зловещая на первый взгляд аббревиатура КДНиЗП. Так ли страшна эта комиссия на самом деле? Есть ли польза современному обществу от работы комиссии по делам несовершеннолетних? Об этом и многом другом мы решили поговорить с человеком, много лет работающим в сфере защиты интересов несовершеннолетних. Наш собеседник – начальник отдела по обеспечению деятельности комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав Пермского края, ответственный секретарь комиссии Никита Бутаков.

КДН И МЕДИАЦИЯ: КАК ВСЁ НАЧИНАЛОСЬ

Работа в области медиации ведется у нас с 2016 года. Именно

тогда у нас были проведены пилотные суды по реализации этих технологий. Анна Хавкина тогда включалась как представитель ресурсного центра Индустриального района города Перми. Тогда работа велась только с несовершеннолетними, которые совершили уголовные преступления либо общественно-опасные деяния. Что есть общественно-опасное деяние? Это когда ребенок, не достигший возраста уголовной ответственности, совершает кражу. Здесь важно, чтобы до принятия решения несовершеннолетний уже примирился со стороной, которой нанесен ущерб и как-то загладил вред. Не только материально, но и морально: принёс извинения, помирились и соглашение состоялось. После заключения соглашения несовершеннолетнего тоже нельзя упускать из вида. Есть риск, что у него сложится впечатление, что он остался безнаказанным. Сопровождение важно, чтобы несовершеннолетний понимал, что он всё-таки совершил уголовное преступление. Важно, чтобы он осознал, что со-

вершил и больше этого не делал, а не для того, чтобы просто закрыть уголовное дело и не довести его до суда. Конечно, сопровождение ведется через КДН. Медиатора мы привлекаем только в части заглаживания конфликта, то есть на решение определенной ситуации. Он сработал – стороны примирились, соглашение заключено – и дальше сопровождает Комиссия. Привлекаются также специалисты из организации, где обучается несовершеннолетний – психолог и социальный педагог. У нас сейчас в КДН есть отдельная ставка – специалист по координации индивидуально-профилактической работы. Ни в одном регионе РФ таких специалистов нет.

Рассмотрим в качестве примера работу краевой комиссии по делам несовершеннолетних и районных комиссий. У нас большой поток обращений по поводу самых разнообразных конфликтов с участием несовершеннолетних. Например, при разводе и необходимости определить место жительства ребенка. Понятно, что

разводиться люди будут через суд, но до суда каждый субъект системы профилактики должен определить свое отношение к этому вопросу, осуществить определенные процедуры. Важно, чтобы стороны до суда определились, с кем будет жить ребенок. Для нас важно в этой ситуации соблюсти интересы несовершеннолетнего, который попадает в эту конфликтную, острую кризисную ситуацию в семье. Любой бракоразводный процесс – всегда кризис, который может привести к страшным последствиям. Разбирая последние случаи суицидов среди несовершеннолетних, мы понимаем, что они совершаются не в наших семьях, которые у нас учтены, с которыми мы работаем, а в благополучных семьях, где есть какие-то «темные пятна», где не было никакого ощущения неблагополучия. Бывает, что есть авторитарный отец, настаивающий на проживании с ним, а ребенок хочет жить с матерью. И мы, все субъекты профилактики, должны эти особые моменты ситуаций схватывать, начинать проводить коррекционную работу. В связи с этим мы приняли на уровне правительства Пермского края Постановление 736-П «О раннем выявлении детского и семейного неблагополучия», в котором прописаны критерии, проведения коррекционной работы с абсолютно благополучными, на первый взгляд, семьями. Бывает, мы начинаем разворачивать семейную ситуацию и понимаем, что есть большие проблемы в семье в отношениях.

ЧТО ТАКОЕ КОМИССИЯ ПО ДЕЛАМ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ?

Комиссия – сопровождающий орган, оказывающий помощь семье, отцовству, материнству и детству. Мы сейчас перестраиваемся в более конструктивную сторону. На сегодняшний момент даже на

уровне федерации рассматривался вопрос о том, как следует изменить работу этого органа.

В прошлом году нашему органу исполнилось сто лет. Кто-то считает, что орган этот уже устарел и нужно менять его деятельность. Лично я сторонник того, чтобы у нас забрали всю административку, все протоколы, а оставили координацию деятельности субъектов системы профилактики. На мой взгляд, это основное, чем мы должны заниматься. Мы послали в федерацию запрос, чтобы рассмотрение протоколов об административных правонарушениях передали мировым судьям. Но понятно, что судейское сообщество, зная какой это объем, вряд ли на это пойдет. Никакой мировой судья не согласится, чтобы к его работе плюсом ещё сто дел в месяц добавлялось.

Когда обсуждалось реформирование, рассматривался вопрос о передаче административных дел какому-то иному органу. Это могли быть административные комиссии, которые сейчас при администрации существуют. Рассматривалось создание исполнительного органа государственной власти – Агентства по делам отцовства, материнства и детства, функцией которого будет координация исполнительных органов государственной власти, принятие решений, поручений и контроль исполнений. Но на самом деле от административки полностью уходить не надо, поскольку это важный инструмент выявления. Потому что иногда в протоколах часть первая статьи 5.35 узнаются такие моменты, которые мы бы не выхватили нигде. Там есть объяснения гражданина. В фабуле много информации бывает. И это тоже данные о семейном неблагополучии от органов внутренних дел. Если от нас это убирать, то мы потеряем очень большой объем

официальной информации по выявлению неблагополучия и дальнейшей организации профилактической работы. Конечно, орган уже немолодой, но я думаю, что дело еще и в людях, которые работают. Все мы люди. Я никогда не буду обвинять, например, образование в том, что они что-то не доделали. Я – не следственный орган. Но из любых трагических примеров мы стараемся извлекать опыт, который поможет не допускать подобных ситуаций в дальнейшем. Мы всегда стараемся понять где и кто не сработал, стараемся преодолевать человеческий фактор, понимая кто, когда и где что-то не сообщил, какой-то информацией не поделился. На сегодняшний день в крае есть много внешне благополучных семей, которые требуют помощи. Я не говорю о постановке на учет. Я говорю о помощи, которую государственные органы в состоянии оказать при своевременном обращении. Бывает, когда мне как секретарю комиссии звонят граждане с какими-то частными вопросами. Однажды просили печку починить. Передаю такие ситуации туда, где реально могут помочь. В данном случае соцзащиту попросил подключиться, у них есть такая возможность. И мы со своей стороны всегда подключаемся к решению каких-то индивидуальных проблем в муниципалитетах. Бывает, когда пьяные родители – угроза для детей, которых срочно нужно поместить в госучреждение. В госучреждении говорят, что мест нет. И понятно, что у нас с краевого уровня ресурсов больше: мы можем и этому учреждению сказать, что поменять или определить маршрут, по которому поедет ребенок. И мы всегда готовы на краевом уровне решать даже такие индивидуальные случаи. Да, это сложно и отвлекает от основной работы, но мы понимаем, что у нас больше возможностей, чем у территории,

которые даже компетентно не всегда могут разложить ту или иную ситуацию. Иногда они не знают, кого привлечь или нет возможностей. Например, приюта или психологического центра. Павел Владимирович Миков, когда еще был детским омбудсменом, тоже считал важным помогать отдельным людям, используя возможности краевого административного ресурса. Мы в ежедневном режиме стараемся помогать всем. К сожалению, часто работаем в негативных ситуациях. Но я привык к такому темпу работы, когда постоянно нужно придумывать, как действовать в той или иной ситуации, что-то решать, договариваться. И результаты у нас есть: помогли, решили, защитили кого-то, значит, работаем не зря.

ОСОБЕННОСТИ РАБОТЫ КДН

Существует стереотип, что комиссия – карательный орган. Конечно, у органа есть функция, связанная с применением мер воздействия к несовершеннолетним. Есть кодекс об административных правонарушениях РФ, где определен ряд статей, которые рассматривают КДН. Ну, в частности это 5.35 – ненадлежащее исполнение родителями их обязанностей. То есть если родители не заботятся о содержании ребенка, о его воспитании и обучении – вот эти три составляющие входят в понятие «ненадлежащее исполнение». Протокол составляют органы внутренних дел, направляют его в КДН. Такое нарушение, как распитие спиртных напитков или употребление наркотических веществ тоже комиссия рассматривает. Но на этом функция ко-

миссии не заканчивается. Обращаю ваше внимание, что полное наименование комиссии – Комиссия по делам несовершеннолетних и защите их прав. ФЗ-120 «Об основах системы профилактики, безнадзорности и правонарушений среди несовершеннолетних» статья 11 пункт 1 говорит, что КДН – это коллегиальный орган, созданный в целях координации деятельности субъектов системы профилактики безнадзорности и правонарушений. Что означает понятие «субъекты профилактики»? Это органы управления в сфере здравоохранения, органы управления в сфере образования, органы по делам молодежи, органы внутренних дел, учреждения исполнительно-трудовой инспекции, центры занятости населения, органы социальной защиты. Так вот комиссия по делам несовершеннолетних создана с целью защиты несовершеннолетних и координации деятельности всех этих органов. То есть если в КДН поступает обращение гражданина, то не только комиссия этим занимается. Аппарат комиссии, вот я, например, мы осуществляем только обеспечивающую функцию. То есть мы подготавливаем членов комиссии к осуществлению работы по обращению. В состав комиссии входят руководители учреждений системы профилактики. Если взять краевую комиссию, то это Министр образования, Министр социального развития, министерство культуры, спорта, председательствует Татьяна Юрьевна Абдуллина – заместитель председателя правительства Пермского края. И чтобы каждое обращение было рассмотрено в целях защи-

ты прав несовершеннолетнего, оно рассматривается коллегиальным органом. Каждый представитель профильного министерства мог сказать, что мы можем сделать в этой конкретной ситуации. А комиссия уже принимает коллегиальное решение в форме постановления о том, кто и что должен предпринять. Например, Министерство социального развития может рассматривать выделение пособий. Все должны в своей части оказать помощь семье. Не назначать, не прижучить или на учет поставить, а помочь и поддерживать. Мы не работаем как карательный орган. Мы работаем как орган, который контролирует исполнение поручений в рамках оказания помощи семье. Составляется индивидуальная программа реабилитации, куда включается ответственность всех субъектов профилактики. И контролирует как раз этот специалист по координации, выделенный нам правительством Пермского края.

КДН И ПАРТНЕРСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ

Комиссия работает не только с субъектами профилактики. Она должна привлекать и общественные организации, которые занимаются деятельностью по поддержке граждан. Какие организации привлекаем мы? Это Ассоциация медиаторов Пермского края. Есть у нас Елена Владимировна Бачева, возглавляющая организацию профессионального родительского образования. Организация «ПравДа вместе» Ирины Черновой работает с несовершеннолетними, которые находятся в конфликте с законом. Есть у нас федерация мини-футбола, которая с 2016 года сотрудничает с нами в рамках проведения краевой спартакиады «Волшебный мяч». На первый взгляд, это не наш профиль. Но у нас есть ФЗ-120, который говорит, что

Мы не карательный орган. Мы работаем как орган, который контролирует исполнение поручений в рамках оказания помощи семье.

в целях профилактики необходимо мотивировать детей, которые находятся в социально опасном положении на занятия физической культурой. Краевая олимпиада – лишь красочный финал долгой работы с несовершеннолетними. До этого проводится муниципальный этап, когда организуются разные спартакиады в территориях, в которые вовлекаются дети, состоящие на учете, в возрасте от 10 до 18 лет. Из победителей формируется команда муниципалитета.

Конечно, наши партнеры не на безвозмездной основе работают. Они либо получают губернаторские гранты, либо субсидии через государственные программы, через Министерство социального развития или через Министерство образования. Например, «Правда вместе» у нас субсидируется через государственную программу «Образование» Министерства

образования. Ресурсный центр Анны Хавкиной по профилактике работает через программу социальной поддержки граждан Министерства социального развития. Мы стараемся поддерживать тех больших игроков на рынке общественных организаций, которые нам интересны, и мы понимаем, что они помогут нам обеспечить результативность в некоторых направлениях. Понятно, что сотрудники внутренних органов, сотрудники комиссии по делам несовершеннолетних не всегда способны работать с другими воспитательными технологиями, как может работать, например, «Правда вместе». Нет функционала у сотрудников подразделений быть наставником у несовершеннолетнего. А у этих организаций есть студенты, добровольцы, волонтеры, которые могут являться наставниками для ребят, которые будут сопровождать их. Важно и то, что волонтеры, как прави-

ло, по возрасту не очень далеко ушли от своих подопечных. Такие наставники лучше понимают проблемы этих детей. И получается, что несовершеннолетний может о чем-то не рассказать инспектору, но есть возможность, что волонтеру он расскажет больше. Потому что, когда мы объединяем усилия, то можно совсем по-другому выстраивать работу.

Для того, чтобы работать с семьей, важно не просто понимать что-то, например, про антисанитарные условия. Я пять лет работал в районной комиссии по делам несовершеннолетних в Мотовилихе. Как мы работали? Например, выявили проблему антисанитарных условий. Затем накидывали на нее определенный стандартный набор мероприятий. Но это не всегда работало. Часто получалось, что как семья жила в своеобразной мусорке, так и продолжала жить. Сейчас мы работаем немного

По идее школа сегодня должна понимать некую маршрутизацию несовершеннолетних с девиантным поведением и не бояться раньше подключать к проблеме различных специалистов. А школы «закрываются», пытаются всё сами решить.

по-другому. Сначала мы выясняем причину, почему так получилось? Отвечаем на вопрос: что является причиной таких условий? Это может быть регулярное употребление спиртных напитков. Выявляем первопричину. Так же с совершением правонарушений несовершеннолетними. Нужно понимать, откуда всё началось? Может быть из семьи, может оказывает влияние некая новая референтная группа, какая-нибудь асоциальная, либо из школы может идти негативный пример.

КДН И ШКОЛА

Школа это такая система, которая всегда старается справиться своими силами. Директор не всегда готов идти за помощью или сказать:

«Мы тут не справляемся. Давайте передадим это дело в те или иные органы».

Да, школы часто пугают комиссией детей и родителей. Сейчас мы стараемся ломать эту модель, разъясняя образовательным организациям, что мы работаем, чтобы помогать им. Мы начинаем говорить примерами детских судей, с которыми мы сталкиваемся в ежедневном режиме. Разъясняем, к каким трагичным событиям может приводить сокрытие фактов. Сейчас мы взялись за проблему девиантного поведения несовершеннолетних. Чаще всего происходит так, что школа старается как можно дольше вести несовершеннолетнего сама, а в комиссию выходят только тогда,

когда уже совсем не справляются. Хотя школа уже два-три года назад понимала, что этот несовершеннолетний с признаками девиантного поведения. Можно было уже тогда подключить нас, органы социальной защиты. Мы не говорим сразу о полиции. В полиции, согласно ФЗ «О полиции» всё строго: если выявлен факт правонарушений, то они должны его зафиксировать, заносить в книгу учета совершенного преступления, правонарушения. У них работа строгая – они люди в погонах. Но мы-то не в погонах! Мы понимаем, что причин девиантного поведения много. Либо это заболевание, тогда нужно вести ребенка через психолого-медико-педагогические комиссии, используя медицинские ресурсы – врачей,

психологов или психиатров. А есть ресурс другой – когда несовершеннолетний не из-за заболевания такой – и мы начинаем использовать другие механизмы. В нашем регионе, единственном в стране, сегодня пять исправительных учреждений открытого типа. На территории РФ их всего 16. Я не говорю про закрытые учреждения. Это учреждения, созданные для обучения несовершеннолетних, но со специальным психологическим подходом. То есть у них есть специалисты, которые могут работать с несовершеннолетними с девиантным поведением. Таким образом, у нас есть большой ресурс для работы с детьми с девиантным поведением. У нас есть учреждения закрытого типа. В городе Очере. Не во всех регионах такое есть. Я не буду говорить о воспитательных колониях. Это другая тема – тяжкие и особо тяжкие преступления среди несовершеннолетних. У нас есть «Уральское подворье», где сегодня работают социальные парикмахерские и дети там подстригают пенсионеров, людей-инвалидов. Это уже некая социальная прививка. И мы не используем сегодня этот ресурс в полной мере. По идее школа сегодня должна понимать некую маршрутизацию несовершеннолетних с девиантным поведением и не бояться раньше подключать к проблеме различных специалистов. А школы «закрываются», пытаются всё сами решить. Конечно, на сегодняшний день ситуация несколько улучшается, но мы смотрим по статистическим данным всего региона, а в каждую школу зайти и узнать, как там меняется ситуация, мы не можем. Но, принимая это постановление, мы расширили перечень оснований для проведения коррекционной работы. Мы предполагаем, что эта группа детей и семей должна увеличиться. Нет никаких санкций, нет никаких бюджетных заданий для му-

ниципалитетов о том, сколько они должны поставить на учет. То есть нет никаких цифр, к которым нужно стремиться. И если проблема есть, с ней нужно работать! Мы, в свою очередь, понимаем, что если мы расширили перечень, то количество семей, нуждающихся в коррекции, я не говорю о тех, кому нужна реабилитация, должно увеличиться. Мы полагаем, что у образовательных организаций должен быть некий социальный паспорт, поскольку школа знает у кого из учащихся в семьях низкий уровень дохода. Школа видит семьи, где есть дети-инвалиды, многодетные семьи. Все эти данные есть у школ. Мы не говорим, что все эти семьи должны быть обязательно поставлены на учет и с ними должна быть проведена работа. Но, как минимум, должен быть сделан звонок в органы социальной защиты с простым вопросом: «Состоит ли та или иная семья на учете как малоимущая?» То есть важно, чтобы было понимание, требует ли семья какой-то материальной помощи.

Мы сейчас разрабатываем схемы и инфографику, дающие возможность, взглянув на один лист, понять, как действовать в той или иной ситуации. Я, конечно, понимаю, что наш Порядок, который принят постановлением комиссии еще 29 июня 2016 года, написан на 119 листах. И это пугает изначально. Сам порядок на 14 листах, а остальное – приложения, формы для стандартизации работы. Это как инструмент работы учителей или методическое пособие, по большому счету. Это такое пособие, которое раскладывает несколько федеральных законов, а так же раскрывает функционал каждого субъекта профилактики. То есть объясняет, кто что должен делать в какой ситуации, куда и кому сообщать. А формы эти для того, чтобы они не создавали у себя какие-то но-

вые, а пользовались единой системой документов, карточек, позволяющих эффективно обмениваться информацией. Там же описаны типовые рабочие группы: кто в них включается, какие решения принимаются. То есть это подсказки, чтобы не думали, как провести рабочую группу, а, прочитав приложение, могли сразу действовать по предложенному алгоритму. Но сам документ, видимо, тяжел для восприятия, и мы сейчас ищем пути, как сделать его более доступным. В краевой комиссии принят по каждому направлению регламент работ. Например, есть механизм по выявлению жестокого обращения. То есть описано, по каким фактам можно выявить жестокое обращение и что, куда, кому нужно отправить, в какой срок. Есть алгоритмы по профилактике суицидов и суицидальных попыток. Есть по профилактике правонарушений. Они все в свободном доступе. С ними можно ознакомиться.

Мы часто слышим от школ, что они и так чрезмерно загружены всяческими бумагами и видами деятельности, не всегда связанными с их задачами. На самом деле здесь нужно смотреть с другой позиции. Ведь школа постоянно сталкивается с разными проблемами: с проблемными родителями, с проблемными детьми. И эти документы созданы не для того, чтобы на работников школы что-то навалить. Документы созданы как методическая помощь. Выявил учитель ребенка с суицидальной попыткой. И не нужно ему звонить мне, секретарю краевой комиссии в кабинет, зависеть от того, если ли я на месте, есть ли у меня время ему помочь и с ним поработать. Можно взять порядок, найти раздел «Образование», увидеть, что должно сделать образование в этой части. И мы планируем облегчить всем

работу, сделав один документ, куда сможет вносить данные каждый субъект системы профилактики. Кроме того, обращаю ваше внимание, что и так называемой «карательной» функции с комисии никто не снимал. Например, мы рассматриваем административные протоколы. Я посчитал, что на подготовку к заседанию комиссии только по одному протоколу у сотрудника уходит четыре рабочих дня полностью. Даже без обеда и перерывов. А таких протоколов например, в Пермском районе, бывает до сотни. Протоколы проверяются на законность/незаконность. Изучаются материалы, делаются запросы, проводится достаточно серьезная работа.

ИСТОРИЯ ДЕВОЧКИ ИЗ ГОРОДА КРАСНОКАМСКА

Школа, чувствуя какое-то неблагополучие в какой-то семье, должна начать взаимодействие с другими органами, чтобы получить больше информации и выстроить некую навигацию для этой семьи. Как школа может почувствовать неблагополучие в семье? Случай в Краснокамске, когда во время летних каникул умерла девочка, как раз свидетельствует о том, что школе не хватило информации, которую школа никак не могла получить сама.

Я лично разбирался с этим случаем. Был руководителем группы, которая выезжала проводить анализ деятельности образовательной организации. Если смотреть на ситуацию с точки зрения социального педагога и классного руководителя, ситуация такая: 1500 обучающихся, понятно, что за каждым не усмотришь. Особенность ситуации с этой девочкой была в том, что она – отличница. А школа у нас как смотрит на ребенка? По каким критериям оценивает? Ребенок хорошо учится,

хорошо себя ведет, мама в школу приходит, со всеми общается. Получается, что такой ребенок в зону повышенного внимания школы не входит. Возможно, так выстроены ФГОСы (федеральные государственные образовательные стандарты – ред.), с точки зрения того, что школа у нас оценивается скорее с точки зрения образования, чем воспитания. То есть они в первую очередь должны учить. А здесь появляются вопросы к воспитанию. Сейчас эта система и с федерального уровня тоже немного надламывается. Раньше со школы не спрашивали воспитательную функцию. Поэтому они и сейчас так продолжают работать. Функция воспитания, даже если посмотреть по учителям, она разрывает их изнутри. Что они говорят? Говорят: «Я должен(а) учить! Я не должен(а) заниматься семейными проблемами ребенка». А мы в эту ситуацию включиться не можем, пока не получаем сигнал от школы. В краснокамской истории, важно отметить, сигналы были. И я не говорю сейчас про школу. Школа заполняет социальный паспорт со слов законного представителя. Мать сказала, что у них полная семья. Отец работает вахтовым методом, ездит работать каменщиком в другой муниципалитет, но здесь же в Пермском крае. Мать сказала, что она не работает, но проблем в семье нет. Никто не обратил внимание на внешний вид. Если бы вы видели мать, то поняли, что по внешнему виду там могли возникнуть вопросы. Девочка постоянно ходила в темной одежде. Отец на самом деле сидит в тюрьме, причем в связи с незаконным оборотом наркотических веществ. Органы внутренних дел о таком положении вещей знали. И школа, по идее, не должна была никуда запросы отправлять. И в этом случае школу должны были информировать о ситуации в семье.

Кто и как должен был это сделать? Вот смотрите, какие факты у нас были. Мать не работала – об этом знал орган социальной защиты. Отец находится в местах лишения свободы – об этом знал орган внутренних дел. Что не заметила школа? Первое – это отсутствие достатка в семье. В семье есть лицо, которое совершает преступления. И это тоже влияние на несовершеннолетнего. Когда мы общались с матерью, выяснились, что и она была связана с наркотиками и убегала из дома. Её родители были лишены родительских прав, и воспитывалась мать умершей девочки своим дедом. Он являлся опекуном. То есть у нее у самой была проблемная судьба. Что не заметила школа? Начиная с апреля девочка стремительно снижала вес. Школа говорит, что не заметили, потому что девочка всегда ходила в мешковатой одежде, поэтому снижения веса не заметили. Но школа не обратила внимания на то, что девочка ходила всегда в одной и той же одежде. То есть у нее не было другой одежды, сменной. А была одна мешковатая одежда. В столовой она никогда не питалась. Приносила с собой два раза в неделю контейнер с едой. По большому счету они на это внимание не обращали. Но самое важное, что уже в конце апреля девочка подходила к учителю физкультуры и говорила: «Мне плохо. Я не буду заниматься физической культурой». Учитель физкультуры должен был сообщить об этом медику. А он принял самостоятельное решение, сказав, что девочка может не ходить, поскольку пятерка у нее все равно выходит. Он хотел помочь, а сигнал, что плохо, не принял. А нужно было идти к медицинскому работнику, который потом сказал бы районному педиатру. Хотя медицинская организация тоже знала о снижении веса, поскольку ежегодно проводятся

профилактические осмотры. По факту снижения веса у девочки снизилась группа здоровья: была первая, а стала вторая. Но раз девочка подросткового возраста, медицинский работник тоже не заострил на этом внимание. Медик счел, что подросток худеет просто потому, что в этом возрасте многие увлекаются похудением. И не предал значения тому факту, что изменилась группа здоровья. У них есть федеральный приказ, согласно которому в подобных случаях медики должны организовывать работу с родителями. И получилось так, что все что-то знали, а сложить всё в единую картину не получилось. А вот это как раз функция комиссии как координирующего органа. Но комиссия должна была об этой ситуации как-то узнать. Претензий к комиссии у нас не было. Была проведена проверка этой школы вместе с прокуратурой и выносили им предупреждение по поводу раннего выявления семейного неблагополучия. Школа этот пункт не исполнила, а комиссия не про-

контролировала. У комиссии есть и контрольная функция в том числе. Работа комиссии не в том, чтобы вынести поручение и забыть про него. Важно дело довести его до конца и проконтролировать исполнение. Получается, мы все не встретились и ребенка потеряли. Я много думаю о том, сколько на самом деле фактов, которые мы можем не заметить. И поэтому мы сейчас проводим сверку данных школ с данными соцзащиты, чтобы все понимали, где и кому необходимо оказать помощь.

КДН И ВОССТАНОВИТЕЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ

Со стороны КДНиЗП в 2016 году принят порядок по реализации восстановительных технологий субъектов системы профилактики, который предписывает действовать определенным образом. Фактически работа выстроена с 2006 года. Действовать предлагается так: получив информацию по гражданским или уголовным

И получилось так, что все что-то знали, а сложить всё в единую картину не получилось.

делам, мы направляем ее в муниципальную службу примирения. На сегодняшний день в крае, где 46 муниципальных образований работает 53 службы примирения и 554 школьных службы примирения. Если на территории есть психологический центр, то этим занимается психолог. Если нет такого ресурса, то либо комиссия по делам несовершеннолетних, либо управление в сфере образования муниципального. Начинается всё с того, что поступает заявка из суда для применения восстановительных технологий, то есть досудебного разбирательства и заключения соглашений. Комиссия направляет эту заявку в муниципальную службу примирения медиатору, который

приглашает участников конфликта и с ними отработывает ситуацию, применяя свои технологии. Такая же система работает и в гражданских делах. Мы раньше с гражданскими делами не работали. Речь идет об ограничении, лишении родительских прав, определении места жительства ребенка. Бракоразводные процессы. То есть, когда в суды попадает аналогичная ситуация и понятно, что там есть дети, суд направляет заявку в комиссию. А мы, если это бракоразводный процесс, работаем на сохранение семьи. И ЗАГС сначала дает месяц подумать. Но если всё идет плохо, то потом мы пытаемся применить медиативные технологии, чтобы всё нейтрализовать. Понятно, что большинство из таких случаев всё равно доходят до суда и решаются в суде, но бывают и случаи, когда заключается мирное соглашение. И пусть их будет не так много, как хотелось бы, мы стремимся сохранить эту возможность для людей. Мы очень стараемся примирять стороны! Знаете, часто люди расходятся из-за смешных проблем. Например, взаимоотношения с тещей не складываются, когда родители родителей вмешиваются. И это большинство таких случаев. Материальные трудности часто становятся основанием для развода.

Важно отметить, что наша задача здесь не столько сохранить семью или примирить взрослых. Наша задача обеспечить ребенку жизнь не в конфликтной среде, чтобы ребенок не находился

в кризисе, и у него не возникали всякие нехорошие мысли. Взрослые, которые должны сами справляться со своими проблемами, конечно, интересуют нас в меньшей степени. Наш интерес – интересы детей, которых часто приходится защищать от действий взрослых. Конечно, медиация не всегда применима. Есть тяжкие преступления, где эти технологии не работают. Восстановительные технологии не применяются к лицам, имеющим психические и психиатрические заболевания. Здесь уже дело медицинских работников.

КДН И МЕДИЦИНА

У нас бывают конфликты субъект-субъект, когда не могут наладить связи органы между собой. Например, один из субъектов профилактики может отказаться предоставлять другому какую-то информацию. Что такое конфликт? Это столкновение интересов. На сегодняшний день федеральное законодательство медицинским организациям прямо говорит, что они не имеют права отправлять во внутренние органы сведения, которые являются врачебной тайной. Обращение к врачу уже считается врачебной тайной. И поэтому медицинское сообщество часто нам говорит: «Мы не будем отправлять вам информацию, поскольку не хотим выдавать врачебные тайны». А есть Федеральный закон № 120-ФЗ, по которому одним из субъектов является медицинский, который говорит, что при любых

случаях нарушения прав несовершеннолетних информация должна поступать в комиссию, в органы внутренних дел из медицинской организации. Вот вам и конфликт интересов. Мы его, конечно, урегулировали, уточнив, что нам не нужны данные, составляющие диагноза. Нам нужна социальная составляющая. Опять же педиатры проводят ранние посещения детей. До 10 раз они бывают в семье, где есть младенцы до месяца. Затем кратность посещений снижается по возрасту ребенка. И если видят, что есть какое-то явное неблагополучие в семье, например, мать что-то употребляет, живут в антисанитарных условиях, это уже не врачебная тайна. Это действия в целях защиты прав несовершеннолетних и исполнение ФЗ-120. В подобной ситуации могут оказаться и врачи-наркологи. Когда к ним обращаются за помощью взрослые лица, имеющие на иждивении детей, эти сведения составляют медицинскую тайну. Врач-нарколог не может сообщить к нам в органы о том, что он выявил лицо, наркомана, у которого есть дети. Во-первых, наркоман может не сказать, что у него есть дети. Врач только со слов записывает. Хотя они всё равно по карточке владеют этой информацией. Мы сейчас пошли по другому пути. Статья 9 ФЗ-120 говорит, что обо всех фактах нарушений должны сообщать в органы внутренних дел, а на самом деле употребление наркотиков и есть административное правонарушение, о котором нужно сообщать в органы внутренних дел, называя

На сегодняшний день федеральное законодательство медицинским организациям прямо говорит, что они не имеют права отправлять в органы внутренних дел сведения, которые являются врачебной тайной. Обращение к врачу уже считается врачебной тайной.

лиц, которые употребляют психоактивные вещества. И все это на законных основаниях. Мы должны работать с этими людьми на их реабилитацию. Конечно, если это анонимное обращение, никто никуда не сообщит. И здесь мы должны понимать людей, которые хотят исцелиться и реабилитироваться. Если он пришел в медицинскую организацию сам, анонимно, то давайте посмотрим на его реабилитацию. Но таких людей единицы и их нужно сопровождать медицинским способом без вмешательства других субъектов, потому что мы спугнем общество этим. И если медицинские организации начнут разглашать сведения, которые стали им известны, мы потеряем интерес и доверие людей, имеющих заболевание. Это тоже главное. Сейчас Минздрав открывает второй уровень анонимных кабинетов, где оказывается методическая помощь врачам-наркологам, которые работают на территории и им не всегда хватает компетентности. Также там рассматриваются особо сложные случаи.

Мы выстроили систему психологической помощи в крае. Открыто шесть межмуниципальных психологических центров, которые как раз работают со сложными слу-

чаями, связанными с девиантным поведением, с асоциальным поведением, с ситуациями буллинга в школе, которые тоже часто скрываются. Выявлением сложных случаев в школах должны заниматься психологи образовательных организаций. Мы сегодня совместно с краевым психологическим центром выстраиваем механизмы взаимодействия, которые позволяют разобраться: какой случай считается сложным? Что делать в случае выявления? Здесь палка о двух концах: иногда психолог понимает, что ему не достаёт компетенций, но он не знает, куда отправить информацию, а иногда психолог не понимает, что у него не достаточно компетенций и проявляет самоуверенность, считая, что справится с этой ситуацией. Но ведь просить о помощи не стыдно. Стыдно не попробовать получить ее там, где ситуация сложная, нетипичная, выходящая за рамки твоего опыта. Мне знакомы директора, которые тоже считают, что сами справятся. И это беда. Почему я так много говорю про образование? Потому что большинство наших детей всё равно находятся в образовательных учреждениях от детских садов до организаций среднего профессионального образования. У нас по краю не

учащихся и не работающих несовершеннолетних 274 человека. Это зарегистрированных, конечно. Хотя их легко выявить на самом деле. Если не прикреплен к образовательному учреждению, значит, попадает в эту категорию. Вот он отчислился из образовательной организации. По закону об образовании мы в месячный срок должны принять меры либо по его трудоустройству, либо спроектировать ему новый образовательный маршрут. Так что на самом деле их немного, но они есть. Остальные все дети от 0 до 3 не организованные находятся в поле зрения медицинских организаций как субъектов профилактики. А дети от 7 до 18 лет – это всё образование и комиссии по делам несовершеннолетних. По идее, мы охватываем всех несовершеннолетних и должны всё о них знать.

14 января 2018 года комиссии по делам несовершеннолетних исполнилось сто лет. Данный институт изменяется, развивается, обновляется. И пусть защита прав несовершеннолетних, система действий в интересах детей помогает нашему обществу становиться более договороспособным.

Елена Ерохина

Председатель Комитета ЗАГС

Пермского края

Урегулирование конфликтов органами ЗАГС Пермского края

В жизни каждого человека присутствуют конфликты. Конфликтные ситуации неизбежны как дома, так и на работе, они проявляются во взаимодействии между двумя и более лицами, где субъекты противостоят друг другу и выясняют свои отношения непосредственно.

В семье, как и в любой группе, случаются конфликты. Многие исследователи говорят о естественности и неизбежности возникновения семейных конфликтов, так как происходит столкновение характеров, интересов, потребностей и стремления навязать партнеру свои взгляды, мнения.

Разные виды конфликтов на различных стадиях становления семьи находятся за пределами правового регулирования. Никакая норма права не может обязать человека быть выдержанным, спокойным, уступчивым, внимательным. Это зависит от самого

человека, его умения управлять собой, уступать и идти на компромисс, которое приобретает в результате работы над самим собой и воспитания.

Как разрешить конфликт в семье и можно ли его предупредить? В нормах права ответов на эти вопросы нет.

Разрешение конфликта в первую очередь сводится к тому, чтобы заставить конфликтующие стороны прекратить агрессивные действия.

В ряде органов ЗАГС Пермского края существует практика примирения супругов в ходе личной беседы, консультации семейных психологов.

Сотрудники органов ЗАГС при урегулировании семейных конфликтов тесно взаимодействуют с муниципальными службами примирения, с некоммерческими

объединениями, направляя супругов к специалистам – психологам. Например: в городе Березники работает «Центр примирения», где супруги получают квалифицированную помощь медиаторов, в городе Верещагино с 2015 года работает АНО «Семейный клуб «Апельсин», которое также оказывает консультативные услуги, в том числе психолога.

Семья играет важную роль в поддержании жизнедеятельности государства, так как является основным институтом социализации.

Применение технологий урегулирования конфликтов органами ЗАГС Пермского края позволяет сократить число разводов по взаимному согласию. За последние три года в Пермском крае произошло снижение количества расторжения брака по взаимному согласию через органы ЗАГС на 8,4% (2015 г. – 2389, 2018 г. – 2189).

Татьяна Мещерякова

Председатель Арбитражного суда

Пермского края

Медиация в суде

Доказывать свою правоту в суде издавна считается единственным способом решения спора.

Понимание сущности медиации как способа предотвращения конфликтов ещё не достаточно укоренилось в нашем сознании.

Между тем, в российском обществе существует высокая потребность в доступных и эффективных механизмах урегулирования споров, которые будут способствовать снижению конфликтности, укреплению социальных и деловых связей, становлению и развитию партнерских отношений, формированию уважительного отношения к закону, а также повышению правосознания и социальной активности.

Принятие в 2010 году Федерального закона № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» свидетельствует о том, что развитие примирительных процедур является одним из приоритетных направлений совершенствования и развития механизмов урегулирования споров.

С момента вступления в силу указанного закона судебным сообществом отмечалось, что активное развитие досудебного урегулирования споров и примирительных процедур поможет снизить нагрузку на судей, а в ответ будет получено ощутимое повышение качества их работы.

К сожалению, закрепленные в процессуальном законодательстве нормы, касающиеся примирения сторон, на сегодняшний день являются лаконичными и разрозненными, что пока не позволяет указанному институту стать эффективным инструментом урегулирования споров именно в судах.

В то же время, вопрос практической реализации примирения с помощью медиатора во взаимосвязи с деятельностью суда является актуальным и реализуется на практике.

В 2017 года в Арбитражном суде Пермского края была открыта комната примирения (комната переговоров), которая предоставляется лицам, участвующим в деле, рассматриваемом в суде

и пришедшим к соглашению о необходимости консультирования медиатором, а также лицам, выразившим необходимость в проведении переговоров, не прибегая к помощи медиатора.

С момента активизации работы в суде по развитию примирительных процедур показатель заключенных мировых соглашений Арбитражным судом Пермского края существенно увеличился (при сравнении 2017 и 2018 годов) на 15,7%. Наблюдается также увеличение отказов от исков, в связи с урегулированием спора во внесудебном порядке.

Результаты проводимых в суде социологических опросов также свидетельствуют о положительных изменениях отношения участников процесса к институту медиации.

Данные результаты становятся возможными при кропотливой работе судей по каждому конкретному делу – как на стадии подготовки к делу (при формулировке определений о принятии заявлений к производству, в процессе собеседования со сторонами), так

и непосредственно в судебном заседании.

Главная задача медиации – разрешение споров и конфликтов на досудебной стадии, недопущение того, чтобы человек вступал в длительную, утомительную, не всегда удовлетворяющую его судебную процедуру.

В настоящее время подготовленные законопроекты направлены на дальнейшее внедрение и по-

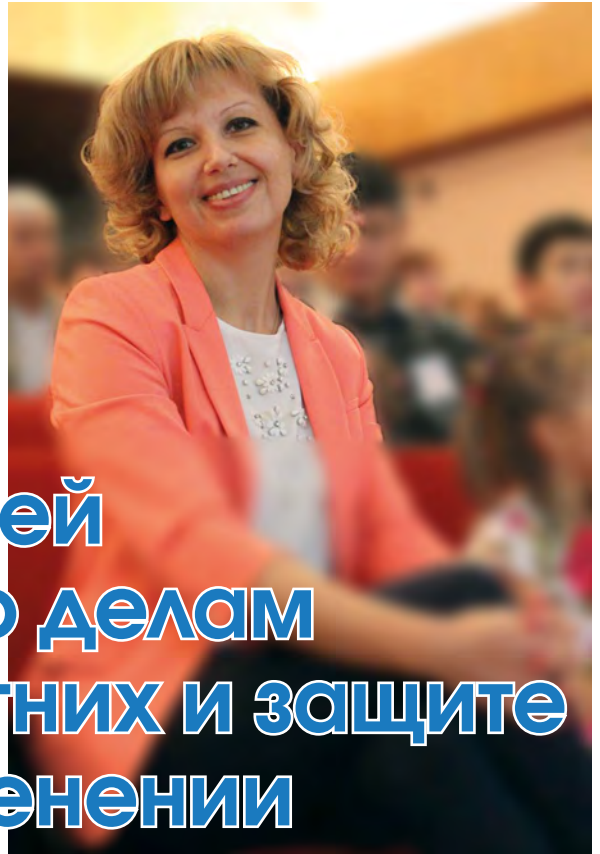
пуляризацию в России примирительных процедур.

Несомненно, что для распространения медиации в обществе требуется соблюдение двух условий: спрос, потребность спорящих сторон и их готовность к ведению переговоров, заключению мировых соглашений с участием посредников, а также предложение – готовность заниматься посреднической деятельностью на профессиональном уровне.

В Пермском крае вопросам внедрения медиации как альтернативного способа урегулирования споров уделяется значительное внимание. Работа продолжается. Совместно с профессиональными медиаторами мы пытаемся найти наиболее оптимальную форму взаимодействия, которая в конечном итоге позволит более активно использовать процедуру медиации.

Юлия Лепихина

Заместитель главы администрации
Кунгурского муниципального района
по вопросам социальной сферы

О координирующей роли комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав при применении восстановительных технологий при рассмотрении гражданских дел

Комиссия по делам несовершеннолетних и защите их прав является межведомственным коллегиальным органом системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних Кунгурского муниципального района. Обеспечивает координацию деятельности органов и учреждений системы профилактики, направленной на предупреждение безнадзорности, беспризорности, правонарушений и антиобщественных действий несовершеннолетних, выявление и устранение причин и условий, способствующих этому, обеспечение защиты прав и законных интересов несовершеннолетних, социально-педагогической реабилитации подростков, находящихся в социально опасном положении,

выявление и пресечение случаев вовлечения их в совершение преступлений и антиобщественных действий.

Комиссия руководствуется в своей деятельности законом Российской Федерации от 09.06.1999 г. №120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних», законом Пермской области от 05.09.2005 г. № 2441-539 «О комиссиях по делам несовершеннолетних и защите их прав», законом Пермского края от 07.07.2014г. № 352-ПК «О системе профилактики детского и семейного неблагополучия в Пермском крае», постановлениями Комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав Пермского

края и другими нормативно-правовыми актами.

Указом Президента Российской Федерации В.В. Путина «О Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012-2017 годы» от 1 июня 2012 г. № 761 введен в правовую оборот термин «дружественное к ребенку правосудие».

«Под дружественным к ребенку правосудием подразумевается система гражданского, административного и уголовного судопроизводства, гарантирующая уважение прав ребенка и их эффективное обеспечение с учетом принципов, закрепленных в рекомендациях Совета Европы по правосудию в отношении

детей, а также с учетом возраста, степени зрелости ребенка и понимания им обстоятельств дела. Основные принципы и элементы дружественного к ребенку право-

судия: общедоступность; соответствие возрасту и развитию ребенка; незамедлительное принятие решений; направленность на обеспечение потребностей, прав

и интересов ребенка; уважение личности и достоинства ребенка, его частной и семейной жизни; признание ключевой роли семьи для выживания, защиты прав

Нормативно-правовые документы, регламентирующие деятельность КДНиЗП

- Конституция Российской Федерации;
- Конвенция ООН о правах ребенка;
- Указ президента Российской Федерации №761 «О Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012-2017 годы» от 01.06.2012г.;
- Семейный кодекс Российской Федерации;
- Кодекс об административных правонарушениях Российской Федерации;
- Федеральный закон №120 РФ "Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних" от 24.06.1999г.;
- Постановление Правительства Российской Федерации №995 «Об утверждении Примерного положения о комиссиях по делам несовершеннолетних и защите их прав» от 06.11.2013г.;
- Закон Пермского края «О системе профилактики детского и семейного неблагополучия в Пермском крае» от 19.06.2014г.;
- Закон Пермской области №2441-539 «О комиссиях по делам несовершеннолетних и защите их прав» от 05.09.2005г.;
- Постановление КДНиЗП Пермского края №18 от 01.12.2016г. «О роли служб медиации в профилактике преступности и правонарушений несовершеннолетних. Об утверждении Порядка межведомственного взаимодействия субъектов системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних и судов по реализации восстановительных технологий и медиативного подхода»;
- Нормативно-правовые акты Кунгурского муниципального района.

Схема взаимодействия Муниципальной службы примирения, комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав и суда по гражданским делам

Муниципальная служба примирения Кунгурского муниципального района

Создана на основании постановления главы Кунгурского муниципального района №465 от «21» августа 2007г. «О внедрении восстановительных технологий в систему профилактики» при МБУ «Отдел по защите прав детей Кунгурского муниципального района».

С 1 августа 2017 года Муниципальная служба примирения Кунгурского района работает на базе Управления образования Кунгурского района, в МАУ «Центр развития образования Кунгурского муниципального района».

Целью службы примирения является профилактика правонарушений несовершеннолетних, снижение количества конфликтных, криминальных ситуаций в педагогической и семейной среде через организацию и проведение восстановительных процедур.

Служба примирения работает:

- по проведению программ примирения с участием несовершеннолетних,
- по совершенствованию навыков бесконфликтного поведения,
- по оказанию психологической помощи и поддержки в конфликте,
- по профилактике конфликтов и буллинга.

Состав службы – руководитель, методист.

Модель проведения восстановительных программ

и развития ребенка; активное использование в судебном процессе данных о детях, условиях их жизни и воспитания, полученных судом в установленном законом порядке; усиление охранительной функции суда по отношению к ребенку; приоритет восстановительного подхода и мер воспитатель-

ного воздействия; специальная подготовка судей по делам несовершеннолетних; наличие системы специализированных вспомогательных служб (в том числе служб примирения), а также процедур и норм общественного контроля за соблюдением прав ребенка.

В Кунгурском муниципальном районе разработан алгоритм взаимодействия с органами и учреждениями системы профилактики безнадзорности и правонарушений при рассмотрении гражданских дел с участием несовершеннолетних, а именно, взаимодействие суда с муниципальной службой

Применение восстановительных технологий при работе с семьей

Типы восстановительных программ при работе с семьей:

- программа примирения
- программа примирения в семье
- семейная конференция
- «круг заботы»

Результаты восстановительных программ:

- примирение сторон
- ситуация не изменилась
- углубление конфликта
- рекомендации обратиться в органы опеки

Работа Муниципальной службы примирения при рассмотрении гражданских дел

Виды гражданских дел, поступивших в комиссию

примирения Кунгурского муниципального района и комиссией по делам несовершеннолетних.

Муниципальная служба примирения создана на основании постановления главы Кунгурского му-

ниципального района №465 от «21» августа 2007 г. «О внедрении восстановительных технологий в систему профилактики» при МБУ «Отдел по защите прав детей Кунгурского муниципального района».

С 1 августа 2017 года Муниципальная служба примирения Кунгурского района работает на базе Управления образования Кунгурского района, в МАУ «Центр развития образования Кунгурского муниципального района».

Целью службы примирения является профилактика правонарушений несовершеннолетних, снижение количества конфликтных, криминальных ситуаций в педагогической и семейной среде через организацию и проведение восстановительных процедур.

Служба примирения работает:

- по проведению программ примирения с участием несовершеннолетних,
- по совершенствованию навыков бесконфликтного поведения,
- по оказанию психологической помощи и поддержки в конфликте,

– по профилактике конфликтов и школьной травли.

Состав службы – руководитель, методист.

В состав муниципальной службы примирения входят специалисты, имеющие высшее профессиональное образование по специальности

«Психология» и получившие сертификат ведущего восстановительных программ.

Восстановительный подход определен четкими принципами и предлагает работу по конкретному алгоритму, который может быть положен в организацию работы по сопровождению семьи.

Восстановительная (примирительная) программа проходит в 4 этапа, работа с семьей включает: сбор информации, предварительные встречи со сторонами, примирительная встреча, сопровождение семьи.

В работе с семьей могут использоваться следующие **Типы восстановительных программ:**

- программа примирения
- программа примирения в семье

- семейная конференция
- «круг заботы»

В рамках деятельности медиатора существуют как индивидуальная работа с семьей, так и групповая (семейная конференция, «Круги заботы»), когда подключаются все заинтересованные лица, в т.ч. родственники, а также специалисты субъектов профилактики, работающие с семьей.

Результаты проведенных программ могут носить различный характер завершения ситуации.

1. Примирение сторон – решение конфликта;
2. Ситуация не изменилась;
3. Углубление конфликта;
4. Восстановительная программа с семьей проведена, где в результате было рекомендовано семье продолжить взаимодействие с от-

делом опеки попечительства для дальнейшего обращения в суд.

В результате совместных действий суда, Муниципальной службы примирения, органов опеки и попечительства и комиссии по делам несовершеннолетних были достигнуты следующие результаты.

Видим, что применение восстановительной медиации при рассмотрении гражданских дел дает положительные результаты, способствует снижению негативных явлений в детской среде, а также является профилактикой детского и семейного неблагополучия.

Возможность использования всех ресурсов, имеющихся у субъектов профилактики, определяет положительную динамику сохранения, восстановления социального благополучия семьи.

Применение восстановительных технологий дружественного к детям правосудия при рассмотрении гражданских дел способствует укреплению внутрисемейных отношений, что подтверждается сокращением общего количества материалов, поступивших в комиссию по делам несовершеннолетних и защите их прав о лишении, ограничении родительских прав, об определении порядка общения и места проживания несовершеннолетнего.

Комиссией было подготовлено и направлено в суд в 2017 году – 50 материалов, из них: материалов (документы, заключения) для лишения родительских прав – 33, исков – 0, для ограничения в родительских правах – 17, исков – 1. В 2018 году – 36 материалов, из них: материалов (документы, заключения) для лишения родительских прав – 24, исков – 1, для ограничения в родительских правах – 12, исков – 3, в 1 квартале 2019 г. – 7 материалов, из них: материалов (документы, заключения) для лишения родительских прав – 5, исков – 1, для ограничения в родительских правах – 1.

Все иски КДНиЗП Кунгурского муниципального района удовлетворены судом.

Все заявки, поступившие из суда КДНиЗП обрабатывает и направляет в МСП Кунгурского муниципального района для проведения восстановительных технологий.

С целью создания благоприятных условий для реабилитации семей, находящихся в социально опасном положении, группе риска социально опасного положения, субъекты системы профилактики безнадзорности и правонарушений в случае возникновения детско-родительских конфликтов в указанных выше семьях, направляют заявки в Муниципальную службу примирения.

Так, в 2017 году на проведение восстановительных программ в МСП поступило 33 заявки, из которых 27 имеют положительный результат, в 2018 году – 24 заявки, 22 – с положительным результатом, в 2019 году – отработано 5 заявок, все с положительным результатом.

Комплекс мер и поддержки семьи, оказавшейся в трудной жизненной ситуации определяет результаты работы службы примирения.

Восстановительный подход может выступить в качестве альтернативы традиционному подходу при рассмотрении гражданских дел, потому как отвечает глубинным человеческим потребностям; способствует восстановлению и сохранению психических и физических ресурсов человека, способствует снижению межгрупповой напряженности, способствует пробуждению у граждан личной ответственности за свои действия, за принятие решений, за свое будущее.

Восстановительная медиация, являясь весьма эффективным способом разрешения конфликтных и криминальных ситуаций, в работе с несовершеннолетними и их семьями, оказавшимися в трудной жизненной ситуации, обязательно должна сочетаться с другими методами поддержки ребенка и семьи.

С целью профилактики детского и семейного неблагополучия, укрепления статуса семьи администрацией Кунгурского муниципального района проводятся профилактические, пропагандистские мероприятия и события (краевые, муниципальные, школьные спартакиады, межмуниципальные и муниципальные слеты лидеров школьных служб примирения, мероприятия с привлечением семей по технологиям родительского образования и просвещения).

Таким образом, можно сказать, что в Кунгурском муниципальном районе сложилась эффективная система работы по внедрению восстановительного подхода в деятельность субъектов системы профилактики и развития сети служб примирения, позволяющая наиболее полно учесть интересы детей при рассмотрении гражданских дел в судебных заседаниях, что отвечает требованиям раздела Национальной стратегии действий в интересах детей по созданию системы защиты и обеспечения прав и интересов детей и дружественного к детям правосудия.

Полина Суровяткина

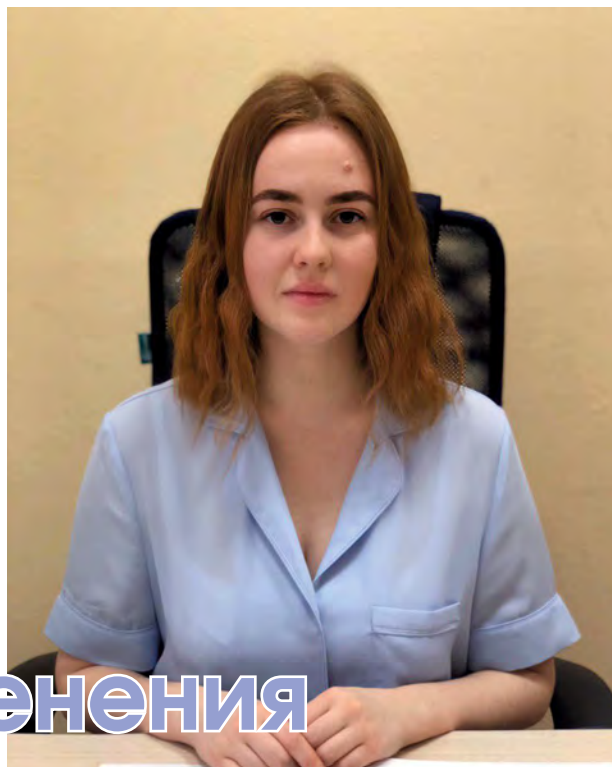
студентка 4 курса

специальности «Конфликтология»

юридического факультета

Пермского государственного национального

исследовательского университета

Практика применения процедуры примирения на местном уровне

Местный уровень можно трактовать в нескольких значениях, во-первых, территориальном, то есть административно-территориальная единица, включающая строго определенную территорию с проживающим населением. Это может быть отдельный округ, город, сельское поселение или район внутри города. На местном уровне существует местное самоуправление как одна из форм прямого и представительного осуществления власти народом. Однако местный уровень определяется не только территорией, но и отношениями между людьми, проживающими на ней.

Одной из особенностей можно выделить длительность проживания или намерение продолжительного пребывания на территории. Таким образом, люди образуют собой некое сообщество со встроенными и закрепленными связями и отношениями,

определяемое общими целями, интересами и, конечно же, территорией. Проблема, возникающая на местном уровне, зачастую, тревожит каждого, так как затрагивает интересы всего населения города, села и т.д. Давно сложившиеся отношения людей – это то, на что стоит обращать внимание при урегулировании конфликтов, они могут выступать своего рода ценностью. На местном уровне должна быть создана и установлена культура сохранения отношений, так как разрыв существующих связей может оказать пагубное влияние на существующую систему. Это касается не только общества в целом, но и конкретных людей, к примеру, соседей. Порой, начавшаяся вражда из-за размеров земельного участка может привести к крайне негативным последствиям, таким как полный разрыв отношений и неприятие другого, а ведь люди проживают бок о бок уже много десятилетий.

Также следует упомянуть ценность принятия другого человека, несмотря на его отличие, возможно, выраженное в цвете кожи, религии, политических взглядах, социальном положении и т.д. Из-за устоявшихся обычаев и привычек, существующих в конкретных обществах, людям порой трудно принять человека так непохожего на них, на этой почве может возникнуть огромное количество конфликтов, что в свою очередь приведет к тотальной изоляции отдельной личности, отчуждение от общества способно повлечь за собой деструктивные последствия. Именно поэтому на местном уровне помимо культуры сохранения отношений, в дополнение к ней, должны быть определены правила совместного проживания, которые бы регламентировали принципы толерантности, уважения друг к другу и принятие разности каждого из нас. Помимо конфлик-

тов в плоскости человек–человек, необходимо выделять напряжения, существующие между населением и органами местного самоуправления. В современном государстве существует проблема непринятия органами МСУ мнения местных жителей по поводу каких-либо преобразований, однако Федеральный закон от 6 октября 2003 года N 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» четко устанавливает необходимость включения населения в осуществление управления. На этой почве в обществе с каждым годом возрастает напряжение, выражаемое, в том числе, в протестных действиях – акциях, шествиях, митингах и пикетированиях. Исследование прошлого года показало, что на данный момент органы местного самоуправления допускают нарушение политического права граждан на свободное выражение мнений посредством публичных мероприятий, тем самым только ухудшая сложившуюся ситуацию. В этом аспекте права человека являются еще одной фундаментальной ценностью, основанной на достоинстве каждого человека.

Из вышесказанного можно составить типологию конфликтов, возникающих на местном уровне:

- 1) Семейные и соседские конфликты;
- 2) Конфликты в сфере детства (в том числе ситуации правонарушений несовершеннолетних);
- 3) Конфликты в бюджетных организациях (образование, здравоохранение);
- 4) Конфликты в сфере ЖКХ;
- 5) Конфликты, возникающие между жителями и органами МСУ;

б) Межнациональные, межэтнические и межконфессиональные конфликты.

Урегулирование существующих конфликтов требует особого подхода, предполагающего применение именно досудебных примирительных процедур. На данный момент на территории Российской Федерации примирительная модель приобретает все большую популярность.

ПРАКТИКА ПРИМИРЕНИЯ В СЕМЕЙНЫХ И СОСЕДСКИХ КОНФЛИКТАХ

Семья как ключевая ячейка общества имеет огромное значение, и конфликт, происходящий внутри нее способен привести к полному распаду внутренних, а порой и внешних взаимосвязей. Семейные и соседские конфликты можно охарактеризовать как одни из самых распространенных, именно поэтому практика их разрешения включает в себя разнообразные методики по преодолению противоречий и примирению.

На данном этапе развития примирительных процедур в России, в ситуациях семейных и соседских конфликтах у сторон есть возможность принятия участия в процедуре медиации. Она помогает организовать диалог, в ходе которого конфликтующие стороны могут прийти к взаимовыгодному решению. Посреднические процедуры в Перми по вопросам семейных конфликтов оказывают следующие организации: Ассоциация медиаторов Пермского края, АНО «Медиация».

В 2013 году в г. Перми был реализован проект «Семья 59: Conflict free», направленный на формирование культуры урегулирования семейных конфликтов в молодой семье. Задачами проекта являлись: запуск консультатив-

ной онлайн-приемной, информирование о проекте, определение участников и оказание им консультативных услуг по профилактике, урегулированию конфликтов и медиации. Проект был реализован «Ассоциацией медиаторов Пермского края» (В.В. Александрова, В.А. Леденцова, А.Л. Хавкина). Проект предполагал два вида деятельности: информационная и практическая. Информационная часть включала в себя распространение знаний различными путями о медиативных процедурах и возможности участия в них. Практическая часть заключалась в проведении процедур консультирования и семейных медиаций. По итогам проекта был издан сборник и выработаны рекомендации по утверждению на местном уровне культуры урегулирования семейных конфликтах.

В городе Перми вопросами разрешения семейных конфликтов занимаются муниципальные службы примирения (МСП). По итогам 2017 года в службы поступило 224 заявки на проведение программ восстановительной семейной медиации. От полученных заявок 109 завершилось примирением. 50 В Перми практика примирения в семейных конфликтах реализуется сразу в нескольких направлениях: в информационном (просветительская деятельность различных организаций) и в практическом. Благодаря компетентным медиаторам на местном уровне семейные и соседские конфликты могут быть урегулированы, зафиксированы и проанализированы, что способствуют расширению теоретических и практических знаний об их возникновении, протекании и возможном разрешении.

Новосибирский медиатор М.А. Авдеев представил рабочую концепцию проведения онлайн-медиаций, она предполагает

урегулирование конфликта в, так называемых, виртуальных комнатах примирения. На примере конкретного кейса были выделены плюсы примирительной процедуры с участием «четвертой стороны»:

- супруги могут осуществлять коммуникацию, проживая на разных территориях;
- отсутствие рисков нанесения морального или физического вреда;
- существует возможность «отключения» от процедуры на пересмысление сложившейся ситуации.

Подобная практика отражает возможности технологий, при включении их в уже проработанные модели примирения. Реализация на местном уровне проекта по внедрению онлайн – коммуникаций способна оказать положительное влияние на продвижение идей и практик примирения.

КОНФЛИКТЫ В СФЕРЕ ДЕТСТВА (В ТОМ ЧИСЛЕ СИТУАЦИИ ПРАВОНАРУШЕНИЙ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ)

К этой категории конфликтов следует относить школьные конфликты, правонарушения со стороны несовершеннолетних и бытовые конфликты с участием детей. При работе на местном уровне с правонарушениями несовершеннолетних в качестве примирительной процедуры используется восстановительная модель медиации, так как она предполагает упор на восстановление отношений между участниками конфликтного взаимодействия, а также заглаживание вреда и прощение.

В 2012 году Указом Президента РФ от 1.06.2012 № 761 «О Национальной стратегии действий

в интересах детей на 2012-2017 годы» были определены принципы и элементы дружественного к ребенку правосудия, одними из них стали:

- развитие сети служб примирения в целях реализации восстановительного правосудия;
- организация школьных служб примирения, нацеленных на разрешение конфликтов в образовательных учреждениях, профилактику правонарушений детей и подростков, улучшение отношений в образовательном учреждении.

В целях реализации Национальной стратегии действий в интересах детей, содержащей принципы дружественного отношения к ребенку правосудия в Пермском крае был создан проект Концепции долгосрочной целевой программы «Семья и дети Пермского края на 2012-2017 годы». Был предусмотрен комплекс мер для реализации задачи обеспечения эффективности системы профилактики правонаруше-

ний, совершаемых в отношении детей и правонарушений, совершаемых самими детьми, созданию системы правосудия и системы исполнения дружественных ребенку:

- проведение комплексной профилактики негативных явлений в детской среде
- внедрение эффективных механизмов профилактики девиантного и деструктивного поведения детей
- специальная работа по снижению уровня и жестокости школьного насилия (буллинга и хейзинга)
- развитие служб примирения в образовательных учреждениях Пермского края, активное взаимодействие данного института с детскими общественными организациями.

А.Л. Хавкина предлагает следующее определение муниципальным службам примирения – организационная форма и структура

деятельности специалистов в территориях Пермского края, занимающихся профилактикой и снижением числа правонарушений несовершеннолетних на основе восстановительного подхода. Муниципальная служба примирения (МСП) в г. Перми создана в 2008 году. С сентября 2010 года городская муниципальная служба примирения существует при МБОУ «ЦПМСС» города Перми, специалисты работают в каждом районе города. Цель деятельности МСП – создание условий для успешной социализации детей через реализацию восстановительных технологий и волонтерскую деятельность. Специалисты МСП занимаются проведением различных восстановительных программ с несовершеннолетними жителями города Перми и их родителями, а также другими взрослыми. Помимо этого, они осуществляют методическую поддержку специалистов – ведущих школьных служб примирения и обучают педагогов восстановительному подходу в разрешении конфликтных ситуаций. Ведут мониторинг реализации восстановительных процедур в городе Перми. Кроме деятельности МСП по урегулированию конфликтов на местном уровне следует выделить Школьные службы примирения (ШСП). По данным министра Образования Пермского края на 2017 год 94,7% конфликтных случаев закончились примирением. В 2013 году на конференции «Медиация как культура согласия» был представлен доклад ученицы 11 класса Добрянской школы, в котором она рассказала о развитии деятельности Школьной службы примирения в Верещагинском и Добрянском районах. Представленная ею модель включает в себя внедрение в работу службы подростков-ведущих, среди которых уже сложились свои традиции и методы работы с конфликтными ситуаци-

ями. В рамках проекта «Мы идем рядом» был организован масштабный слет медиаторов ШСП из различных районов Пермского края для обмена опытом и выработки новых методик урегулирования конфликтов.

На базах таких организаций как Муниципальные службы примирения и Школьные службы примирения реализовываются различные методики по урегулированию конфликтов среди детей на местном уровне. Одной из методик, предложенной общественным центром «Судебно – правовая реформа», является «Семейная конференция», базирующаяся на традициях коренного населения Новой Зеландии – маори. Основная идея заключается в том, что семья обсуждает сложившуюся проблему и пытается найти выходы из нее общими усилиями, именно семья является «хозяйном проблемы». Помимо представителей ближайшего окружения несовершеннолетнего правонарушителя, на конференции присутствуют представители от различных служб: полицейские, адвокаты и социальные работники. Семейная конференция состоит из трех этапов:

1 – информирование. На этом этапе происходит обмен информацией между участниками, наработка информационного пространства для диалога.

2 – планирование. Принимают участие только члены семьи, ими составляется план по преодолению ситуации.

3 – утверждение. Семья и принимающие участие представители служб обсуждают выработанный план, «за» его принятие должен быть каждый, если есть хоть один, кто был бы против, обсуждения продолжаются.

Проведение семейных конференций предполагает наличие либо правонарушения со стороны несовершеннолетнего, либо кризисной ситуации в семье, однако, по нашему мнению, такая форма работы может предприниматься и в ситуациях конфликтов в образовательной среде, а также на бытовом уровне. Сама идея привлечения и ответственности семьи способна создать площадку для выработки навыков самостоятельного решения возникающих конфликтов. Про Круги сообщества или Круги примирения уже было сказано в предыдущей главе, как о существующей традиции примирения у коренных племен Северной и Южной Америки. Такая форма примирительных процедур может применяться при разрешении групповых конфликтов. Например, когда в конфликтное взаимодействие оказываются втянуты школьный класс, группа родителей или учителей. В подобной форме организации работы с конфликтами существуют свои ценности, определяющие практику применения Кругов:

– помощь, взаимная поддержка и сопричастность людей в Круге;

– мирное сосуществование участников Круга;

– свободное и личностно окрашенное высказывание и обсуждение проблем в Круге;

– укрепление позитивных связей в сообществе, которое проводит Круги;

– развитие способностей членов сообщества за счет участия в Кругах и работе с травматическими и болезненными ситуациями;

– принятие участниками ответственность за происходящее в Круге.

В проведении Кругов ценности играют ключевое, опорное значение. Процедура примирения так же состоит из нескольких этапов:

0 этап. Подготовительный (предварительный) – формирование команды хранителя Круга и волонтеров. На этом этапе важно определить ценностные основания для проведения процедуры.

1 этап. Определение пригодности ситуации для проведения круга. Ситуация обсуждается хранителями и волонтерами, им необходимо рассмотреть ее со всех сторон, а также обсудить, кто будет проводить предварительные встречи с участниками.

2 этап. Подготовка участников к встрече в Круге. Этап подготовительных встреч, без которых дальнейшее проведение круга невозможно. Обязательная составляющая – добровольность участников.

3 этап. Встреча всех участников. Этот этап подразделяется на фазы:

- 1) Создание основ для диалога.
- 2) Обсуждение ситуации, проблем, потребностей и интересов.
- 3) Рассмотрение возможных вариантов решения ситуации и проблем, выявленных в ходе встречи.
- 4) Достижение соглашения.
- 5) Закрытие Круга.

4 этап. Поддержка выполнения соглашения. Реализация достигнутых договоренностей в реальной жизни. Оба метода реализуются на практике в России. В Пермском крае семейные конференции применяются как программы восстановительного правосудия с 2013 года. Достижение примирения в сфере детства необычай-

но важно, таким образом, мы закладываем фундамент культуры взаимоотношений для будущих поколений. Уже сейчас, через восстановительные технологии, дети узнают, как решать возникшие противоречия мирными способами, в их сознании формируются модели урегулирования конфликтов, они учатся брать и нести ответственность за поступки, а в их сознании постепенно укореняются ценности мира и признания другого человека, что крайне важно, учитывая факт длительного нахождения в одной группе с возможным обидчиком, жертвой или просто человеком с противоположными взглядами.

КОНФЛИКТЫ В БЮДЖЕТНЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ (ОБРАЗОВАНИЕ, ЗДРАВООХРАНЕНИЕ)

Примирительные процедуры в сфере здравоохранения. В 2013 году в рамках конференции «Медиация как культура согласия» на секции «Медиация в здравоохранении» экспертами была рассмотрена возможность включения посреднических процедур в эту отрасль. Тогда, Марголиной Т.И. было отмечено, что проведение процедуры переговоров между инициативной группой людей и главным врачом помогает услышать друг друга. Участие в переговорах позволяет взглянуть на ситуацию под другим углом и выработать взаимоприемлемое решение. Также она осветила первый опыт внедрения медиации в сферу здравоохранения. Первый опыт работы посредника был в психоневрологических интернатах, когда оттуда начали поступать жалобы в различные инстанции о, по их мнению, не таком отношении к больным со стороны персонала. Письма были эмоционально окрашены, поэтому было принято решение обучить нескольких ключевых фигур основам медиации, в свою очередь, руководители обу-

чили коллективы, выстроили работу с пациентами в организациях по-другому. Благодаря этому, количества жалоб из учреждений сократилось, поэтому за этим последовали предложения о передаче опыта больницам и поликлиникам.

Новоселова И.К. привела пример встроеной модели медиации в работу Фонда обязательного медицинского страхования, куда пациенты обращаются с жалобами на различные причины от ненадлежащего качества оказанных услуг до грубости персонала. Специалисты обращаются непосредственно к главному врачу больницы, где произошла ситуация, они вместе стараются урегулировать ее, чтобы бы были удовлетворены интересы и больницы и пациента. В 2013 году Общественным Советом при Министерстве здравоохранения было одобрено заключение соглашения между МЗ ПК и Пермской краевой общественной организацией «Ассоциация медиаторов Пермского края» (далее – Ассоциация медиаторов). Предмет соглашения – внедрение в деятельность учреждений здравоохранения основ урегулирования конфликтов с использованием технологий медиации. По итогам соглашения, руководители учреждений могут направлять работников на обучение основам урегулирования конфликтов, а также размещать информацию о возможности использования посреднических процедур. За четыре месяца с момента подписания соглашения технологиям медиации обучено: из 199 главных врачей – 21, из числа сотрудников медицинских организаций – 74.

В Ульяновской области медиация нашла широкое применение в работе Медицинской палаты Ульяновской области. При Ассоциации «Медицинская

Палата Ульяновской области» был создан Центр медиации, а оговорки о медиации и возможности обращения к специалистам Центра включены в добровольные информированные согласия на медицинские вмешательства и при заключении и исполнении договора возмездного оказания медицинских услуг. В регионе по программе «Медиация. Базовый курс» Национальной Медицинской Палаты прошли обучение 16 областных ЛПУ.

Сохранение доброжелательных отношений между врачами и пациентами играет важную роль в оказании медицинских услуг, нередко встречаются ситуации, когда человек не хочет контактировать с системой здравоохранения по причине возможного возникновения конфликтов, что может привести к осложнению его состояния. Возможность прибегнуть к примирительным процедурам способна стимулировать доверительное отношение пациентов к врачам и главам больниц.

Примирительные процедуры в образовании.

Существующие методы разрешения конфликтов в сфере образования указаны в статье «Механизмы разрешения конфликтов в образовательных организациях» Р.А. Кассиной. Также она выделяет типологию образовательных конфликтов:

- 1) между детьми
- 2) между детьми и учителями
- 3) между учителем и родителем
- 4) межучительские
- 5) между педагогами и администрацией
- 6) межродительские

Одной из возможных организаций, занимающейся урегулированием конфликтов в образовательной среде является Комиссия по урегулированию споров меж-

ду участниками образовательных отношений (конфликтные комиссии). Согласно статье 45 Федерального закона от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации», Комиссии создаются между участниками образовательных отношений в целях урегулирования разногласий между участниками образовательных отношений по вопросам реализации права на образование, в том числе в случаях возникновения конфликта интересов педагогического работника, применения локальных нормативных актов, обжалования решений о применении к обучающимся дисциплинарного взыскания. В состав Комиссии входят равное число представителей совершеннолетних обучающихся, родителей (законных представителей) несовершеннолетних обучающихся, работников организации, осуществляющей образовательную деятельность. Решение комиссии обязательно к исполнению в установленные сроки.

Деятельность, направленную на предотвращение и урегулирование конфликтов, ведут социально-психологические службы школ и муниципальные психологические центры. В их компетенцию входит:

- социальная реабилитация участников конфликтных ситуаций на основе принципов восстановительного правосудия;
- анонимное консультирование детей с целью снятия стресса и тревожности;
- занятия и тренинги с детьми и педагогами;
- оказание первичной помощи детям и родителям;
- родительское просвещение;
- консультирование педагогов;
- сопровождение Школьных служб примирения.

По данным 2018 года на территории Пермского края существует 8 муниципальных психологических центров в г. Перми, г. Краснокамске, г. Кунгуре, г. Березниках, г. Лысьве, Верещагинском р-н, Горнозаводском р-н и Чусовском р-н. Исходя из информации, мы можем говорить о наличии институтов досудебного разрешения конфликтов в школьной среде, между учащимися и преподавателями, родителями и преподавателями и так далее, однако на местном уровне пока не встроена модель примирительных процедур в университетской среде.

Единственными примерами подобных организации являются: служба университетского примирения в Череповецком государ-

ственном университете, где работа была утверждена ректором в 2015 году 62, медиативная клиника ПГНИУ, МГУ. При выстраивании системы примирения в сфере образования следует учитывать многоинституциональность отрасли, это не только школы, но и детские сады, организации высшего и дополнительного образования, где также может быть повышенный уровень конфликтности.

КОНФЛИКТЫ В СФЕРЕ ЖКХ

Жилищная сфера, по природе своей, является одной из самых конфликтных. В г. Перми с 2010 был реализован ряд пилотных проектов, направленных на снижение уровня конфликтности в этой сфере. Одним из первых был «Технологии мира» – разрешение конфликтов в социальной сфере». Тогда, в рамках проекта, были

проведены тренинги по урегулированию конфликтов, в них приняли участие более 200 доверенных лиц собственников многоквартирных домов, представителей товариществ собственников жилья, а также управляющих организаций. Территориальный охват проекта – Пермь, Киров, затем ещё 4 территории Пермского края.

2012 год – следующий этап и следующий проект «Советы многоквартирных домов: опыт новой жизни». Тогда в обучающий цикл проекта были включены тренинги по досудебному разрешению конфликтов.

На момент реализации первых проектов среди приоритетов собственников многоквартирного жилья хорошие соседские отношения занимали предпоследнее место в списке. Уже тогда для разрешения конфликтов в этой сфере были вынесены предложения по встраиванию посреднических процедур, а в 2013 году был реализован проект «От технологий мира – к созданию служб посредничества в сфере ЖКХ». Службы посредничества оказывали консультационные услуги обеим сторонам конфликта для разрешения его в досудебном порядке. Помимо этого, службы занимались информированием всех, кто занимается управлением многоквартирных домов (УК, ТСЖ, Советы многоквартирных домов) и специалистов органов МСУ. В ходе проекта было проведено 120 консультаций и 30 процедур медиации. Таким образом, в г. Перми и некоторых районах Пермского края (г. Суксун) была создана и реализована экспериментальная практика примирения в сфере жилищного хозяйства. В пример реализации процедур примирения в коммунальных конфликтах можно также привести практику, существующую в г. Москве. Там, в связи

с градостроительными инновациями в 2017 году возрос уровень конфликтных ситуаций в этой сфере. В статье «Опыт медиации коммунальных конфликтов жителей г. Москвы» подчёркнута некомпетентность жителей в разрешении подобных конфликтов из-за отсутствия навыков и опыта, именно поэтому был создан проект «Центр общественного взаимодействия», в рамках которого Центр медиации и общественного взаимодействия Российского государственного социального университета и Всероссийской ассоциацией восстановительной медиации с декабря 2017 года проводятся процедуры разрешения конфликтов жителей Тверского района г. Москвы.

Пермская и Московская модели пересекаются между собой, предлагая действенные способы урегулирования существующих конфликтов, однако, следует также подчеркнуть, в обеих статьях в качестве проблем указана неспособность человека брать ответственность за своё имущество и управления им, несовершенство законодательной базы.

К сожалению, проекты по встраиванию посреднических процедур в разрешение конфликтов в сфере ЖКХ в Пермском крае носили пилотный характер, сейчас необходимо уделить внимание возвращению к уже созданным практикам, возобновлять действия по примирению сторон в этой сфере.

КОНФЛИКТЫ, ВОЗНИКАЮЩИЕ МЕЖДУ ЖИТЕЛЯМИ И ОРГАНАМИ МСУ

При разрешении конфликтов на местном уровне, возникающими между органами МСУ и населением особая роль отведена Уполномоченному по правам человека, как посреднику меж-

ду органами власти и общества. К его задачам можно отнести организацию и проведение переговоров между представителями различных ведомств, организаций и населением. Известны случаи проведения переговоров по различным вопросам в Пермском крае, Свердловской, Самарской и Тульской областях. В Республике Ингушетия институт Уполномоченного напрямую взаимодействует с традиционными общественными институтами в предупреждении и конструктивном разрешении конфликтов на местном уровне. В Пермском крае в 2010–2011 годах Уполномоченным по правам человека при поддержке Всемирного банка реконструкции и развития был создан проект «Расширение сферы открытости и гражданской активности на местном уровне», ключевой задачей было создание новых технологий взаимодействия населения и власти через центры правовой и гражданской активности на местном уровне. Проекты финансировались Всемирным банком реконструкции и развития, а реализовывали их в крае Уполномоченный по правам человека в сотрудничестве с администрациями 4 муниципальных образований Косинского, Кизеловского, Оханского, Суксунского районов. Оператором проекта выступил центр ГРАНИ. Коммуникативной площадкой стали библиотеки, где местные власти, граждане, Уполномоченный по правам человека могли обсуждать острые вопросы, требующие решения. Именно в них проходят процедуры урегулирования конфликтов между жителями и местными администрациями.

В результате проекта в 2011 году в Оханске был создан общественное объединение медиаторов Оханского муниципального района «Согласие». К основным задачам объединения относятся:

- оказывать содействие гражданам (группам граждан) в удовлетворении жалоб и посредничества между местными органами власти, поставщиками общественных услуг и населением;
- уменьшение количества споров в процессе местного самоуправления;
- снижение числа конфликтов, рассматриваемых в досудебном порядке, что позволит уменьшить риск потери психологического здоровья людей и нанесения ощутимого морального вреда человеку;
- проведение просветительской деятельности объединения;
- мониторинг.

Следующим шагом стала разработка на базе ПГНИУ программы подготовки медиаторов, первыми были обучены навыкам разрешения конфликтов сотрудники адми-

нистраций, районных библиотек и образовательных учреждений. Еще одним достижением в этой области стало включение в программу переподготовки муниципальных служащих Министерством регионального развития Пермского края курса «Основы разрешения конфликтов на местном уровне». Помимо урегулирования споров между органами МСУ и населением, Уполномоченный может осуществлять посредническую функцию по вопросам образования, здравоохранения, ЖКХ и так далее. Сфера деятельности этого института не ограничена одним направлением, следует говорить о некой универсальности его по отношению к конфликтам. Именно Уполномоченный может выступать в роли просветителя и провайдера примирительных процедур при разрешении конфликтов на местном уровне, таким образом, способствовать сохранению и развитию культуры согласия и мирного разрешения конфликтов.

МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫЕ, МЕЖЭТНИЧЕСКИЕ И МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ КОНФЛИКТЫ

В современном мире остро стоит вопрос о стабилизации международных, межэтнических и межконфессиональных отношений. Особенно актуально работать с этими конфликтами на местном уровне. К сожалению, именно на местном уровне, в большей степени распространяются ксенофобские проявления к приезжим, а иногда и к тем, кто проживает на территории долгое время, но имеет иную национальную принадлежность.

На данный момент на территории Российской Федерации проживают представители 193 национальностей. Для обеспечения мирного существования и развития общества необходимо разрабатывать различные программы по гармонизации отношений. Как пишет К.И. Зайналов в статье

«Гармонизация межнациональных отношений в стратегии государственной национальной политики Российской Федерации: проблемы и противоречия» бб гражданское согласие может быть достигнуто только путем планомерной скрупулёзной работой общества и государства. Подобная работа способна обеспечить и «многообразие в единстве» и «единство в многообразии». Пермский край является полиэтничным регионом, на территории которого проживают свыше 120 национальностей. Широкое распространение в Пермском крае получила деятельность НКО (национально-культурные общественные объединения). Между НКО и органами исполнительной власти и МСУ налажены партнерские отношения, это способствует системному подходу в решении межнациональных вопросов на местном уровне. В 2007 году на базе Горьковской библиотеки был создан межэтнический общественный Центр «Согласие», а на базе Пермского института искусств и культуры – общественная организация «Дом дружбы народов Пермского края». В статье «Существующие и дефицитные институты в управлении конфликтами на национальной и межконфессиональной почве» Мусин Д.А. приводит пример работы межэтнического центра, созданного на базе библиотеки. Он описывает случай межпоколенческого конфликта, произошедшего в одной из диаспор. Инициативная сторона предложила в качестве диалоговой площадки библиотеку им. Горького. Автор отмечает важность наличия института, которому могут довериться представители диаспор, на площадке которого им комфортно находится.

Вопросы межконфессиональных отношений в Пермском крае находятся в компетенции Межкон-

фессионального консультативного комитета. МКК – неправительственная неполитическая некоммерческая организация, в которую входят представители традиционных религиозных организаций. Комитет был создан на принципе сотрудничества в 1998 году и продолжает свою работу в настоящее время. К принципам организации относятся: укрепление мира и стабильности в обществе; уважение традиций каждой конфессии, забота о благе и процветании народов, населяющих Пермский край, неукоснительное соблюдение Конституции, действующего законодательства Российской Федерации и Пермского края – все это прописано в Уставе организации. Подобное объединение не имеет аналогов в России и других странах.

Также к работе с конфликтами на национальной почве могут привлекаться специалисты – ученые, как, например, это было в 2002 году в Большой Сосновой. Тогда глава района подняла тревогу о назревающем конфликте между чеченцами и русскими, однако после прибытия специалистов из ПГНИУ (тогда ПГУ), проведения анализа и многочисленных бесед со сторонами, выяснилось, что конфликт носит не межнациональный, а бы-

товой характер. Были проведены консультации с лидерами национальных общин и достигнуты договоренности, жителям удалось согласовать правила совместного проживания в рамках данного сообщества.

Крайне важно уделять внимание профилактике и урегулированию межнациональных, межэтнических, межконфессиональных конфликтов. На местном уровне в настоящее время существуют институты, способные вести такую деятельность, однако, нам кажется, что необходимо проводить работу не только с представителями различных диаспор или конфессий, но и со всем населением во избежание ксенофобии, нетолерантности и неприязни друг друга. Таким образом, нами были рассмотрены существующие практики применения примирительных процедур в широком спектре конфликтов на местном уровне. По итогу следует говорить о наличии и непосредственной работе институтов досудебного разрешения конфликтов на местном уровне в сфере детства и семьи. Однако примирительные процедуры в сфере ЖКХ, бюджетных организациях (образование и здравоохранение), плоскости отношений органов

МСУ, а также в области межнациональных, межэтнических и межконфессиональных конфликтов нуждаются в доработке. Безусловно, уже сложившаяся практика мирного урегулирования конфликтов способствует утверждению культуры сохранения взаимоотношений и конструктивного разрешения конфликтов, однако существуют возможности для дальнейшего ее продвижения, работа, направленная на это может выполняться уже существующими институтами. Все это требует создания системы, состоящей из нескольких ключевых слагаемых, таких как:

– **Изучение.** Накопление информационной базы по темам примирения, примирительные процедуры. Расширение представлений о существующих традициях примирения, выработка предложений по их внедрению. Эту работу может вести университетское общество.

– **Проектирование.** Создание и реализация проектов, направленных на непосредственное включение примирительных процедур в разные сферы общественной жизни, а также на просветительскую деятельность.

– **Обучение.** Подготовка компетентных специалистов в области примирительных процедур, обучение сотрудников органов МСУ, систем здравоохранения, образования, ЖКХ и так далее.

– **Закрепление.** Формальное (нормативное) или неформальное закрепление выработанных

стандартов и полученных результатов.

Именно системный подход, учитывающий каждый из аспектов, способствует установлению в обществе культуры согласия. В случае, если один из элементов не будет действовать, работа других, вероятно, не будет плодотворна, а возможно потеряет смысл. Это следует учесть при выстраивании системы примирения.

В работе была проанализирована практика применения примирительных процедур в разных сферах, согласно выделенной типологии. Исходя из этого, мы можем сделать следующий вывод: отдавая должное существующей системной работе с несовершеннолетними, следует отметить, что в других сферах подобная работа по встраиванию примирительных процедур либо отсутствует, либо была прекращена. Решение этой проблемы требует системного подхода, состоящего из четырех ключевых слагаемых: изучение, проектирование, обучение и закрепление.

Также мы предлагаем краткий список рекомендаций по развитию примирительных процедур:

1) Изучение традиционных и современных практик примирения в культурах разных народов, последующее внедрение трансформированных моделей в работу.

2) Создание центра по урегулированию конфликтов, объединяющего работу специалистов из разных сфер: конфликтологии, ме-

диации, психологии, социологии и права.

3) Возвращение к уже созданным практикам применения примирительных процедур при разрешении конфликтов на местном уровне, но по каким-либо причинам, приостановленным.

4) Ведение активной просветительской деятельности, путем публикаций в доступном для обывателя формате информации о примирительных процедурах, работа со школьниками на предмет изучения ими основ примирения.

5) Нормативное закрепление на региональном уровне возможности использования примирительных процедур в случае возникновения конфликта.

Безусловно, культура согласия должна быть установлена и сохранена повсеместно, однако недостаточно сделать это формально, нашей первостепенной задачей является показать людям, что конфликтовать можно и нужно в конструктивном ключе, уважая достоинство другого человека. В сознании каждого необходимо прорастить зерно положительного отношения к конфликту, установить неформальные правила конфликтного взаимодействия. Осознание человеком важности отношений с другим и необходимости их сохранения способно привести к установлению парадигмы мира на местном, региональном, федеральном и глобальном уровнях.

Сергей Трутнев

Юрист Пермского отделения Международного историко-просветительского общества «Мемориал»

Пятое колесо в телеге

Всё началось с того, что суды стали искать разные возможности для того, чтобы уменьшить судебную нагрузку. И это, разумеется, правильно, потому что высокая судебная нагрузка приводит ко многим негативным явлениям и влияет на качество постановлений. Другой разговор, что они не выбрали лучшее, а стали разрабатывать сложные и бессмысленные пути для того, чтобы попытаться это сделать. Сначала они разрешили мировым судьям не печатать мотивированные решения и пытались распространять эту практику на всю судебную систему. Пытались ограничить возможность доступа к судебным заседаниям. И вот кому-то в голову пришла красивая мысль... Кстати, пришла эта мысль в голову общественников: встроить медиацию в судебную систему.

Общественники у нас люди увлеченные. Они выигрывали гранты, чтобы развивать эту систему. В принципе, сама по себе медиация – вещь хорошая, имеет глубокие корни на западе, где, как известно, люди ходят к психологам. Что заменяет психологов россиянам, все и так знают. Часто в этой роли выступает бутылка водки. И развивать систему некоего расслабления в условиях повышенной эксплуатации и повышенного прессинга со всех сторон, конечно, неплохо.

Потом решили как-то институализировать медиацию, потому

что на самом деле в России никто за это деньги платить не хочет. А как-то зарабатывать деньги надо: гранты отработаны, возникли специалисты. И стали придумывать сферу для готовых специалистов. То есть не наоборот, когда потребность рынка диктует возникновение сегмента экономики и потребности в этом специалисте. Произошло обратное: сначала появились специалисты подготовленные, а потом под это дело стали изобретать сегмент рынка. Не создав при этом спроса.

Если говорить о судебной медиации, например, в США, я допускаю, что там это работает. Как минимум за счет того, что судья свободен в принятии решений и в разрешении конфликта. А не так как у нас, когда судье наплевать на людей и на конфликт, а ему необходимо нормативно оформить бумагу. То есть у нас судья больше чиновник. В том числе потому, что у нас такая система. И это не связано с проблемой судей. Это связано

с серьезными проблемами системы. А у них судья – представитель общества, который настроен несколько иначе. Поэтому медиация у них вписывается как в начале, так и в конце судебного процесса. Вполне судья может обязать пройти какие-то медиативные процедуры, заставить оплатить и прочее. Медиация у них – это рабочий инструмент. Не могу сказать, что я детально изучал этот вопрос. Хорошо было бы съездить и изучить. Но, наверное, есть люди, которые съездили, изучили и понимают, что у них это инструмент рабочий. У нас – нет!

У нас создали институт. Потом подумали, как вписать его в систему рынка и создать спрос. В итоге спроса как не было, так и нет. Стали очень активно насаждать на судебную систему. Здесь как бы интересы сошлись. Суды сказали: «Да, классно! Мы сможем попробовать немножко снизить нагрузку тем, что всякие там соседи и пьяные мужья с пьяными

женами начнут решать вопросы в ином порядке через психологов. Мы это скинем, и нам будет классно». Я сейчас говорю о том, почему у нас в последние четыре года было много разговоров о медиации. Так ее пытались использовать. Важно, что в этой истории каждый получал свой публичный выхлоп. Пермский краевой суд гордо заявлял, что они подняли флаг медиации и стали первыми, кто это реализует. Тем самым они имели возможность красиво выглядеть в совете судей РФ. У нас университет, студенты, гранты и мы первые в экспериментах. Я на самом деле приветствую эти эксперименты и то, что в Пермском крае это есть. Но в нашей сегодняшней реальности медиация – пятое колесо в телеге, которое должного эффекта на отношения не оказывает. Это хорошо. Это красиво. Это лучше, чем смотреть первый канал по телевизору. То есть эффект тот же самый – никакого, но по крайней мере нервы не тратятся. То есть молодец Вельянинов (председатель Пермского краевого суда с 2007 по 2019 годы – прим. ред.) в том, что он поддержал это дело. Молодец Соболева, (Лариса Соболева, помощник председателя Пермского краевого суда – прим. ред.) которая продвигала, будучи помощником. Молодец Дорофеева (Яна Дорофеева, на тот момент руководитель Агентства по делам юстиции и миро-

вых судей Пермского края – прим. ред.), которая делала обучающие площадки для мировых судей. Посылала обучаться мировых судей. Судьи были довольны. Это никак не переключились и это дополнительный повод профессионально не выгореть и как-то удержаться. И это отлично. В первую очередь знание о медиации полезно самим судьям: в быту, на работе, где угодно. Если они их используют – отлично! Но я не могу сказать, что при той системе управления правосудия, которая существует у нас, мировой судья может выступать в качестве медиатора. У нас просто под это не построена система. Я, конечно, не ходил и не смотрел специально. Но я знаю, как у нас работают суды. Нет там места ни для какой медиации! Но в целом всё хорошо. Все отдохнули. Отлично! То есть, если под это выделялись еще и бюджетные средства, то это очень хорошо. Бессмысленно, но хорошо.

На сегодняшний день ситуация такова. Мало кому сегодня интересны рассуждения о прекрасном. Даже на площадке Пермского конгресса ученых юристов. Бесконечные и бессмысленные рассуждения относительно перспектив медиации. Раньше на каждом конгрессе каждый год собирались площадки и говорили как это классно. Теперь даже разговоры сходят на нет. У нас есть посто-

янные провайдеры этой темы, которые могут влиять на то, чтобы такие площадки были. Лоббисты. Отмечу, что лоббирование происходит потому, что люди верят. И пусть они остаются верующими. Это не плохо. Это хорошо. У нас есть закон, который пролоббировали и его сделали. Но под ним-то ничего нет! На сегодняшний день можно сравнить медиацию с картошкой, которую привезли голландцы: она никому не нужна, потому что ее никто не ел. И никто не знает, как ее есть. Что нужно сделать для того, чтобы картошка вошла в массы? Нужно показать ее значимость. И придумывались разные маркетинговые ходы: выставляли караул, чтобы думали, что это важно, цветы в ход пускали, дамы ими шляпки украшали, и это было модно. По-разному картошка приходила в среду, где не было потребителя.

На самом деле смысла в медиации как не было, так и нет. Не возникло. Все надеялись на то, будут внесены определенные поправки в Процессуальный кодекс, который выстроит систему обязательной медиации. И только в этом были перспективы развития медиации в судах. То есть, если бы государство смогли принудить кого-то на медиативные процедуры. На сегодняшний день такие изменения не приняты и в ближайшее время подобных изменений принято не будет, потому что это дополнительные расходы бюджета.

Так что пусть медиация остается красивым новогодним шариком с красивым духом – свободным и никому не нужным. Другой разговор, что на сегодняшний день, я еще раз обращаю на это внимание, нет потребностей рынка. Ее как не было, так и нет. Никто не готов платить деньги в медиацию. Какие могу быть перспективы? Никаких, кроме красивых фраз в журналах и монографиях.

Андрей Суслов

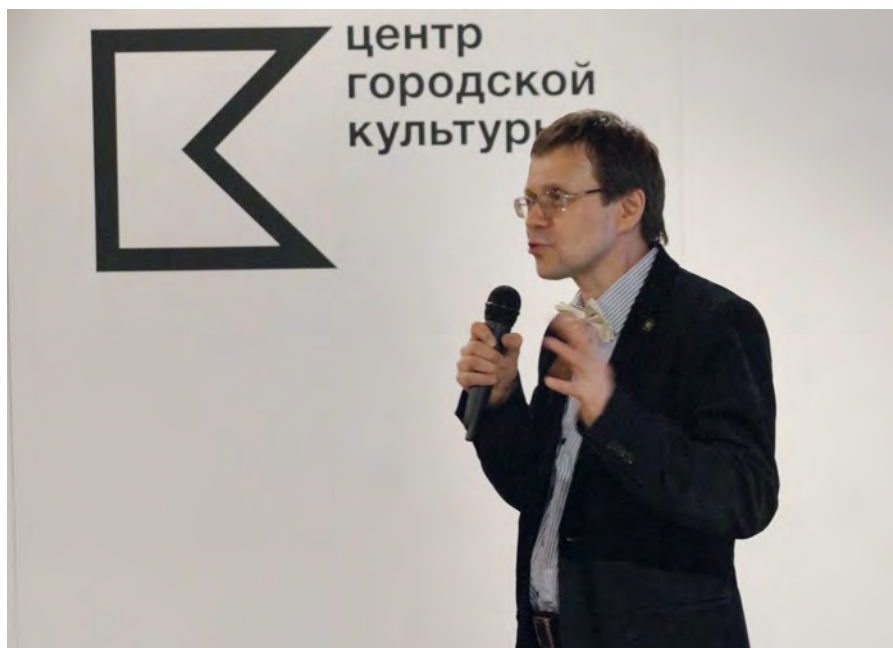
Доктор исторических наук, профессор Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета

О медиации в образовании

– Есть ли сегодня необходимость медиации в образовательных организациях?

– Если говорить о вузах, я не думаю, что там актуальна медиация. За исключением каких-нибудь отдельных конфликтов. Я думаю, в современных условиях современных вузов трудно представить медиацию. Конфликты в вузах в принципе редкость. Поскольку у преподавателей в вузе высокий образовательный и культурный уровень, конфликты не доходят до диких форм и до того, что они происходят постоянно. А в школе и СПО люди по разным причинам часто не отдают себе отчет в том, что творят.

Вот в школах и среднем профессиональном образовании медиация вполне уместна. Мне кажется, что медиация там должна действовать, когда конфликт более-менее серьезный. По каждой мелочи медиацию устраивать, конечно, не эффективно. И это должны быть ситуации, которые могут быть разрешены по этим процедурам, а не как у нас иногда могут по-дурацки делать. И самое главное, медиатор должен быть подготовлен. Не нужно понимать разрешение конфликтов так, что любого приведи, и он устроит вам медиацию. Важно понимать, что при плохом использовании этого инструмента можно сделать еще хуже. Поэтому медиаторы должны быть подготовленные. Как правило, это делают психологи, которые

еще подготовку имеют в области медиации. И тогда, мне кажется, это может срабатывать.

На мой взгляд, поскольку у нас нет достаточного количества подготовленных медиаторов, то тогда к их услугам школы должны прибегать, когда эта необходимость возникнет. При этом мне кажется, что школам необходимо дать четкую установку в каких случаях можно обращаться к медиатору. Во-первых, чтобы не доходить до крайностей, когда по поводу простой ссоры бегут к медиатору. Это внесет неразбериху и обесценит суть метода количеством обращений. Во-вторых, чтобы могли распознать и не упустить эту ситуацию и не говорили потом, что мы все самые умные и сами все делаем. Просто они должны понимать, что да, в этом случае необходимо обратиться к медиатору.

Чтобы медиатор все это разруливал.

– Как коррелируют права человека и медиация?

– Я думаю очень хорошо: использование медиации дает возможность в достаточно сложных случаях конфликтов их разрешать, не умаляя человеческое достоинство.

– Есть ощущение, что чудесная инициатива по внедрению школьных служб примирения не состоялась в большинстве образовательных организаций. Почему не прижились школьные службы примирения?

– Я думаю, что как всегда в подобных случаях, когда инициативы внедряются и проваливаются, не было, по всей видимости,

желания руководства школ, чтобы эти службы действительно выполняли свою миссию. А второе – сами медиаторы, скорее всего, были подготовлены с точки зрения обучения ведению медиации в простых, не слишком сложных случаях, потому что чаще всего, как я понимаю, это были дети. Просто они по ряду причин не могли выйти на самые сложные случаи. И с организационной точки зрения не были готовы действовать так, чтобы когда это надо – всегда медиация проводилась. Их, может быть, готовили вести переговоры, но не готовили к организационной миссии. Ну, и кроме того, если я правильно понимаю ситуацию, службы примирения были изначально рассчитаны на один тип конфликта: ученик – ученик. А часто это могут быть и конфликты в плоскости учитель – учитель и ученик – учитель. Такими конфликтами, конечно, ученические службы примирения не могли заниматься, а это необходимо. Должны быть медиаторы, которые занимаются такого рода конфликтами тоже. Естественно, это должны быть взрослые люди.

– Нужно ли учить медиации или элементам медиации студентов педагогических вузов?

– Я думаю, что как минимум должны понимать, как этот инструмент работает. Желающие, кто хотел бы сам стать медиатором, должны понимать, как им получить эту компетенцию. Конечно, такая деятельность требует соответствующей квалификации. На мой взгляд, понимать сущность медиации как процесса, как работающего инструмента, должны все выпускники вузов. Это дополнительная квалификационная вещь, в основе которой всё-таки должна

быть некоторая психологическая подготовка.

– Предположим, что вдруг в Пермском крае медиация прижилась и заработала. Как вы думаете, в каких отраслях нашей жизни сегодня очень необходима медиация?

– Обязательно в школе! Мы много работаем в этой сфере. Сегодня в школе медиация необходима. Так же медиация необходима в сфере правоприменения, в том числе в сфере альтернативных наказаний. То, как применяется медиация в судебной сфере сегодня, это всё-таки о договорах, о юридической сделке. А вот медиация с точки зрения осмысления преступником и правонарушителем того, что он сделал, я считаю, необходима. Это должно приводить к попыткам каким-то образом загладить вину. Это называется восстановительным правосудием. Сегодня нам необходимо проделать путь от жестоких наказаний в сторону расширения восстановительного правосудия. Вот это сегодня очень важно. Особенно в сфере, когда мы имеем дело с детьми.

Ювенальная юстиция, которую сегодня трактуют весьма искаженно, необходима нашему обществу. Вот это сегодня даже важнее, чем что-то делать в школах, поскольку это другого рода история. Восстановительное правосудие может касаться и детей, и взрослых. Не обязательно, когда правонарушители дети. Но дети в первую очередь. Потому что здесь есть больше возможностей, что нарушители смогут осознать свою вину, загладить свою вину и осознать, что путь криминальный – это очень плохо.

– Тогда представление о медиации должны получать и выпускники вузов ФСИН?

– Все, кто получает юридическое образование. И выпускники юридических факультетов, и те, кто получает юридическое образование через системы МВД, ФСИН, ФСБ. Они же все юридическое образование получают. Все, кто получает юридическое образование как ведомственное, так и гражданское, должны иметь адекватное представление о медиации и о восстановительном правосудии.

Медиация сегодня: мнения, суждения, комментарии

В ходе подготовки номера, посвященного медиации, мы решили провести небольшое полевое исследование, а именно: опросить наших читателей, друзей и подписчиков в соцсетях о том, что они знают о медиации и каково значение медиации сегодня.

Результаты получились интересные. Публикация мини-опроса в соцсети «В контакте» не получила отклика читателей, а вот Facebook и его аудитория принесли несколько ценных мнений, достойных внимания и размышления наших читателей. Некоторые честно признались, что о медиации слышат впервые, но с удовольствием познакомятся поближе с этим понятием и стоящей за ним сферой деятельности.

Мы спрашивали у читателей:

Что для Вас медиация?

Как думаете, нужна ли нам сегодня медиация?

Вот какие рассуждения получились в итоге.

Татьяна: «Думаю, что медиация, оказываемая профессионалами по медиации, нужна в различных сферах деятельности, как способ цивилизованного разрешения конфликтов и разногласий. Актуальна медиация в сфере семейных отношений, в образовании, здравоохранении, в сфере жилищно-коммунальных отношений (УК-собственники), в разрешении разногласий между населением и представителями различных властных структур и т.д. Сегодня важно технологией владеть и со-

блюдать ее, а формы организации могут быть самые разнообразные. Обучать переговорным техникам можно, но организацию медиации это знание не заменит. Медиация – это специально организованная деятельность, а не просто знание способов разрешения конфликтов. Можно знать какую таблетку выпить, чтобы снять головную боль, но это не значит, что это заменит врачей.

Медиация существенно отличается от переговоров. Одно из важных заключается в добровольном вхождении обеих сторон (участников конфликта) в процедуру медиации, где участниками являются представители сторон и медиатор, владеющий специальной техникой организации взаимодействия сторон. В переговорах не учитывается добровольность и наличие 3 стороны. Зачастую вообще переговоры проходят в очень жестких условиях. Различие и в результатах: переговоры могут ничем не закончиться, тогда как процедура медиации предполагает положительный результат.

Многие критикуют медиацию, говорят, что внедрение этой технологии в России невозможно. Думаю, что разумней выносить суждение о предпочтении той или иной технологии тогда, когда ты сам владеешь ей или испробовал на себе в качестве клиента. Очень успешное применение технологии медиации видела как в России, так и за рубежом. Но думаю, что тут суть скорее не в том, применение какой технологии или техники больше оправдано, а в том, кто и насколько профессионально владеет и умеет ее при-

менять, получая результат. А вот здесь, я думаю, все не так просто и многое зависит как от личностных данных специалиста (умение анализировать, рефлексировать и др.), так и от неких внешних условий. Психологи, психотерапевты далеко не все имеют удачный опыт деятельности, хоть и образование многие получают вполне приличное».

Евгений, журналист: «Мое мнение всю жизнь было одно: это нечто, чего не существует. Профанация».

Светлана, маркетолог: «Применение медиации постоянно расширяется. И главное – она становится более доступной, например, для малоимущих семей, переживающих конфликт. В «Территории семьи» уже функционирует служба медиации, основной вопрос – определение порядка общения с детьми при разводе, потому что не бывает ни бывших родителей, ни бывших детей».

Ольга, антрополог: «Думаю, все равно не получится в России ее применять в том виде, как на Западе. Лучше оздоравливать саму атмосферу в школах, учить старшее поколение, директоров, завучей и прочих старушек, то есть самую токсичную и невыносимую часть школы, переговорным техникам. Дети и подростки и так умеют».

Максим, медиатор: Медиация нужна и важна. Профессионально занимаюсь ей 8 лет. В следующих сферах: семейная, жилищная, школьная, коммерческая, в сфере интеллектуальной собственности

и теперь еще в восстановительной и этноконфессиональной. Обращайтесь, с удовольствием поделюсь опытом в Уфе и Республике Башкортостан.

Марета, руководитель НКО: «Медиация – это замечательный инструмент. Жаль только, что обучение ей требует больше времени, чем обычно позволяют наши ресурсы. Мы для наших волонтеров проводили вводный тренинг – им очень понравилось. Теперь говорят, что им помогает в общении».

Любовь, режиссер: «Нужна! еще как нужна!»

Карина, журналист, редактор: «На мой взгляд, медиация совершенно необходима. И странное дело, но, прежде всего, необходима в образовании и здравоохранении, с моей точки зрения. То есть в тех сферах, которые должны быть изначально направлены на понимание второй стороны отношений. Ну и понятно, при спорах в семейном праве, решение кон-

фликтов в сферах от ЖКХ до органов юстиции. Однако когда я начинаю думать о реализации, пыл несколько угасает. Модератор должен обладать таким набором качеств, что сразу делает его штучным. Объективное рассуждение споров – не просто сложный процесс, а сложный в пятой степени».

Любовь, писатель: «Исторически так сложилось, нас воспитывали непримиримыми. Поколения родителей передали своим последователям именно непримиримость. Проще всего было передать это: инфантилизм и непримиримость. В сумме получилась очень плохая штука. Мы (в целом, в среднем, частотно...) даже не в силах осознать, с чем собственно не хотим примириться. И, что совсем плохо, не испытываем потребности в примирении, потребности разобраться, зачем нам «всё или ничего!» Мы просто не идем на уступки, а когда нас принуждают, воспринимаем навязанное решение конфликта как травму. Принуждение всегда травмирует, чего уж тут... Судебное решение не удовлетворяет по

крайней мере одну сторону, а зачастую и обе остаются обиженными, потому то один получает «не всё», другой то самое «ничего» да еще с отягощением, хотя рассчитывал на иное. Медиатор как раз помогает избежать травмы. Но идти к медиатору?! Зачем?! Вот этот рубеж как-то надо преодолевать, пусть даже и принуждением. Иначе мы станем (да уже практически...) случайным набором непримиримых озлобленных обиженных друг на друга особей».

В ходе опроса мы в очередной раз убедились, что на сегодняшний день понятие «медиация» пока не является общедоступным и массовым. Команда, работающая над созданием этого номера, надеется, что благодаря нашей работе вы, уважаемые читатели, сможете сложить свое представление о медиации. И, как знать, может данная технология и специалисты заинтересуют вас, побудив воспользоваться медиацией для решения каких-то сложных жизненных вопросов.

Марианна Дячук

кандидат юридических наук, доцент кафедры

гражданского права и гражданского процесса

Восточно-Казахстанского государственного

университета имени С. Аманжолова,

директор Представительства РОО

«Национальная Палата Медиаторов» по ВКО.

Современное развитие примирительных процедур в Республике Казахстан

Одной из перспективных как в Казахстане, так и во всех ведущих государствах на сегодняшний момент и важных процедур в разрешении конфликтов и споров в гражданско-правовом поле, являются примирительные процедуры. На современном этапе развития Республики Казахстан основной целью правовой реформы является формирование национальной правовой системы. Президентом Республики Казахстан Назарбаевым Н.А. еще в 2009 году на V Съезде судей Республики Казахстан была поставлена одной из главных задач – внедрение альтернативных методов урегулирования споров путем медиации, как приоритетного направления совершенствования судебной системы. Благодаря именно этому поручению Главы государства возник институт медиации в нашей республике.

Концепцией правовой политики РК на период с 2010 до 2020 года определено, что в целях максимальной реализации прав участников гражданского судопроизводства, своевременной защиты и восстановления нарушенных прав и свобод личности, интересов общества и государства, меры по совершенствованию гражданско-процессуального законодательства могли бы быть ориентированы также на закрепление разнообразных путей и способов достижения компромисса между сторонами частно-правовых конфликтов (медиация, посредничество и другие) как в судебном, так и во внесудебном порядке, в том числе обязанности обсуждения возможности использования мер примирительных процедур при подготовке дела к судебному разбирательству, а также развитие внесудебных форм защиты гражданских прав.

Необходимость внедрения альтернативных форм рассмотрения споров, в том числе примирительных процедур обусловлена рядом причин.

Первое. Большая нагрузка на судей, рассматривающих споры по гражданским делам, что сказывается на качестве правосудия.

Второе. Процедура рассмотрения споров в судах первой инстанции требует определенного времени и сил, в том числе финансовых затрат.

Третье. Судебные решения, как правило, удовлетворяют только одну сторону, вторая остается недовольной, что влечет за собой длительную процедуру обжалования (апелляционная, кассационная и надзорная инстанции). У каждой из указанных инстанций есть свои временные сроки,

дело может растянуться на месяцы, а в некоторых случаях и на годы. Указанные обстоятельства вызывают не только уклонение от добровольного исполнения решений суда, но и воспрепятствование их принудительному исполнению.

В Казахстане Закон «О медиации» был принят 28 января 2011 года. С 2011 года и по сегодняшний день Закон претерпел 9 изменений. Согласно данному Закону сферой применения медиации являются споры, возникающие из гражданских, трудовых, семейных и иных правоотношений с участием физических и юридических лиц, а также рассматриваемые в ходе уголовного судопроизводства по делам о преступлениях небольшой и средней тяжести.

В процессе изучения и анализа судебной практики деятельности института медиации позволяет сделать выводы о том, что в последние десятилетия медиация развивается очень динамично и все больше воспринимается международным сообществом как универсальный способ разрешения споров.

Несколько неоспоримых преимуществ данного института и перспективы применения медиации в Казахстане:

– внедрение и применение процедуры медиации позволило в некоторой степени снизить существующую нагрузку в судах республики;

– медиация имеет явные преимущества в области разрешения корпоративных споров. В этом случае, более высока вероятность удовлетворения интересов сторон результатами рассмотрения спора, так как стороны спора являются активными участниками процесса принятия соглашения, а

не сторонними наблюдателями, как в суде. К тому же, участники такого спора, разрешенного посредством медиации могут вполне успешно сотрудничать в будущем, тогда как отношения между участниками судебного разбирательства часто бывают безнадежно испорчены;

– несомненным плюсом является и конфиденциальность процедуры медиации, тогда как судебные споры в какой-то степени становятся достоянием общественности;

– дела, рассматриваемые с привлечением медиаторов, а не посредством обращения в суд, экономят массу времени и денег конфликтующим сторонам;

– медиация незаменима в некоторых гражданских спорах. Особое место здесь занимают семейные споры, вопросы опеки над ребенком. Обычно, если в ходе развода супруги не достигают согласия по каким-то вопросам, они обращаются за разрешением своего спора в суд. Но эффективно ли это во всех случаях? Увы, но ответ очевиден. Обращение в суд уже само по себе является дополнительной травмой и для бывших супругов, и для их детей. Суд не помогает сторонам понять друг друга (собственно, это и не является его задачей), не говоря уже о нормализации отношений с другими участниками конфликта, кого косвенно могут затронуть последствия разлада (бабушки, дедушки, др. родственники) Наоборот, как показывает практика, в суде супруги еще сильнее погружаются в конфликт, забывая о своих родительских обязанностях и используя свои родительские права для того, чтобы «выиграть дело».

Как правило, решения, основанные на правоприменении, так

или иначе, удовлетворяют, в лучшем случае, интересы только одной стороны. То, что суд вынесет решение либо в пользу отца, либо матери, все равно останется некоторым насилием, которое не способствует сохранению партнерских отношений. В этих условиях сложно переоценить роль медиации при бракоразводном процессе. Ведь медиатор, получивший должную подготовку, обладает инструментарием, который позволяет ему обращаться к эмоциям, тревогам, переживаниям, ценностям людей. Во главе угла в медиации – бережность в обращении с людьми, внимательность к их нуждам. Медиатор не председательствует в формализованном процессе и не выносит решения, опирающегося на какие-то внешние требования. Задача медиатора – способствовать людям проявиться в максимальной степени, что и позволит им в итоге выработать уникальное и отвечающее именно их потребностям решение.

У данного института также имеются и свои минусы, которые выражаются в следующем:

– принятое решение путем медиации подлежит обязательно исполнению обеими сторонами. В случае неисполнения одной стороной указанных обязанностей отсутствуют меры принудительного исполнения, и договор практически не имеет значения. В связи с этим время и затраты на это соглашение будут попросту потрачены без какой-либо пользы;

– размер вознаграждения медиаторов определяется сторонами. Медиаторы, осуществляющие свою деятельность на платной основе, могут самостоятельно подбирать себе более выгодные предложения, чаще стараются брать за дела с высоким вознаграждением, в связи с этим не многие

люди могут себе позволить услуги медиаторов.

Совершенствование гражданского судопроизводства является актуальной, так как со дня обретения независимости Республики Казахстан одним из главных приоритетов становления правового государства является развитие судебной системы. Поэтому из года в год в нашем государстве проходит большое количество форумов по реформе судебной системы. Заинтересованность казахстанских властей во внедрении в национальное уголовное и гражданское судопроизводство разнообразных примирительных процедур (в том числе медиации) заслуживает всяческой поддержки. Инициатива, которая была выдвинута на высшем политическом уровне и оформлена в виде одного из поручений, данных Президентом Республики Казахстан на V съезде судей 18 ноября 2009 года. Высокий уровень инициативы с очевидностью демонстрирует наличие в Казахстане политической воли, направленной на имплементацию в национальную правовую систему новейших примирительных процессуальных технологий, которые относительно давно известны на Западе и которых явно не хватает на так называемом постсоветском пространстве. Дальнейшее движение с неизбежностью потребовало технического решения поставленной политической задачи, в результате чего появился подготовленный Верховным судом РК проект Закона Республики

Казахстан «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам внедрения примирительных процедур (медиации)».

Сегодня в Казахстане судебное разбирательство и иные юрисдикционные механизмы рассмотрения и разрешения гражданских дел являются основными способами защиты нарушенных прав, свобод и законных интересов. Однако нельзя отрицать, что в современных условиях становления и динамичного развития гражданского общества они зачастую оказываются недостаточно эффективными. Если некоторое время назад суды, медиаторы, органы исполнительной власти занимались не чем иным как популяризацией процедуры, то на сегодняшний день на фоне последних изменений в законодательстве (вступление в силу Уголовного, Уголовно-процессуального кодекса РК, Гражданского процессуального кодекса РК) возникают проблемы сугубо практического характера, которые, несомненно, требуют своего разрешения.

В настоящее время необходима более четкая и систематизированная разработка нормативно-правовой базы, а также конкретизация и более детальный подход к самой процедуре и ее субъектам.

Особенности деятельности по проведению медиации в Республике Казахстан предопределяются

сутью данной процедуры и целями ее внедрения в казахстанское правовое поле. Применение медиации призвано обеспечить беспрепятственную реализацию прав участников правоотношений посредством урегулирования возникающих споров без приведения в действие существующих юрисдикционных механизмов. В этом смысле процедура медиации является элементом единой системы урегулирования и разрешения правовых споров и признанным государством способом защиты нарушенных прав. Целью деятельности медиатора является оказание помощи сторонам в урегулировании правового спора и восстановлении субъективной справедливости. Соответственно, данный вид деятельности не может иметь целью извлечение прибыли и осуществляться посредником на свой риск. Рассмотрение проведения медиации в качестве гражданско-правовой услуги, оказываемой на платной основе, в силу особенностей казахстанского менталитета и правовой культуры уменьшает степень значимости примирительных процедур и формирует к ним негативное отношение в обществе. В дальнейшем для реализации потенциала медиации следует рассматривать медиацию именно в качестве самостоятельного вида профессиональной деятельности, которая заключается в оказании квалифицированной помощи участникам спорных правоотношений в урегулировании возникшего между ними спора.

Для реализации потенциала медиации следует рассматривать медиацию именно в качестве самостоятельного вида профессиональной деятельности.

Елена Жбанникова

профессиональный медиатор

город Барнаул

Алтайский край

Трансформация. От борьбы к сотрудничеству

Коммуникация, взаимодействие – без этих понятий очень сложно представить нашу жизнь. В ходе становления (взросления), происходит закрепление тех или иных поведенческих реакций, которые прошли апробирование и имеют статус в нашем сознании как успешные. Такой статус получают те поведенческие формы, с помощью которых мы достигли поставленной цели. Но в течение жизни мы иногда сталкиваемся и с тем, что данные привычные и удобные формы не всегда эффективны. Так, случалось, что мы рассчитывали на один результат, а получали прямо противоположный, почему?

Для того, чтобы ответить на этот вопрос нужно досконально разобраться в ситуации на предмет:

1. Жизненная сфера, в рамках которой произошла эта ситуация. Любая наша поведенческая реакция – это реакция на импульс извне. Она должна быть уместна. Если мы решаем с большим успехом различного рода спорные вопросы на работе, в профессиональной сфере, то это совсем не означает, что та же поведенческая реакция результативно себя

проявит в вопросах межличностного характера (например, «синдром начальника», когда человек в силу длительного пребывания на должности руководителя, переносит свою директивную форму общения на свое близкое окружение в обстановке неформального общения).

2. Эмотивная часть. Очень важно понять, почувствовать, с каким эмоциональным посылом было сделано или сказано то, что спровоцировало спор, конфликт (например, вы просто ответили «нет», а человек мог услышать это как высокомерное «нет» или пренебрежительное «нет» и т.д.)

3. Что вы хотели получить в действительности? Какова ваша реальная цель, в чем интерес?

Ответ на третий вопрос возможен при одном лишь условии – снижение эмоциональной составляющей конфликта.

Очень сложно посмотреть на ситуацию со стороны. Мы часто слышим: «поставь себя на его место», «посмотри на себя со стороны». Со стороны – это как? Когда тебя

терзают болезненные чувства обиды, стыда, ненависти, страха, задеты важные для тебя интересы, растоптаны значимые для тебя ценности. Почему ты должен смотреть на все это «со стороны»?

4. Что ты готов сделать для разрешения данной ситуации?

Самостоятельно, в одиночестве, найти ответы на все эти вопросы представляется довольно тяжелым, длительным процессом, который в результате может оказаться провальным (безуспешным).

Медиатор – посредник, предлагает свои услуги по созданию условий, в рамках которых возможен процесс трансформации, перерождения. Это не комбинации воспитательного характера, у медиатора нет цели изменить вас или того человека с кем возник спорный вопрос, у медиатора есть только одна задача – создать условия и поместить в эти условия тот конфликт, спор, который мешает вашей спокойной жизни. Специальный набор техник, позволяет совместно с участниками дистанцироваться, выйти из острой конфликтной ситуации

и цивилизованно начать поиск способа по его разрешению. Совместный процесс, совместная работа – это ни что иное, как первый шаг к сотрудничеству. Сотрудничество – это всегда социально ориентированный акт действия. Смысл в сотрудничестве слышать и понимать друг друга, без этого стремления сотрудничество невозможно. Только после выхода переговоров на этот уровень, мы можем говорить о том, что «торг», «борьба позиций», «противостояние» уже в прошлом. Они осознаются участниками спора, как неэффективные. И видя результаты совместного сотрудничества, в форме заключенного медиативного соглашения, которое будет учитывать интересы и потребности каждой из сторон, теряют интерес к ранее использованным силовым формам разрешения конфликта.

Особое внимание хотелось бы уделить вопросу реализации и

укрепления медиативных техник в школьной среде.

Мы часто сталкиваемся с острыми конфликтными ситуациями в рамках школьного пространства. Это конфликты между учениками, учеником и учителем, родителем и учителем, а также таким явлением, как буллинг.

Медиативные техники позволяют не только эффективно работать с подобными ситуациями, а также имеют направленность на удержание эффекта, предотвращение рецидивов.

Так, восстановительная медиация хорошо зарекомендовала себя в работе с конфликтными ситуациями между учениками, в преодолении буллинга. Данное направление не только прорабатывает конфликт, снижает эмоциональную напряженность, но и позволяет восстановить межличностные взаимоотношения до уровня нор-

мальные. Уважение и понимание друг к другу становятся основой для построения новой формы взаимодействия конфликтующих сторон. Данное направление хорошо зарекомендовало себя и в работе с детьми, находящимися в трудной жизненной ситуации, с отъявленными хулиганами и правонарушителями. Осознание потребности и возможности загладить свою вину, снять ярлык «хулигана», попробовать себя в новой социальной роли, является спусковым механизмом в процессе «перерождения».

Нарративная медиация показывает прекрасные результаты в работе с конфликтами учитель – родитель и учитель – ученик. Обладает не только терапевтическим эффектом, а также позволяет в условиях равенства и беспристрастности создать совместно с участниками конфликта новую реальность, в рамках которой они способны комфортно существовать и взаимодействовать.

Фасилитивная медиация качественно прорабатывает болезненные эмоционально и морально проблемные ситуации, ее ориентация на понимание и принятие, помогает преодолеть психологические барьеры в работе с конфликтами учитель – ученик, когда педагог морально «изношен», а ребенок (подросток) не имеет опыта построения конструктивных взаимоотношений со взрослыми.

Ярким примером является высказывание одного ученика об учителе: «Так она тоже человек, получается?» На первый взгляд, факт очевидный, но осознание пришло гораздо позже. Следующая стадия – раскаяние и анализ тех неприятностей, которые были причинены учителю. Вскоре они не просто стали мирно общаться, а по-настоящему подружались.

Развитие и внедрение медиации в школьное пространство считаю необходимым и значимым вопросом. Есть известное выражение: «дети – это наше будущее». Отвечая на вопрос: «А каким мы бы хотели видеть наше общество через десять, пятнадцать лет?», все «рисуют» красивую картину полную надежд и процветания, так вот, все это становится возможным, если мы научимся сами, и научим наших детей конструктивному взаимодействию, даже в ситуациях с повышенным эмоциональным фоном, сотрудничеству, продуктивному взаимодействию, разрешению конфликтных ситуаций без агрессии и насилия, построение диалога и поддержание ценности бесконфликтного общения.

Наставничество педагога-медиатора, проведение уроков по способам разрешения конфликтных ситуаций, формирование навыка построения диалога с агрессором, обучение учеников посредничеству, переговорным техникам, всё это уже способствует профилактики конфликтов в школьной среде. А значит, повышается уровень безопасности, снижается тревожность, как у учителей, так и у учеников и их родителей. Повышается общая успеваемость школы.

Невозможно эффективно осваивать образовательную программу, находясь в стрессовом и тревожном состоянии. Страх всегда ведет к стагнации. Мы не можем ждать от учеников высоких показателей, когда они не ощущают себя в полной безопасности. Существует масса конфликтных ситуаций, которые скрыты от глаз взрослых.

Открытие сети школьных служб примирения является довольно сложной финансовой задачей для регионов. В связи с чем в Алтай-

ском крае (город Барнаул), было принято решение о создании независимой службы медиации по решению конфликтов в образовательной среде (АНО ДПО «Содействие»). Специалисты данной организации приглашаются родителями или школьной администрацией для работы с конфликтными ситуациями. Расходы по привлечению специалиста изыскивают либо родители, либо сама школа.

Работая с конфликтной ситуацией, мы проводим ряд уроков для самих учеников, обучаем учителей, проводим встречу с родителями. Конечно, очень важна поддержка именно родителей. Они выступают в роли «группы поддержки», если речь идет об урегулировании ряда межличностных конфликтов внутри класса, или проблема «новенького», стычки с учителями и так далее.

Занимаясь разрешением конфликтной ситуации между администрацией школы и родителем, также важно обеспечить «баланс сил», иначе подобные мероприятия проходят в форме «отчитывания» родителя, который, пытаясь защитить свои интересы, порой уходит в агрессию, не говоря о важном и значимом. Соответственно беседа в такой форме малоэффективна, а иногда приводит к эскалации конфликта.

Медиация – это не просто технологический процесс ведения переговоров. Это не только набор техник и инструментов, направленных на разрешение конфликтных ситуаций. Это прежде всего профилактика. Преступниками не рождаются, а становятся, люди озлабливаются и прибегают к крайним мерам, когда их уровень тревожности зашкаливает. Мы всегда в силах предотвратить ряд нелицеприятных

ситуаций с помощью трансляции ценностей сотрудничества, уважения и бережного отношения к чести личности, выстраивая диалог с позиции поиска консенсуса, а не борьбы интересов.

Популяризация медиации в сфере образования в нашем регионе только начинает набирать обороты. Значительная потребность в реализации данного проекта «службы независимых медиаторов» ощущается со стороны родителей, учеников и учителей, школьных психологов и социальных педагогов. Конечно, внедрение школьных служб медиации в каждое учебное заведение имело бы большой эффект. Стационарная служба, которая имеет возможность ежедневно работать с участниками учебного процесса, способна удерживать длительный положительный эффект и уже с начальных классов формировать навыки продуктивной коммуникации или бесконфликтного общения, умению отстаивать свои интересы, не вступая в конфликт. Но для малых регионов это пока роскошь. Тем не менее, работа «по приглашению» тоже имеет свои результаты, а самый главный из них – это трансформация, переход от борьбы к сотрудничеству.